

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Генри
Каттнер

ВОСХОД
ЧЕРНОГО СОЛНЦА

*и другие
галактические одиссеи*

« А З Б У К А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Генри Каттнер

**«Восход Черного Солнца» и
другие галактические одиссеи**

«Азбука-Аттикус»

1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Каттнер Г.

«Восход Черного Солнца» и другие галактические одиссеи /
Г. Каттнер — «Азбука-Аттикус», 1938, 1939, 1940, 1941, 1942,
1943, 1944, 1945, 1946, 1947 — (Фантастика и фэнтези. Большие
книги)

ISBN 978-5-389-23074-3

Он родился в Лос-Анджелесе в 1915 году. Рано оставшись без отца, жил в бедности и еще подростком был вынужден зарабатывать. Благодаря яркому и своеобразному литературному таланту Генри Каттнер начал публиковаться в журналах, едва ему исполнилось двадцать лет, и быстро стал одним из главных мастеров золотого века фантастики. Он перепробовал множество жанров и использовал более пятнадцати псевдонимов, вследствие чего точное число написанных им произведений определить невозможно. А еще был творческий тандем с его женой, и Кэтрин Люсиль Мур, тоже известная писательница-фантаст, сыграла огромную роль в его жизни; они часто публиковались под одним псевдонимом (даже собственно под именем Каттнера). И пусть Генри не относился всерьез к своей писательской карьере и мечтал стать клиническим психиатром, его вклад в фантастику невозможно переоценить, и поклонников его творчества в России едва ли меньше, чем у него на родине. В этот том вошли повести и рассказы, написанные в период тесного сотрудничества Каттнера с американскими «палп-журналами», когда он был увлечен темой «космических одиссей», приключений в космосе. На русском большинство из этих произведений публикуются впервые.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-23074-3

© Катнер Г., 1938, 1939, 1940, 1941,
1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947

© Азбука-Аттикус, 1938, 1939, 1940,
1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946,
1947

Содержание

В стране забвения	7
Глава 1. Хрустальное окно	7
Глава 2. Охотник	11
Глава 3. Землетрясение	15
Глава 4. Пифия	18
Глава 5. Шпион из Города	22
Глава 6. Сонное заклятие	29
Глава 7. Фальшивый крестоносец	34
Глава 8. Блеф	40
Глава 9. Бегство по воде	45
Глава 10. Она – но не та	48
Глава 11. Снова Охотник	53
Глава 12. Средство от колдовства	57
Глава 13. Король умер	61
Глава 14. Лед и пламя	65
Глава 15. Возвращение	69
Пират Перси	74
Я – Эдем	83
Глава 1. Очарованный голландец	83
Глава 2. Бегство	88
Глава 3. Фантастический край	93
Глава 4. Поющие растения	98
Глава 5. Человек, который слишком много видел	103
Глава 6. Мраморный человек	108
Глава 7. Эдема больше нет	112
Полдень	115
Среди чудес прекрасных	125
Глава 1. Трансмутация	125
Глава 2. Ци	129
Глава 3. Мир, которого не может быть	134
Глава 4. Бомба	138
Глава 5. Сигнал	142
Глава 6. Вторжение	146
Глава 7. Битва титанов	151
Глава 8. Всепожирающее пламя	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Генри Каттнер

«Восход Черного Солнца»

и другие галактические одиссеи

Henry Kuttner

LANDS OF THE EARTHQUAKE © Henry Kuttner, 1947

PERCY THE PIRATE © Henry Kuttner, 1945

I AM EDEN © Henry Kuttner, 1946

NOON © Henry Kuttner, 1947

THE POWER AND THE GLORY © Henry Kuttner, 1947

WORLD WITHOUT AIR © Henry Kuttner, 1940

NO MAN'S WORLD © Henry Kuttner, 1940

THE ELIXIR OF INVISIBILITY © Henry Kuttner, 1940

BETTER THAN ONE © Henry Kuttner, 1943

WHAT HATH ME? © Henry Kuttner, 1946S

WORD OF TOMORROW © Henry Kuttner, 1945

THE BLACK SUN RISES © Henry Kuttner, 1944

WE GUARD THE BLACK PLANET © Henry Kuttner, 1942

RED GEM OF MERCURY © Henry Kuttner, 1941

EYES OF THAR © Henry Kuttner, 1944

BEAUTY AND THE BEAST © Henry Kuttner, 1940

SUICIDE SQUAD © Henry Kuttner, 1939

TOO MANY COOKS © Henry Kuttner, 1942

MUSIC HATH CHARMS © Henry Kuttner, 1944

DARK DAWN © Henry Kuttner, 1947

CRYPT-CITY OF THE DEATHLESS ONE © Henry Kuttner, 1943

LATER THAN YOU THINK © Henry Kuttner, 1942

TO DUST RETURNETH © Henry Kuttner, 1943

THE SHINING MAN © Henry Kuttner, 1940

NIGHT OF GODS © Henry Kuttner, 1942

REMEMBER TOMORROW © Henry Kuttner, 1941

THE TIME TRAP © Henry Kuttner, 1938

© Н. Б. Берденников, перевод, 2023

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2023

© О. Г. Зверева, перевод, 2023

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2023

© В. О. Михайлова, перевод, 2023

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023

© К. П. Плешков, перевод, 2023

© А. С. Полошак, перевод, 2023

© С. Б. Теремязева, перевод, 2023

© А. В. Третьяков, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

В стране забвения

Глава 1. Хрустальное окно

В тридцатилетнем возрасте Уильям Бойс потерял год жизни.

Однажды августовским утром он шел вдоль южного фасада библиотеки на Пятой авеню, мимо охранявших широкие ступени каменных львов, а потом – год спустя – вдруг очнулся на койке больницы Бельвью. Патрульный полицейский нашел его лежащим без сознания на лужайке Центрального парка. Бойс вышел из Бельвью и оказался в аду.

В амнезии самой по себе не было ничего нового. По словам психиатров, при надлежащем лечении память могла восстановиться. Пока же самый лучший выбор – вернуться к привычному образу жизни, к занятиям, столь внезапно оставленным год назад.

На первый взгляд это было легко, и Бойс попытался последовать совету. Но к лекциям в университете он утратил всякий интерес. У него развилась навязчивая идея: он должен разгадать тайну потерянного года, иначе просто не сможет жить дальше.

Иногда мелькали обрывки воспоминаний: смуглое усатое лицо, тихий голос, говоривший на языке, казавшемся знакомым и вместе с тем чужим.

Когда-то на лекциях по классической литературе Бойс слышал отрывок из средневековой рукописи на старофранцузском. А теперь этот язык, звучавший шестьсот лет назад, он понимал как родной. Ну разве не странно?

Еще из глубин сознания порой всплывали какие-то темные силуэты. А единственным реальным напоминанием о случившемся был маленький кристалл.

Район возле Ист-Ривер, в южной части города, будил в Бойсе некие потаенные чувства. Иногда, набравшись виски, он бродил по тихим улицам, сжимая в кармане кристалл, холодивший кожу, но никогда не согревавшийся от ее прикосновения. Все громче и настойчивее Бойса звал безмолвный голос из потерянного года.

Все чаще перед мысленным взором возникало смуглое мужское лицо. Бойс догадывался, что дело не в самом лице, что оно скорее ключ к некой тайне, чем нечто, имеющее самостоятельное значение. И это лицо было даже не живым, а нарисованным...

Однажды Бойс увидел это лицо в реальности. Он следовал за его обладателем в некотором отдалении, по казавшимся все более знакомыми улицам. Наконец очутился перед старинным узким зданием из бурого песчаника на берегу Ист-Ривер – задние окна наверняка выходили на реку. Глядя, как смуглый мужчина отпирает дверь, он понял, сам не зная почему, что именно это место столь долго влекло его к себе.

Он стиснул зубы, чувствуя, как проступают желваки на небритых щеках. Пересек улицу, поднялся на невысокое крыльцо и остановился, не осмеливаясь позвонить. А потом, нахмутив брови, резко нажал на кнопку.

Мгновение спустя дверь открылась. Охваченный слепой паникой, Бойс быстро шагнул вперед. Стоявший на пороге человек уступил ему дорогу, не отводя подозрительного взгляда.

Бойс смотрел мимо него. Да, ему знаком этот темный длинный коридор, как и уходящая во мрак наверху лестница, и другая, ведущая вниз.

– Что вам нужно? – резко спросил хозяин. – Что вы ищете?

Бойс всмотрелся в странно знакомое лицо.

– Моя фамилия Бойс, – поколебавшись, сказал он. – Вы меня не помните?

– Бойс? – Хозяин окинул его взглядом, полным подозрения. – Черт побери, нет! Послушайте, мистер, что вам нужно? Я вас не знаю.

У Бойса пересохло в горле.

– Два года назад... Вероятно, я сильно изменился, но не настолько, чтобы вы не могли меня вспомнить.

– Я никогда вас раньше не видел.

– Давно вы здесь живете?

– Десять лет, – ответил хозяин. – Если не считать...

– Я знаю этот дом! – в отчаянии заявил Бойс. – Там, дальше – гостиная с камином.

Он рванул вперед так быстро, что собеседник остался позади. Бойсу хватило секунды, чтобы пробежать через занавешенную арку и оказаться в захлавленной полутемной комнате – комнате, которая была ему знакома!

Он увидел камин и стену над ним. Там висела тонированная фотография в рамке, почти в натуральную величину, изображавшая смуглого мужчину.

Бойс помнил именно фотографию, а не самого человека! Он резко развернулся.

– Говорю же, я знаю этот дом! Я в этом уверен!

И снова его охватило необъяснимое стремление... к чему?

– Послушайте, – сказал хозяин, – я сказал, что живу здесь десять лет, если не считать того времени, когда сдавал дом внаем. Но сдавал я его человеку по фамилии Хоникомб, а не Бойс.

– Хоникомб? Кто это?

– Я его никогда не видел. Обо всем договаривался мой адвокат. Я выехал отсюда, а через год вернулся. С Хоникомбом ни разу не встречался, но именно так его звали.

Бойс уставился на домовладельца, пытаясь найти разгадку новой тайны. А потом вышел в коридор.

– Эй! – прозвучало за спиной, но Бойс не останавливался.

Он знал, куда идет.

Спускаясь по лестнице, он слышал раздраженный голос хозяина:

– Там внизу ничего нет! В подвальных комнатах пусто. Мистер, я сейчас позову...

Но Бойс уже скрылся в подвале. От напряженного ожидания дыхание участилось. Он не знал, что именно там найдет, но чувствовал, что наконец оказался на верном пути. Необъяснимый зов торопил его, приказывая сделать нечто, что следовало сделать уже давно.

Он вошел в маленькую пыльную комнату. В стенах из потрескавшихся досок не было окон, и тусклый свет просачивался лишь в дверь, на пороге которой стоял Бойс. Комната как комната, квадратная, пустая – и тем не менее Бойс удовлетворенно вздохнул.

Это та самая комната. Именно здесь...

Что произошло здесь?

Он ступил на пыльный пол. В комнате было настолько пусто, что единственный находившийся в ней предмет сразу же привлек его внимание. На полке стоял дешевый стеклянный подсвечник с огарком свечи. Вот только воск, из которого была сделана свеча, выглядел несколько странно. Это был почти чистый воск, голубовато-зеленый, словно вечернее небо, настолько прозрачный, что сквозь его наплывы можно было разглядеть тень фитиля.

Над головой послышались шаги. Бойс подошел к свече и неуверенно дотронулся до нее пальцем.

– Я помню ее, – прошептал он. – Я уже видел ее раньше. Но комната... Это и она, и не она. В ней никогда не было настолько пусто и грязно. Почему-то мне так кажется. Но все же... это именно та комната.

Было слишком темно, чтобы различить какие-либо детали. Бойс чиркнул спичкой и зажег свечу.

Комната должна была выглядеть несколько иначе. Богатство. Гобелены. Драгоценности. Шелка. Но вместе с тем она должна была выглядеть именно так. Каким образом...

Фитиль разгорелся, увенчавшись золотистым овоидом.

Бойс затаил дыхание.

– Чего-то не хватает, – тихо сказал он. – Вот чего!

Кристалл, который Бойс два года носил с собой, холодил пальцы, когда те почти бессознательно доставали его из кармана. Бойс поднес кристалл к свече, и хрустальные грани заиграли отблесками. Комната вмиг заполнилась пляшущими на полу, стенах и потолке светлячками. Рука дрогнула.

Теперь Бойс вспомнил еще одно мгновение – он вот так же держал этот кристалл, а она... она...

На стенах возникли движущиеся тени. Загадочные, нечеткие, они колыхались вокруг, словно призрачные занавеси на неощутимом ветру, и сквозь их складки просвечивали полупрозрачные драгоценные камни.

Вокруг Бойса все так же возвышались голые стены, серые, потрескавшиеся и пыльные, но на них постепенно обретали форму тени-гобелены, все сгущаясь. Доски уже наполовину скрылись под ними, как будто голые кости скелета обрастали эфемерной плотью.

С каждым мерцанием пламени свечи гобелены на стенах делались все более реальными. Драгоценные камни все ярче отражали свет. Под ногами появился пышный ковер, похожий на толстый слой пыли. Под потолком покачивалась туманная завеса из шелка, расшитая цветочным орнаментом, – вычурная сказочная паутина. И тем не менее сквозь все это великолепие проглядывало убожество комнаты: серые доски, пыль, запустение.

Бойс поднес кристалл к огню; рука больше не дрожала. Отраженное камнем сияние свечи отбросило паутину на поверхность стены, которая еще не была затянута тенями. Но голых досок уже не было видно. Там, куда падал свет, на стене возник кристаллический узор – этакая замысловатая снежинка.

Призрачные гобелены покачивались вокруг Бойса, как и туманные гирлянды над его головой, но узор на стене не менялся, разгораясь все сильнее; усиленное кристаллом пламя впитывалось в стену, подобно некоей материальной субстанции, вытравливало на ней кристаллический узор, – загадочная светящаяся кислота, навечно оставляющая свой след.

Гобелены покачнулись, как будто свет прорезал в воздухе отверстие, через которое вторгся ветер из другого мира.

Да, ветер иного мира дул сквозь узор, но его дыхания Бойс не чувствовал.

У него задрожала рука.

Нет, этого просто не может быть. Это всего лишь пьяная галлюцинация, и сейчас он проснется в каком-нибудь паршивом баре, под звуки убогой музыки, среди суетливой толпы посетителей – а вовсе не среди этих безмолвных гобеленов, которые выглядят до жути знакомыми.

Дрожала рука, но не падавший на стену свет. Не в силах поверить глазам, Бойс медленно опустил кристалл. Свет остался неизменным. Бойс сдвинул кристалл – тот был холоднее обычного, и холод, казалось, проникал в ладонь – и вернул гладкий сверкающий предмет в карман, не отводя взгляда от стены.

Прекрасный узор больше не был отражением. Он стал настоящим: сверкающий хрустальный орнамент, совершенный, как снежинка, и столь же хрупкий. Бойс знал это, хоть и не смог бы сказать откуда.

И пока что в комнате узор был единственной по-настоящему реальной вещью. Голых ребер-досок, пыли и ветхих половиц Бойс уже не видел. Покачиваясь на пахнущем благовониями ветру, исходившем от хрустальной стены, гобелены казались более реальными, чем сам Бойс. Но все же ни гобелены, ни чуждый ветерок не были убедительно реальны.

И было еще нечто важное, что он силился понять.

Ну конечно же – она! Вот в чем дело! Именно мысль о ней преследовала его столь долго, ведя окольными путями к этому моменту, к этой волшебной комнате.

Бойс видел ее, стоявшую в этой комнате много месяцев назад... или мгновение назад? Время потеряло для него всякое значение. Но он не мог увидеть ее лица. Она стояла к нему спиной посреди богато убранной комнаты; ее силуэт отчетливо вырисовывался на фоне сверкающего узора. Высокая, прекрасная и опасная...

В мозгу вспыхнул яркий свет. Как будто щелкнул затвор фотоаппарата – и она на миг обернулась, чтобы взглянуть ему в глаза.

Она улыбалась. Он видел изгиб алых губ, блеснувшие белые зубы, фиолетовый огонь глаз. В улыбке таилась опасность – одновременно приглашение и угроза. А потом она шагнула вперед и...

Да, это было приглашение. Это могло случиться как год назад, так и миг назад. Для нее это ничего не значило. Она воплощала в себе ужас и даже нечто худшее, чем ужас. Она воплощала в себе то, от чего пытался закрыться его разум. Но Бойс вынужден был следовать за ней повсюду, куда бы она ни шла.

Бойс забыл обо всем остальном.

Он слепо шагнул вперед. Узор навис над ним, изящно сложенный из бесчисленных хрустальных нитей. За узором смутно виднелись движущиеся тени. Бойсу подумалось, что они могут означать опасность, но сейчас это слабо его волновало. Внушающее ужас лицо стояло перед глазами, словно пятно света, погасившее все прочее. Он не видел больше ничего, кроме этого улыбающегося лица.

Он инстинктивно закрыл глаза руками – и двинулся на стекло.

Послышался мелодичный звон, словно встряхнулись тысячи крошечных колокольчиков. Он почувствовал, как острые края распарывают рукава. В лицо ударил резкий холодный ветер, а потом мир ушел из-под ног, и Бойс провалился в бездну.

Больше он ничего не помнил.

Глава 2. Охотник

Издали доносился смех. Бойс открыл глаза и недоумевающе воззрел в сизый туман. Этот туман слоями висел в прохладном воздухе, а дальше возвышались каменные стены – горы? – вершины которых исчезали в дымке.

Снова раздался смех, на этот раз почти рядом, и в нем слышалось нечто похожее на рычание. Бойс сел, пытаясь понять, где оказался.

Все вокруг было усыпано сверкающими осколками стекла. Бойс вспомнил.

Он лежит на каменной поверхности, холодной и сырой, а позади него серая каменная стена, круто уходящая в облака. И ничего похожего на окна поблизости. Но он явно появился именно здесь, на этом уступе, поскольку повсюду валяется битое стекло – результат его провала сквозь узор. Если и была дверь, через которую он прошел, то теперь она наглухо закрыта.

Уступ был узким. Слева и справа уходила вниз тянувшаяся вдоль обрыва тропа. Все, что внизу, скрывал туман. Но впереди над зыбкой дымкой возвышались куртины и башни города. И очертания этого города выглядели довольно необычно. Бойс заморгал, вглядываясь в туман.

Крыши располагались достаточно высоко, чтобы туман не мог до них добраться. Бойс обнаружил, что частью они сделаны из иззубренного камня, частью из прозрачного стекла. Многие были ярко раскрашены, на манер шатров, – полосатые и узорчатые, они слегка покачивались на ветру.

В долине было достаточно темно, чтобы он мог видеть огни. Некоторые ярко светили сквозь хрусталь, некоторые, словно фонари, тускло сияли над разноцветьем похожих на шатры башен. Город будто справлял карнавал, украсившись праздничными светочами. Но было в нем и нечто такое, что внушало тревогу. Бойс не знал, воспоминания тому причиной или нечто, укоренившееся намного глубже, чем воспоминания. Может, сам инстинкт предостерегает насчет того, что таится за этими высокими стенами?

За городом – снова туман, а еще дальше – снова горы, поднимавшиеся все выше, вершина над вершиной, и самые дальние прятались в низко висящих тучах.

На одной из тех гор стоял гигантский замок. Бойс щурился, тщетно пытаясь его разглядеть. Туман на мгновение разошелся, словно вдруг поднялся занавес над сценой.

Бойс увидел массивные башни с бойницами; над самой высокой, словно язык пламени, плескалось алое полотнище. Похожие замки ему случалось видеть на старых картинах: мощные крепостные стены и башни, выглядевшие странно знакомыми в этом...

...В этом сне, в этом невероятном краю туманов и гор.

Облака снова сомкнулись, и очертания замка с алым стягом размылись, словно он лишь на миг возник в памяти, а потом туман прошлого поглотил его навсегда.

Бойс медленно встал.

И тут снова раздался смех, на этот раз более громкий, а на его фоне слышалось столь же громкое рычание.

Бойс повернулся. Звук доносился откуда-то сверху; мгновение спустя туман рассеялся, и Бойс увидел того, кто смеялся. На уступе чуть выше его, посреди клубов тумана, стоял высокий мужчина.

Бойс не поверил глазам.

Сперва ему показалось, будто у незнакомца тигриная шкура – гибкое тело, мускулистые руки и ноги покрывал бархатистый желто-полосатый мех. Но улыбающееся лицо было бледным, из-под шапки из тигриного меха падали на плечи черные волосы.

Человек стоял, чуть откинувшись назад и сжимая в руках кожаный ремень. Было видно, что он едва удерживает ремень, но невозможно было разглядеть сквозь туман, кто на другом конце.

Человек в тигриной шкуре слегка приподнял верхнюю губу в звериной улыбке и вытянул руку в сторону Бойса, отпустив ремень и быстро зашевелив пальцами. Звери, сидевшие у его ног, тотчас рванулись вперед, а их хозяин яростно расхохотался и опять натянул сворку. И при этом он не отводил взгляда от Бойса.

А звери вошли в раж. Улыбка исчезла с лица хозяина, он снова быстро зажестиковал, пытаясь успокоить питомцев. На Бойса незнакомец теперь смотрел иначе: взгляд был не менее яростным, чем до этого улыбка.

Бойс протянул руки ладонями вперед, демонстрируя мирные намерения. Больше он ничего не мог сделать, не мог ответить на таинственные жесты – хотя казалось, что он должен знать ответ.

Незнакомец расхохотался с каким-то убийственным наслаждением, словно именно такой реакции и ждал. Бойсу на миг подумалось, что этот человек давно его знает, что он ждал встречи и наконец дождался. И ничего хорошего это обстоятельство Бойсу не сулит.

Смех перешел в торжествующий тигриный рев, а затем незнакомец издал громкий клич, подобный тому, каким охотник натравляет собак. Он выбросил вперед желто-полосатую руку, указывая на узкую тропу, ведущую в долину, и у его ног нетерпеливо запрыгали невидимые звери, которых уже почти не удерживал ремень.

Бойс неуверенно повернулся к долине. Мысли путались – слишком неожиданно все произошло, он не был уверен, что не спит, что это не в кошмаре ему приказывают убежать от рычащих чудовищ. Бежать совсем не хотелось. Он сомневался, что получится...

Охотник крикнул в последний раз и отпустил сворку. На краю обрыва возникли готовые наброситься на Бойса звери – пять... шесть... семь покрытых гладкой шкурой тварей величинной с мастифа, гибких, как змеи. Один из них поднял морду, удивительно похожую на человеческое лицо, и зарычал.

Это было прекрасное в своем безумии лицо, в котором сочетались черты тигра и кошки – странное, получеловеческое, какое можно увидеть на средневековом гобелене. Но зверь не был ни кошкой, ни собакой. Возможно, так могли выглядеть чудовища Цирцеи.

Бойс повернулся и побежал.

Тропа круто уходила вниз. Бойс бежал в клубящихся облаках тумана, ожидая, что в любой миг под ногами разверзнется невидимая пропасть. Вслед ему летел дикий хохот незнакомца, отражаясь эхом от скал, отчего казалось, будто вся долина смеется над беглецом. Слышалось глухое рычание зверей – Бойс не знал, далеко они еще или вот-вот начнут хватать за пятки. Оглянуться он не осмеливался.

Тропа обогнула утес и постепенно выровнялась, уходя дальше в долину. Спотыкаясь, задыхаясь и не веря в происходящее, Бойс бежал из последних сил.

Когда земля под ногами стала ровной и туман рассеялся, он остановился, чтобы хоть чуть-чуть перевести дух. Позади было тихо. Даже смеха Охотника больше не было слышно; смолк и звериный рык.

Бойс стоял посреди песчаной равнины, поросшей редкой растительностью. Далекое туманное сияние подсказывало, в какой стороне находится город, но Бойс вовсе не был уверен, что ему хочется туда идти. Требовалось время, чтобы подумать, чтобы попытаться наконец вспомнить то, что сейчас крайне необходимо знать.

Где он оказался, в какой невероятной стране? Что ему здесь нужно? Он прошел сквозь хрустальное окно, повинувшись непреодолимой силе, увлекавшей его – куда? Повинувшись желанию найти ее, женщину в железной короне, без имени и без лица, – женщину, одно лишь воспоминание о которой, словно цепь, заставляло следовать за ней, куда бы она ни направлялась.

Где же Бойс познакомился с ней? Кем она была для него? Почему возникает чувство опасности, стоит лишь о ней вспомнить? Он не мог ответить на эти вопросы, как и на многие

другие. Он знал лишь, что оказался в неведомой стране и заблудился в тумане, и ему не хватает смелости отправиться на поиски города – единственного знакомого ориентира.

Город Колдунов – всплыло вдруг название в памяти. Зловещий город, полный диковинной магии и еще более диковинных людей. Внезапно возникло непреодолимое желание его увидеть, и Бойс быстро зашагал в сторону видневшегося невдалеке холма.

Прямо перед ним в облаках сизого тумана загадочным образом выросли высокие стены, окружавшие ярко освещенные башни с хрустальными крышами и большие, светившиеся изнутри шатры.

Сквозь туман донесся какой-то слабый звук. Бойс обернулся. Вдалеке, извиваясь по песчаной равнине, в сторону города двигалась процессия, в самом облике которой сквозило нечто крайне мрачное. Посреди нее вспыхивали крошечные огоньки, то и дело раздавался звон колокольчиков. Бойс даже мог с некоторым трудом различить, кто движется в этой колонне...

Бойс не помнил, что произошло потом. Придя в себя, обнаружил, что сидит на песке, закрыв лицо руками и чувствуя, как постепенно отступает тошнота. Его трясло.

Потом он вспомнил, что раньше видел этих... существ. Видел где-то вместе с ней. А вот как они выглядят и что собой представляют – это мозг вспоминать отказывался. Они слишком чужды всему человеческому. Бойс помнил лишь, что они ходят на двух ногах, подобно людям, но не являются людьми. Сама мысль о них вызывала такое отвращение, что в памяти оставалась лишь пустота...

Услышав в тумане смех Охотника, Бойс почти обрадовался. Он неуверенно поднялся на ноги. Мрачная процессия с огоньками и колокольчиками скрылась за стенами города, и теперь долина была пуста. Снова раздался смех, теперь уже ближе, а затем послышался вой своры. От этого воя Бойса бросило в дрожь, волосы на затылке встали дыбом.

На этот раз за ним шла настоящая охота. Дважды он слышал тяжелое звериное дыхание почти за спиной. Бойс бежал, не разбирая дороги, потеряв чувство времени, а впереди стелилась все та же безликая песчаная равнина. Он знал лишь одно: нельзя приближаться к городу и к существам, только что вошедшим в него.

Некоторое время спустя до Бойса дошло, что Охотник гонит его в определенном направлении. Свора время от времени давала преследуемому передышку; когда в тумане раздавался призывный крик хозяина, звериный вой смолкал. Бойс без сил падал на песок, чтобы через несколько секунд подняться и побежать дальше.

Если бы его хотели прикончить, то могли бы это сделать десять раз за те часы, в течение которых длилась охота. Бойса явно куда-то гнали, с целью, понятной одному лишь Охотнику.

Земля начала подниматься к зубчатым отрогам, и Бойс понял, что снова оказался в горах. Свора преследовала его по пятам. Он карабкался по крутому склону, задыхаясь и слыша голос Охотника и отдающийся глухим эхом в тумане звериный вой.

Внезапно впереди возник край почти отвесного обрыва. Бойс остановился и заозирался в отчаянии. Если Охотник загнал его сюда намеренно, то наверняка лишь для того, чтобы легче было убить. Пути нет – ни вперед, ни назад.

В тумане послышался новый звук – ритмичный тупой стук, показавшийся странно знакомым. Бойс напряг зрение, вглядываясь в ту сторону и пытаясь успокоить дыхание. Но источник звука оставался невидимым.

Вой, раздавшийся позади, заставил Бойса обернуться. В серой дымке возник приземистый гибкий силуэт зверя, поднявшего оскаленную морду. Позади него беззвучно появлялись другие, словно чудовища в кошмарном сне.

Стук зазвучал громче. Вдруг послышался призывный крик Охотника – и рычащие звери замерли в нерешительности. Охотник снова крикнул, и свора растаяла в тумане, словно жуткое видение.

Снова донесся смех Охотника, смешавшийся с нечеловеческим рычанием. И все стихло.

Ритмичный, похожий на металлический звук приближался. Бойс обернулся.

Из тумана, висевшего словно занавес, вышел большой черный конь. У Бойса глаза на лоб полезли при виде всадника, словно явившегося из незапамятных времен.

На его крупном теле слегка позвякивала блестящая от влаги кольчуга. Конический шлем со свисающей металлической сеткой обрамлял суровое лицо, с которого не мигая смотрели на Бойса голубые глаза. На поясе рыцаря покачивался меч.

Еще один враг, подумал Бойс. Он обернулся, вглядываясь в туман, но охотника и его своры простыл и след.

Глава 3. Землетрясение

Всадник что-то сказал. К своему удивлению, Бойс обнаружил, что хоть и с трудом, но понимает язык, – на нем говорили французы шестьсот лет назад.

– Я друг, – медленно, осторожно сказал Бойс. – Я пришел с миром.

Однако успокаиваться рано. Если рыцарь попытается напасть, еще есть шанс как-то уклониться и даже стащить его с седла.

– Если ты бежал от Охотника, ты не друг псам из Города, – сказал рыцарь с едва заметной улыбкой. – Возможно, ты и впрямь пришел с миром – хотя бы ко мне. Где твой дом?

Бойс колебался. Что могут значить современные названия для человека из прошлого?

– В другой стране, – наудачу ответил он. – Думаю, далеко отсюда.

Голубые глаза широко раскрылись.

– За горами? Не в стране ли голубого неба и яркого солнца? Не в стране ли под названием Нормандия?

Бойс не знал, что ответить. Рыцарь наклонился в седле:

– Судя по одежде, ты не из этого мира. Но говоришь на нашем языке. Ради всего святого, ответь, чужеземец! Тебе знакомы Париж и Рим? Византия? Ответь! Из какой страны ты явился?

– Да, мне знакомы Париж и Рим, – удивленно ответил Бойс. – Но я не понимаю...

Рыцарь хлопнул рукой в перчатке по бедру.

– О, во имя всех богов! Будь ты хоть рабом Охотника, хоть слугой самого сатаны – я возьму тебя с собой в Керак! Вставай же, вставай! Может вернуться его свора или появиться новая опасность. Мы рискуем головой, патрулируя эти дороги. Вставай, я сказал!

Рука в перчатке ухватила за руку Бойса, рванула вверх, и он оказался верхом позади рыцаря. Хорошо обученный конь даже не пошевелился, пока не услышал команду хозяина, после чего легким галопом двинулся вперед, осторожно выбирая путь в тумане.

– Я Годфри Морель, по прозвищу Годфри Длинноногий, – произнес твердый голос. – На моей памяти еще никто не приходил сюда из крещеного мира. Мы были последними. О небо, как же тоскует моя душа по дуновению свежего ветра из Нормандии! Даже турецкий сирокко, хоть и похож на дыхание преисподней, куда приятнее вони, источаемой Городом Колдунов, этим обиталищем сатаны! Возможно, ты шпион или предатель – но это мы выясним позже. А прежде ты расскажешь, что творится в мире – удерживаем ли мы Антиохию и возглавляет ли Красный Лев армию сельджуков?

Уже готовый ответить, Бойс вдруг получил локтем под ребра.

– Пока помолчи, – тихо сказал Годфри Морель. – Керак в осаде. Он все время в осаде, но в последнее время нападения стали ожесточеннее. Нужно быть начеку. И молчать.

Боевой конь вез их сквозь сгущающийся туман. У Бойса пересохло во рту. Византия? Антиохию? На старушке Земле прошло шесть с лишним веков с тех пор, как знамена крестоносцев развевались на крепостных стенах Антиохии!

Бойс глубоко вздохнул. В мозгу возникали вопросы один фантастичнее другого. Этот мир – не Земля, тут никаких сомнений. Проломив хрусталь, Бойс очутился... Где? В мире той женщины, где же еще!

Что касается конкретных места и времени, сейчас это не имеет значения. Достаточно того, что здесь она – та, кого он не может ни забыть, ни вспомнить, та, чей образ остался неизгладимым шрамом в его памяти. Что же до остального, ответов на вопросы пока нет.

Доспехи Годфри Мореля скрипели и звенели. Спина могучего боевого коня ритмично покачивалась под Бойсом и рыцарем, который спрашивал про Антиохию и исход сражений,

отгремевших несколько столетий назад. Размышлять о загадке Годфри Длинногого не было никакого смысла, и так кружилась голова от переполнявших ее вопросов.

Туман впереди рассеялся, и Бойс увидел высоко на утесе башни и бастионы большого серого замка, на который он прежде смотрел с другой стороны долины. Над главной башней развевалось алое знамя. Промелькнула удивленная мысль: как он очутился именно здесь, на месте, которое кажется странно знакомым? Не подействовал ли этому Охотник? И если да, то почему?

Закованный в броню могучий торс Годфри вдруг напрягся. Бойс ощутил, как крестоносец затаил дыхание. А затем в тумане эхом раскатился крик.

– Смотри! Смотри, как вновь разверзается ад! – взревел Годфри.

Конь под ними пошатнулся. Нет, не конь, а сама земля. Бойс увидел, как вспучился песок, словно равнина вздохнула. Туман между всадниками и вершиной, на которой стоял замок, на миг рассеялся, и все открытое пространство пошло волнами. Это было не просто землетрясение, а нечто целеустремленное и куда более зловещее.

А потом земля раскололась. И длинная трещина с зазубренными краями поползла, словно змея, к подножию утеса, на котором стоял замок.

– Керак! – взревел Годфри Морель и махнул могучей рукой в сторону замка, словно его крик мог поднять на ноги местный гарнизон.

Наклонившись в седле, он дал боевому коню шпоры. Тот неуверенно потоптался на раскачивающейся земле, но затем большими скачками помчался вперед.

Бойс, вцепившись в пояс крестоносца, глотал поднятую копытами пыль и кашлял. Казалось, раскачивался весь мир, швыряя наездников из стороны в сторону, словно корабль на волнах.

По всей равнине расплзались змееподобные трещины, как будто земля намеревалась поглотить Керак целиком. Появлялись все новые изломанные расселины, набирали ширину и длину. Равнина напоминала растрескавшийся ледяной покров на весенней реке. У подножия холма, на котором возвышался Керак, земля вздымалась волнами.

– Колдуны! – взвыл Годфри.

Он выпрямился на стремях, издал древний боевой клич и пришпорил коня, вслепую мчавшегося по бьющейся в судорогах равнине. Бойс изо всех сил держался за пояс Годфри Мореля.

Земля разверзлась, и он увидел прямо перед собой черную бездну; с ее краев осыпались камни. Но могучие мышцы под ним напряглись, и конь с двойным грузом на спине перелетел через расширяющуюся трещину.

– Dieu le veut!¹ – воскликнул Годфри, продолжая погонять коня.

Бойс решил было, что крестоносец пытается приободрить себя, но что-то в голосе Годфри подсказало: это скорее благодарственная молитва на старофранцузском.

Он посмотрел вверх. Вокруг самой высокой башни Керака возник светящийся ореол, он дрожал и пульсировал, расходясь кольцами, как от брошенного в воду камня. Ореол все расширялся, пока весь замок не оказался объят медленно опускающимися огненными кольцами.

Они не останавливались у основания замка, а продолжали снижаться, медленно и беззвучно окружая утес, а самая высокая башня излучала все новые и новые.

Когда первое огненное кольцо коснулось равнины, земля перестала содрогаться – и как раз вовремя, ведь сам Керак уже начал слегка крениться, точно большой корабль в штормовом море. Со стороны утеса донесся глухой стон. Еще немного – и Керак пошел бы трещинами, как равнина.

---

¹ Так угодно богу! (*фр.*) – Боевой клич крестоносцев в Первом крестовом походе.

Но огненные кольца действовали подобно маслу, пролитому на бушующие волны. Земля успокоилась, смолк стон камня. Керак снова надежно стоял на могучем сером утесе. И по мере того как опускались огненные кольца, исцелялась равнина.

Громадные расселины беззвучно смыкались, как будто закрывались пасти великанов. Бойс представил себе этих чудовищ, которых заставила замолчать, но не усмирила окончательно тихая магия. Равнина угрюмо подчинялась расходящимся по ней кольцам, но не хотела сдаваться. Теперь она будет ждать момента, чтобы повторить попытку.

Годфри остановил вздрагивающего коня, дождался, когда первая светящаяся волна мягко окатит их с Бойсом и уйдет дальше. Затем крестоносец встряхнул поводья, и конь двинулся неспешным шагом, преодолевая волну за волной холодного огня.

Годфри удовлетворенно рассмеялся:

– Старый маг не утратил своего мастерства. Под защитой Танкреда Кераку ничто не угрожает. Но может настать день... – Рыцарь оглянулся через плечо. – Возможно, ты шпион Охотника или даже кто похуже. Либо ты честный человек – не мне судить. Сейчас не так уж много мест, откуда можно прийти, не считая Города Колдунов. Если ты шпион, по возвращении расскажи этим мерзавцам, что Танкред для них все еще достойный противник.

– Я не шпион, – нерешительно проговорил Бойс, пытаясь подобрать слова на старофранцузском. – Ты видел, как Охотник преследовал меня...

– Никто не знает, что движет Охотником, – сказал Годфри. – Что ж, вот они, бастионы Керака. Смотри, чужеземец. Порадуйся удаче, если ты шпион. Это Керак, замок крестоносцев!

Впереди возвышались могучие бастионы, сложенные из массивных гранитных блоков. От их громадности кружилась голова. А знамя, которое рвалось с флагштока, словно сражаясь за свободу с ветром, что-то кричало ветру на своем собственном языке.

– Ты должен предстать перед Пифией, – сказал Годфри. – И она решит, жить тебе или умереть. Но даже если Пифия выберет для тебя смерть, клянусь Копьем, чужеземец, ты расскажешь мне новости с моей родины, прежде чем испустишь дух. Я поклялся себе, что так будет.

Заскрипели на петлях железные ворота, и конь Годфри двинулся вперед сквозь падающие огненные кольца. Так Бойс впервые оказался в Кераке, обители последних крестоносцев.

Глава 4. Пифия

Внутренний двор Керака был затянут туманом. Подбежали слуги в старинных одеждах, чтобы помочь всадникам спешиться.

Рыцарь и Бойс пересекли мощенную бульжником площадь и вошли в едва видимую в дымке дверь, окунувшись в запахи холодного камня и горящих дров. Пройдя по коридору, они оказались в большом каменном зале; потолок был настолько высок, что под ним плавали облачка тумана.

Это был зал из другой эпохи. Бойс много раз видел изображения подобных, но, конечно же, не мог вообразить, что однажды будет стоять посреди одного из них, глядя на возвышение у стены, где горел яркий огонь в камине и сидели мужчины и женщины в одеждах шестивековой давности. Следом за Годфри он двинулся туда по устланному тростником полу, разглядывая женщин в ярких бархатных платьях с украшенными драгоценностями поясами.

У него вдруг перехватило дыхание. Он ничего не знал о ней, кроме очертаний ее фигуры на фоне хрустального окна и белого пятна лица. Но если она здесь, то он должен ее узнать. Возможно, она и в самом деле здесь. Возможно...

Внезапно раздался громкий голос:

– Годфри, что за бродягу ты притащил на этот раз?

Бойс вздрогнул и остановился, глядя на вопрошавшего. Знакомый голос! Бойс где-то его слышал совсем недавно – не такой надменный, как сейчас, но с похожими интонациями. Вне всякого сомнения, это тот самый голос.

Годфри взял его за руку, и они поднялись по ступеням на возвышения. Бойс не сводил взгляда с обладателя голоса.

– Полагаю, он наш соотечественник, сэр Гийом, – сказал Годфри. – Пришелец с родины или шпион. Я встретил его, когда он спасался от своры Охотника.

Сидевший на почетном месте, возле огня, человек откинулся на высокую спинку кресла, глядя на Бойса из-под густых бровей. Во всей его фигуре, скрытой под длинной бархатной мантией, чувствовалась огромная сила. Загорелое лицо было покрыто старыми шрамами, но взгляд голубых глаз и надменный изгиб губ под висячими желтыми усами говорили о том, что этот человек всю жизнь командовал другими.

И это лицо Бойс уже видел раньше, причем совсем недавно. Удивительно знакомое лицо. Оно не имело никакого отношения ни к его снам, ни к забытым воспоминаниям. Он просто знал это лицо.

– Как твое имя, чужеземец? – властно спросил сэр Гийом.

К лицу Бойса прилила кровь. Этот человек ему не нравился. И не просто не нравился – он был врагом. Это ясно читалось по лицу крестоносца.

– Меня зовут Уильям Бойс, – коротко ответил Бойс.

Из-за плеча сэра Гийома выглянула чернобровая женщина в зеленом. Посмотрела на Бойса, потом на рыцаря, потом снова на Бойса.

– Одну минуту, сэр Гийом, – негромко сказала она. – Мне это только кажется, мессеры, или я вижу некое сходство?

Все остальные зашевелились в своих креслах, по ее примеру разглядывая двоих мужчин. Но Бойсу достаточно было ее слов. Он понял – и это осознание почти ошеломило его, – почему ему так знакомы лицо и голос сэра Гийома.

Это просто невероятно! Такое может случиться лишь во сне... подобном тому, в котором он оказался сейчас.

Сэр Гийом – это он сам, просто несколько старше и намного вышемернее. Это его собственные лицо и голос!

Взвившись с кресла, Гийом изумленно уставился на Бойса из-под круто изогнутых бровей.

Ростом эти двое были точно вровень. Голубые глаза смотрели в голубые глаза. Губы у обоих были одинаково плотно сжаты.

– Вплоть до имени, сэра Гийом! – сказала женщина в зеленом. – Он носит то же имя, что и ты, только английское. Уильям дю Бойс...

– Да, я Гийом дю Буа, – прорычал рыцарь, не сводя взгляда со стоящего напротив. – Но если даже есть какое-то сходство, это ничего не значит!

Юный паж, стоявший на коленях у возвышения, начищал до блеска большой нормандский щит. Годфри наклонился и взял его.

– Смотри, сэра Гийом, – сказал он.

Гийом уставился на отполированную сталь. Он перевел взгляд на Бойса, а потом обратно и побагровел от ярости, смешанной с откровенным ужасом.

А в следующий миг отшвырнул щит, и тот звонко ударился о пол. И на фоне этого звона раздался гневный рык Гийома:

– Колдовство! Клянусь Копьем, этот человек – колдун! Схватить его!

Пальцы Годфри сомкнулись на руке Бойса. Тот раздраженно высвободился, чересчур сбитый с толку, для того чтобы ясно мыслить. От волнения он забыл старофранцузский и сумел лишь прокричать по-английски:

– Отпусти, идиот! Я не колдун! Я...

Его голос потонул в реве накинувшихся на него мужчин. Две женщины закричали, и отдыхавшие у огня собаки вскочили и возбужденно залаяли. На мгновение в зале воцарился хаос. Затем, перекрывая шум, раздался громкий, властный голос:

– Отпустите его, мессеры! Отпустите его, я сказал!

Суматоха неохотно улеглась. Подняв взгляд, Бойс увидел высокого человека в черной мантии, стоявшего в проеме входа на возвышение. Он сразу догадался, что это маг Танкред.

Черную мантию украшали каббалистические символы, на голове сидел тюрбан, как у восточного принца, но лицо под тюрбаном выглядело вовсе не так, как ожидал Бойс. Борода у Танкреда была белая и длинная, а вот брови – черные, сходящиеся над переносицей, так что его взгляд всегда казался сердитым. В ушах он носил изумруды, а в перстнях сверкали драгоценные камни. Облик человека, способного повелевать даже без того могущества, которое давала ему магия.

– Неужели в Керике никогда не будет покоя? – низким голосом спросил он. – Неужели мы не можем не ссориться, даже пока замок все еще раскачивается под ударами колдовских сил?

– Любое колдовство имеет свои пределы, Танкред, – громко проговорил сэра Гийом. – Посмотри на этого человека и на меня и реши, не послал ли Город к нам очередного шпиона, чтобы...

Танкред рассмеялся и медленно спустился с возвышения.

– Он вполне может быть шпионом, Гийом. Но чтобы сделать двух людей похожими, есть и другие способы, кроме колдовства. Ты настолько уверен, что на свете не существует твоих родственников?

Однако Гийом не унимался:

– Я узнаю магию с первого взгляда. Подобное совпадение просто невероятно.

Танкред остановился рядом с Бойсом, задумчиво огладил белую бороду. Черные зрачки впились в глаза Бойса.

– Возможно, – кивнул маг. – Но дракой мы ничего не добьемся. Чтобы распознавать шпионов Города, есть способы и получше.

Он обвел возвышение взглядом, явно высматривая кого-то. Бойс посмотрел в ту сторону, где остановился этот взгляд.

В углу возле камина сидел юноша, скорчившись под меховой накидкой. В помещении не было холодно, но Бойс заметил испарину на бледном лбу парня. Время от времени тот вздрагивал и плотнее запахивал трясущейся рукой накидку.

– Это молодой Хью, – сурово проговорил Танкред. – Большинство из вас знают историю Хью де Мандуа. Он отправился на разведку, и враги схватили его. Он прожил в Городе неделю. – Слово «Город» маг выговаривал с отвращением. – А потом Хью вернулся – такой же, как и все, кто когда-либо возвращался из Города. От того, что бедняга увидел там, он тронулся умом.

Танкред подошел к скорчившемуся на полу парню и склонился над ним:

– Хью, мальчик мой... Хью?

Парень поднял взгляд.

– Хью, у нас к тебе есть вопрос. Посмотри на этого человека, что стоит рядом с сэром Гийомом.

Бойс встретил взгляд голубых глаз, в которых таились странные тени. И миг спустя он узнал эти глаза. Видел их много раз в зеркале, когда тщетно пытался вспомнить хоть что-то из своего потерянного года.

Та же неподвижная пустота, полная теней.

Может, он и сам побывал в Городе и узрел то, отчего люди сходят с ума?

– Скажи нам, мальчик, – продолжал Танкред. – Ты видел раньше этого человека? Бывают ли в Городе люди в такой одежде, как у него? Хью, это шпион?

Хью де Мандуа снова поднял измученный взгляд на Бойса, и на миг тому показалось, что парень его знает. Бойс почти не сомневался, что в потерянном году ходил по чужим улицам и встречал на них юного Хью.

За последние несколько часов с Бойсом случилось чересчур много странного, чтобы быть уверенным хоть в чем-то. Сходство между ним и Гийомом стало последней каплей. Теперь он был готов поверить во все, что скажет о нем Танкред, лишь бы это пролило хоть чуточку света на окружавшую его тайну.

Полубезумный взгляд Хью де Мандуа на несколько мгновений задержался на лице Бойса. Потом юноша снова запахнул накидку.

– Не знаю, – тонким голосом сказал он. – Не знаю.

Его затрясло, и он повернулся к огню.

Танкред пожал широкими плечами под черной мантией.

– Как же мне хочется, чтобы Хью вспомнил, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Чтобы нам удалось пробудить его рассудок... – Он снова изучающе посмотрел на Бойса. – А этого человека, конечно же, надо отправить к Пифии. Она...

– Постой-ка, – внезапно сказал Бойс.

Послышался ропот, и к Бойсу обратились недобрые, подозрительные лица, ближайшим из которых было лицо Гийома. Тот смотрел с ненавистью, какую подсознательно испытывают к человеку, имеющему твой облик и носящему твое имя.

– Я не шпион, – сказал Бойс, с трудом подбирая слова на старофранцузском. – Охотник мог бы это подтвердить – он пытался убить меня. И я пришел сюда не по собственной воле. И я не...

Танкред рассмеялся.

– Поступками Охотника ничего не докажешь, – сказал он. – Пути его так же неисповедимы, как и пути облаков. И все же, если он не убил тебя, а загнал сюда, у него наверняка были для этого какие-то причины.

– Кто такой Охотник?

Лицо Танкреда помрачнело. Черные брови сошлись над черными глазами.

– Возможно, ты знаешь это лучше нас.

– Ладно, – внезапно разозлился Бойс. – Отведите меня к вашей Пифии. Давайте закончим с этим, чем бы оно ни было, а потом, надеюсь, вы ответите на мои вопросы.

– Хорошо сказано, чужеземец, – снова улыбнулся Танкред. – Идем.

Он повернулся, взмахнув полой черной мантии, и указал рукой направление.

Бойс не без опаски двинулся за ним следом. Сбоку от него шел Гийом, по-волчьи скалясь из-под висячих усов, а с другой стороны – Годфри Длинноногий.

– Сейчас мы узнаем о тебе правду, шпион, – сказал Гийом. – Шагай!

За дверью, через которую на возвышение входил Танкред, сквозь толщу стены поднималась узкая лестница. Оглянувшись, Бойс обнаружил, что все, кто присутствовал в зале, двинулись следом. Женщины осторожно взбирались по ступеням, придерживая длинные юбки унизанными перстнями пальцами. Мужчины шли за ними, о чем-то перешептываясь. От стен эхом отдавались голоса и шорох ног по камню.

Это продолжалось долго. Бойс начал подозревать, что они поднимаются на вершину самой высокой башни Керака. Сквозь узкие окна он видел туманную равнину, простершуюся далеко внизу; последние кольца магического огня угасали вокруг подножия утеса, словно радуга в тумане. А на другой стороне долины виднелись дымчатые огни Города, скрытого зеленовато-голубыми облаками.

Здесьнее освещение не менялось с момента пробуждения Бойса. Существуют ли вообще день и ночь в этой невероятной стране, или же туман и горы всегда залиты одним и тем же неярким светом?

Наверху открылся сводчатый коридор. Бойс, шагавший между двумя стражами, преодолел последние ступени и двинулся следом за широкой спиной Танкреда. Голоса стихли, даже шороха подошв не было слышно. Все шли практически на цыпочках, и Бойс слышал рядом частое дыхание Годфри. Кем бы ни была Пифия, обитатели замка явно относились к ней с благоговейной робостью.

Коридор закончился. Пурпурные бархатные портьеры, расшитые орнаментом в виде серебряной паутины, скрывали то, что находилось дальше. Танкред тронул блистающей каменной рукой тяжелые складки и повернулся. Послышался шорох, и по толпе пронесся короткий вздох.

– Ступай, чужеземец, – низким голосом проговорил Танкред. – Ступай и предстань перед Пифией.

Глава 5. Шпион из Города

Бархатные занавеси раздвинулись, и Бойс содрогнулся, обнаружив, что Гийом с Годфри больше не держат его за руки и он остался один лицом к лицу с Танкредом и неизвестностью. Потом он увидел то, что скрывалось за дверью, и все прочие мысли вылетели из головы.

Бойс был готов обнаружить что угодно за портьерами, но уж точно не это – не каменную комнатку, заполненную странной огненной паутиной...

Эта паутина сразу бросилась в глаза. Светящиеся нити сплетались в постоянно движущуюся замысловатую сетку.

Живая сетка – вернее, живая клетка.

И внутри этой клетки из огня находилась женщина. Нет, мраморная фигура. Нет, все-таки женщина, хотя он не мог с уверенностью определить, из воска она, из камня или из плоти. Во всяком случае, он был уверен, что она неживая. Живой была окружавшая ее клетка, но в самой женщине не ощущалось ни жизни, ни тепла.

Она стояла неподвижно, точно статуя, сложив перед собой ладони, лицом к толпе. Длинное платье было мраморно-белым, как и лицо, и такие же белые волосы падали на плечи.

Черты лица были столь совершенны, что казались почти нечеловеческими, – ни один смертный не обладал столь безупречной внешностью. Глаза были закрыты, губы тоже плотно сомкнуты, и казалось, они вообще неразделимы. Бойс подумал, что никогда еще не видел столь холодного, столь безжизненного существа.

Сперва в каменном зале не было слышно ни звука. Затем Бойс различил едва заметное жужжание, исходившее от клетки, как будто тихо пели ее огненные прутья. Толпа за его спиной молчала, затаив дыхание, а женщина-статуя, казалось, была вообще не способна произносить слова.

– О чем ты хочешь меня спросить?

Бойсу пришлось снова на нее взглянуть, чтобы убедиться, что голос исходит от мраморных губ, которые едва заметно шевельнулись. Веки оставались неподвижными. Никто иной в мире не способен был говорить столь холодно и отстраненно, с безграничным нечеловеческим спокойствием, внушающим ледяной страх.

Зазвучал голос Танкреда, тихий и удивительно мягкий:

– Есть причины полагать, что среди нас шпион. Мы привели незнакомца к тебе, чтобы ты узнала, говорит ли он правду.

В ответ не последовало ни звука, ни движения. Мраморная девушка стояла с закрытыми глазами и сложенными руками, и даже грудь не вздымалась от дыхания. Все напряженно ждали. Бойс обмирал, вопреки здравому смыслу поверив, что эта восковая фигура в состоянии видеть, понимать и отвечать – если пожелает.

Ожидание затягивалось. Девушка стояла перед толпой, смертельно холодная и бледная, – нет, слово «смертельно» тут не годилось, ибо не может умереть то, что никогда не жило. И невозможно было поверить, что эти мраморные ноздри когда-либо раздувались или что кровь когда-то пульсировала под этой мраморной кожей.

Затем восковые губы едва заметно разошлись. Отчетливо прозвучал голос, подобный ледяному дуновению ветра:

– Да, я чувствую ложь.

За спиной Бойса послышалось торжествующее ворчание Гийома, которое тотчас смолкло. По толпе прошел негромкий ропот, и Бойс услышал грозное шарканье ног и лязг извлекаемого из ножен оружия.

– Подождите, – холодно произнесла Пифия. – Подождите.

Наступила тишина, которую прорезал голос пифии:

– Здесь посланец из Города. Он пришел, чтобы убить. Он ждет подходящего момента.

Толпа снова возмущенно зароптала, и холодный голос потонул во всеобщем шуме. Бойс пошире расставил ноги, горько жалея о том, что у него нет оружия.

– Это неправда! – в отчаянии выкрикнул он. – Я не шпион! Я никого не собирался...

Гомон толпы заглушил и его возгласы, и он вдруг понял, что не знает, какой может оказаться правда. Но времени на размышления не оставалось. Гийом уже надвигался, поднимая громадные руки и торжествующе скалясь, а толпа позади него превратилась в водоворот кричащих ртов и горящих яростью глаз.

– Подождите! – ледяным бичом ударил по толпе звонкий голос, хотя выражение лица мраморной девушки не изменилось, ее губы были все так же слегка раздвинуты, глаза закрыты.

Все перевели взгляд с Бойса на белую фигуру в огненной клетке. Лица побагровели от гнева, но люди не двигались с места.

– Я не назвала его имени, – напомнила девушка.

Снова поднялся ропот, на сей раз удивленный.

– Он среди вас, и все вы его знаете, – продолжал ледяной голос. – Он не чужеземец. Он не тот, кто стоит передо мной. – Девушка снова помолчала, а затем спросила, медленно и отчетливо выговаривая каждое слово, подобное порыву морозного ветра: – Мне назвать твое имя, враг?

То, что произошло в следующий миг, ошеломило всех. Бойсу, стоявшему вполоборота к толпе, было все прекрасно видно. Остальные же начали поворачиваться, теснясь и толкая друг друга, и тут откуда-то сзади раздался дикий хохот.

Сгорбленный человек, стоявший в проеме двери, что вела на лестницу, сотрясаясь от дикого смеха, запрокинув искаженное гримасой бледное лицо. Это был Хью де Мондуа – полу-безумный юнец, сбежавший от ужасов Города.

В первое мгновение Бойсу показалось, будто у парня что-то вроде истерического припадка. Потом он увидел, как тело под тяжелой меховой накидкой выпрямляется во весь рост – выпрямляется и растет. Бойс не мог поверить глазам, оцепенело взирая на того, кто стоял в дверном проеме.

Хью де Мондуа продолжал расти, и вот он уже возвысился над головами самых высоких людей в толпе. Накидка свалилась с плеч. Одежда на юном Хью рвалась и опадала, и в его облике уже не было ничего человеческого.

Бойс лучше всех видел, что происходит, но даже он не мог понять, что за существо возникло перед ним. Уже не человек, а чудовище, покрытое то ли сверкающей чешуей, то ли броней. Нечто настолько чуждое, что ему не найти названия, заполняло зал хохотом, подобным грому барабана.

И вдруг тварь прыгнула...

Впоследствии кто-то говорил, что чудовище дралось мечом, а еще кто-то – что вместо клинка у этого меча был огонь. Раны же, которые пришлось потом перевязывать, походили на следы могучих когтей. В зале стоял запах горелого мяса и крови. Бой был ужасен, пока наконец не удалось уложить шпиона, подосланного из Города.

Бойс сражался вместе с остальными. Казалось невероятным, что одно существо, сколь бы велико оно ни было, может биться с такой толпой. Его скорость была подобна скорости света, сила превосходила любое воображение. Но в конце концов ценой отчаянных усилий людям удалось одержать верх над неописуемой тварью.

Бойс не помнил толком, как он дрался. Его кулаки казались крошечными по сравнению с огромной тушей монстра, однако в памяти осталось ощущение, с каким эти кулаки вминались в чешуйчатую кожу. А еще глухие стоны и зловонное дыхание, обдававшее его лицо.

Он помнил, как нечто холодное и острое вонзилось в его плоть; помнил звук рвущейся кожи и горячую кровь, стекавшую по груди. Он помнил тяжелый удар по затылку. И как потом летел в черную бездну, где кружились звезды...

– Твое появление здесь не случайно, Уильям Бойс.

Откинувшись на спинку стоявшего у окна кресла и нахмутив брови, Танкред сверлил Бойса взглядом черных глаз.

А взгляд Бойса блуждал по каменной комнате, по балдахину над кроватью, по гобеленам на стенах, казавшихся теперь странно знакомыми. Бойс все еще был крайне слаб и не испытывал никакого желания докапываться до тайны своего появления здесь.

Глубокий шрам на плече почти зажил, но плывущий за окном туман и вечные тучи над унылым ландшафтом наводили куда более глубокую тоску.

Бойсу казалось, будто он видит миражи. За спиной Танкреда обретали в дымке форму нереальные, похожие на мечети башни города. Сперва при виде этих возникающих и снова исчезающих сооружений он думал, что бредит, но другие лицезрели их тоже. И никто не мог ему с определенностью сказать, насколько они нереальны.

«Нет такого смельчака, который рискнул бы далеко отойти от Керака, – предупредил Бойса Годфри. – Земля меняется. Возможно, картины в тумане возникают благодаря колдовству. Возможно, это миражи, подобные тем, что мы видели в пустыне перед Иерусалимом. Возможно также – Dieu le veut! – мы видим то, что есть на самом деле. Города и сады, которые плывут в тумане, словно корабли. Нет никакой возможности убедиться – и вернуться, чтобы рассказать другим».

Сейчас Бойсу не стоило размышлять о миражах. Танкред обращался к нему, и приходилось слушать.

– Я сказал, что ты не случайно появился среди нас, с лицом и именем Гийома, – повторил Танкред, оглаживая бороду украшенной драгоценными камнями рукой. – То, что ты рассказал, настолько дивно, что я склонен поверить. И я многому верю, поскольку знаю такое, что мои товарищи сочли бы полной ересью. – Он поколебался, вертя перстень на пальце, а затем пристально посмотрел на лежавшего под балдахином Бойса. – Даже могу предположить, – произнес он, – что случилось в том потерянном году, о котором ты говоришь. Но я не вправе делиться с тобой этими догадками. Могу сказать лишь одно: похоже, ты был орудием в руках кого-то более сильного и менее порядочного, чем я. Возможно, в руках упомянутой тобой женщины. И если ты был орудием, значит ты им и остался, поскольку еще не выполнил своего предназначения. Думаю, ты был выбран для этой задачи благодаря родству с Гийомом. – Черные глаза сузились. – А следовательно, здесь не обошлось без Города. Кто-то нашел тебя среди людей твоего мира и доставил в Город, и там ты служил для чего-то настолько ужасного, что твой разум отказывается об этом помнить. И в конце концов кто-то позволил тебе отправиться следом за твоими забытыми воспоминаниями сюда, в страну, где идет бесконечная борьба между Кераком и Городом Колдунов.

Танкред помолчал, обеспокоенно морща лоб и машинально водя пальцами в перстнях по белой бороде.

Бойс отказывался верить услышанному. Словно кто-то чужой, свернувшийся клубочком в его мозгу, пытался отгородить его слух и зрение от того, что говорил Танкред. Чужой? Иной разум протянул из тумана щупальца, чтобы заглушить любопытство Бойса, чтобы держать в неведении обо всем, что, по мнению чужака, ему не следует знать?

– Скажи, – неловко проговорил он, не вполне уверенный, что слова эти исходят от него, а не от таинственного непрошеного гостя в его мозгу, – как твой народ оказался здесь? Годфри задает вопросы о странах, которые он помнит, а мне слишком сложно ответить.

Танкред рассмеялся:

– Думаю, я единственный из нас, кто знает истину. Немало воды утекло с тех пор, как крестоносцы пришли в Иерусалим. Ты поступил разумно, не открыв Годфри всей правды. Сколько лет миновало в нашем старом мире, Уильям Бойс?

Бойс посмотрел старому магу в глаза и ответил:

– Шестьсот.

На бородатом лице отразилась смесь благоговейного страха и крайней усталости. Танкред кивнул:

– Вот как? Действительно немало. Я даже представить себе не мог, сколько веков мы провели в этой проклятой стране, где время стоит на месте. – Он снова помолчал, затем пожал плечами. – Ты должен узнать кое-что, Уильям Бойс. Ты первый из нашего прежнего мира, кто нашел дорогу через туман к нашим воротам.

Были и другие, пусть и немногие, из других времен и стран. Не стоит полагать, будто ты единственное орудие, которое Город пытался применить против нас. Но думаю, позже ты достаточно узнаешь и сам.

Мы, обитатели Керака, жили в Нормандии, когда наступил Судный день. – Маг усмехнулся. – Быть может, тебе известно: в преддверии тысячного года мир поверил, что близится конец света и трубный глас готов призвать нас к ответу. Отец моего отца был тогда еще мальчиком, потом он много рассказывал мне о тех событиях.

В те времена мы были весьма наивным народом, готовым поверить во что угодно, лишь бы это было сказано авторитетным тоном. Что ж, мы пережили Судный день, но я и мои друзья оказались в мире куда более странном. И застряли в нем – возможно, навсегда.

Сэр Гийом был нашим сеньором и предводителем. Мы отправились из Нормандии со святым крестом освобождать Иерусалим от неверных, – возможно, тебе известна история нашего похода. Мы проделали очень долгий путь через чужие земли, где каждый был против нас. На нашу долю выпало немало страданий. Среди нас были те, кто готов был умереть ради счастья увидеть Иерусалим.

Мы так и не увидели его. Заблудились, как и многие другие, и в Хевронской долине нас постигла куда более странная судьба, чем довелось испытать кому-либо прежде.

В долине стоял замок. И Гийом, которому он понравился, решил стать его хозяином. Вот так мы шли через восточные земли, захватывая все, что могли захватить, пока не встречали кого-нибудь сильнее нас. Тот замок все еще стоит перед моим взором, будто наяву, – черный от основания до верха стен, с развевающимся на главной башне алым стягом.

Да, – кивнул маг, – тот самый стяг, что сейчас вьется над нашим донжоном. Это ужасное знамя, друг мой. Мы осадили черный замок. Много дней простояли у его стен, рассчитывая уморить гарнизон голодом, если не удастся штурм. Мы не подозревали о том, кто обитает в этих стенах и какой удивительной силой он обладает.

Однажды ночью к нам тайно пробрался человек и предложил за деньги провести потайным ходом в крепость. Мы согласились. На рассвете вооружились, сели на коней и отправились в холмы, где, по словам изменника, скрывался вход в тоннель. Проводник шел впереди, неся алое знамя на длинном древке так, чтобы все могли его видеть.

Вместе с нами отправились многие наши женщины. Все, кого ты здесь видел, были тогда в обреченном отряде. Мы долго ехали по извивающейся тропе, следуя за красным стягом, и недоумевали, почему солнце не поднимается выше. Через какое-то время начали подозревать, что без магии тут не обошлось.

Я уже тогда был опытным магом, хотя мне еще многое предстояло узнать. Наконец я понял, что в самом воздухе осязается нечто зловещее, и убедил Гийома сделать остановку. Мы послали вперед оруженосцев, чтобы те спросили проводника, почему наш путь так долог.

Вскоре оруженосцы вернулись, бледные как смерть, и привезли алое знамя. Они сказали, что под ним никого не было – флаг сам вел нас, летя в воздухе, словно огромная птица. В окутанных туманном холмах не было ни души, кроме нас самих.

Что ж, ничего другого не оставалось, как ехать назад. Мы пытались двигаться по собственным следам, но заблудились. Нам больше не довелось увидеть нашу родную землю и друзей, которых мы там оставили. Мы не добрались до Иерусалима и не вернулись домой. Нам не суждено вновь увидеть голубое небо, и солнце над этой туманной долиной так ни разу и не показалось.

Мы построили этот замок. Вся земля вокруг него, как мне кажется, медленно перемещается мимо холмов. Однажды здесь поселились смуглые люди, они выходили из тумана и торговали с нами, меняя еду на безделушки и предлагая свои услуги за одну-две лошади. Мы не понимали их языка, так же как и они нашего. В конце концов они перестали приходить, – видимо, их страна слишком удалилась от нас.

К тому времени я очень многому научился, превзойдя всех магов моего родного мира. Это место обладает удивительной силой, Уильям Бойс. Тому, кто знает, что искать, когда и где искать, открыта великая мудрость. Я смог обеспечить нас едой и одеждой с помощью чародейских умений, о которых дома даже мечтать не смел. Это мир магии.

– Магии? – недоверчиво переспросил Бойс.

– Для нас – да, – кивнул Танкред. – Ибо мы знаем лишь часть законов, благодаря которым возможно подобное. Если бы знали их все, это была бы наука, а не магия. Мне кажется, существует множество миров и в каждом иные физические законы. Что возможно в одних, невозможно в других.

Может быть, это центральный мир, в котором соединяются знания многих подобных ему, где нет времени и где может перемещаться само пространство. И поскольку мы столь мало знаем об этой дивной, чуждой науке, мы называем ее колдовством.

Бойс понимающе кивнул. Даже на Земле в различных местах одни и те же законы действуют по-разному, если не знать их сути. Вода закипает при разной температуре на уровне моря и высоко в горах. Резина гибка в обычных условиях, но при температуре ниже нуля она становится хрупкой, а в Долине Смерти плавится. Если знать физические законы, вызывающие подобные явления, их можно считать наукой.

А если не знать – то магией.

– Вы возвели этот замок, – нарушил Бойс паузу. – А потом?

Танкред красноречиво пожал плечами:

– Закончив строительство, однажды утром мы проснулись и увидели алое знамя над главной башней. В этом знамени есть магия, но не та, которой я могу противостоять. Возможно, в каком-то смысле она нас защищает. Мы потеряли троих, пытавшихся снять флаг. Может быть, он окрашен кровью тех, кто уже пытался это проделать много веков назад.

Мы так и не узнали, какая сила отправила нас сюда. Маг из черного замка – еще одна тайна среди всех неразгаданных тайн в нашей судьбе. И в конце концов мы перестали задаваться вопросами. Здесь нет ни дня, ни ночи, хотя мы ведем счет часам и называем их днями, а то время, когда спим – ночью.

Но само время стоит на месте. Я не могу этого объяснить, как и того, почему мы можем считать часы и дни и вместе с тем оставаться в неведении о прошедших годах. Что-то, присутствующее в самом воздухе, очищает наш разум от воспоминаний, когда мы пытаемся осознать прошедшее время. Это вечное настоящее. Мы не становимся старше. Мы никогда не умираем от дряхлости или болезней.

Танкред глубоко вздохнул, перестав оглаживать бороду. Взгляд черных глаз затуманился.

– Наверняка есть пути, ведущие в этот мир и из него, – сказал Бойс. – По одному из них я пришел. И ты говоришь, что я не первый. И кто-то каким-то образом наверняка вышел отсюда в мой собственный мир и в мое время.

Танкред кивнул:

– Пути есть. После того, как мы пробыли здесь достаточно долго – не могу сказать, сколько именно, – и после того, как я достаточно набрался мудрости, я обнаружил способ открыть путь вовне. Если бы это случилось раньше, возможно, мы были бы спасены. Но было уже слишком поздно. Двое наших отправились туда вопреки моим предупреждениям; и когда они прошли через врата, их тела рассыпались в прах.

В мгновение ока на них обрушились все прошедшие годы, и в тот же миг несчастные стали такими, какими бы стали, если бы провели все это время в родном мире. Тогда-то мы и поняли, что возврата нет. Возможно, ты сумеешь вернуться, если не пробудешь здесь слишком долго. Но думаю, тебе от этого будет мало пользы. Твоя проблема здесь, Уильям Бойс. Именно здесь, полагаю, ты должен добиться ее решения.

Бойс заснул. Что-то в подсознании вынуждало его спать, а не слушать. Он все еще испытывал крайнюю усталость, и сон пришел легко. Да и как можно противостоять приказам, поступающим прямо из твоего собственного мозга?

Его разбудили голоса.

– Тсс! Бойс спит. Говори тише.

Узнав громкий шепот сэра Гийома, Бойс не шелохнулся, думая о том, стоит ли дать этим двоим знать, что он проснулся.

Послышался голос Танкреда, должно быть все так же сидевшего в кресле у окна:

– Гийом, ты безрассудный глупец. Знаешь же, что тебе не следует этого делать.

– Я делаю, что хочу, – прорычал Гийом. – Если план работает, мы все можем спастись. Если нет, пострадаю лишь я один.

– Возможно, не один. Ты подумал о том, что можешь вернуться таким, каким вернулся Хью де Мандуа? Ты хоть представляешь, что в Городе с тобой сотворят, если схватят?

– Говорю тебе, Танкред: я прекрасно понимаю, что делаю. Это не первое мое путешествие в Город. Теперь у меня там друзья. Люди, которые знают меня – или думают, будто знают – под другим именем. Перебежчик из Керака – ценная добыча для Города. Там купят любые сведения, которые я предоставлю, и будут умолять, чтобы принес еще. Ты знал, чем я там занимался, Танкред. И ты ни разу не возразил. А теперь почему возражаешь? После случившегося с Хью де Мандуа мне, как никогда, хочется попробовать.

– Я возражаю из-за случившегося с Хью, друг мой. Потому что теперь знаю, какова их сила. Никогда еще к нам не подсылали шпиона, неотличимого от нас. Как мы сможем тебе доверять, Гийом, если ты вернешься?

– У вас есть Пифия, – мрачно ответил Гийом.

Танкред помолчал. Когда он снова заговорил, голос звучал тихо, и Бойсу в нем послышалась грусть.

– Да, – сказал маг. – Да, у нас есть Пифия.

– Вот и прекрасно. Больше нет причин ждать. Два нападения за столь короткое время наверняка означают, что враги намерены бросить против нас все свои силы. Я узнаю от них все, что смогу, чего бы это ни стоило. Если я рискую собственной жизнью, никто не может удержать меня в Кераке. Ни ты, ни кто-либо другой.

– Ты рискуешь большим, чем собственной жизнью, Гийом, – сказал Танкред.

Тот лишь презрительно фыркнул.

– Ну что ж, – ровным голосом проговорил маг. – Дело твое.

Простучали тяжелые шаги, хлопнула дверь. Лежа с закрытыми глазами, Бойс услышал вздох Танкреда.

Ему хотелось больше узнать о белой как мрамор девушке, которую крестоносцы называли Пифией, – кто она, почему Танкред обращается к ней столь мягко и почему при упоминании ее имени его голос сделался таким грустным.

Но время для таких вопросов было неподходящее.

Глава 6. Сонное заклятие

В замке Керак время не двигалось с места. Но зато вокруг медленно проплывало пространство. Бойсу казалось, будто он видит это слабейшее движение за окном. Сам Город, по словам Танкреда, появился в долине, выплыв откуда-то из тумана. С течением времени – вернее, с течением пространства – он должен был уплыть вдаль, и обе крепости навсегда забыли бы друг о друге.

Но сейчас, словно враждебные корабли, сошедшиеся в нейтральных водах, они вели непримиримую войну, и лишь уничтожение одной из них или обеих или увеличение пространства между ними могло положить конец конфликту.

Гийом ушел. Бойс понял это лишь потому, что на прогулках по замку ему недоставало надменного басовитого голоса. Никто не отвечал на расспросы Бойса о его тезке. Годфри тоже исчез. Даже Танкред удалился от всех; он почти не покидал своей башни, занимаясь там какими-то делами. Никто в Кераче, кроме самого Танкреда, не знал толком, что находится за дверью этой башни.

– Там бассейн с водой, – прошептала Бойсу одна женщина, когда он как бы невзначай задал вопрос о таинственной башне. – Никто не знает, как Танкред пользуется этим для своей волшбы. А еще говорят, там есть зеркала, которые показывают человеку его собственные мысли. Иногда из башни доносятся голоса, хотя мы знаем, что никого, кроме Танкреда, там нет, а иногда слышится прекрасное пение, подобное ангельскому. Однажды оттуда сбежал диковинный зверек с ярко-золотистой шерстью, окруженный голубым ореолом. Мальчик, который попытался его поймать, обжег руки.

Казалось странным, что в этом сером мире нельзя измерить время. Можно было отсчитывать часы, и вместе с тем никак не получалось зафиксировать период длиннее недели. Время было чересчур скользким, чтобы его мог осознать разум.

Но однажды утром – хотя в Кераче не было ни дня, ни ночи – Бойс проснулся от глубокой тишины. Сев на кровати, он прислушался, пребывая в странной уверенности, что его разбудило именно безмолвие. Безмолвие и странная напряженность в воздухе.

Быстро одевшись, он сбежал по винтовой лестнице в большой зал, где в это время должны были стоять накрытые столы, а обитатели замка – шумно собираться к завтраку.

Зал действительно был полон мужчин и женщин, но все они молчали, застыв в позах марионеток, брошенных посреди сцены. Некоторые лежали на вязанках дров, принесенных для большого камина, который должен был ярко пылать, а не едва тлеть.

Рядом с другими валялись разбитые тарелки и рассыпанная еда. Собаки неподвижно растянулись на устланном тростником полу. Соколы в шапочках из перьев окаменели на насекомых вдоль стены.

Бойс ошеломленно обвел взглядом зал. Никто не шевелился, и тем не менее он почувствовал, что движется сам воздух. Словно мимо прошел кто-то невидимый и невесомый, коснувшись плечом. И еще Бойс уловил сладковатый запах – очень слабый, не похожий ни на что знакомое.

– Магия, – прошептал он. – Запах магии!

Мысль возникла сама по себе, без какой-либо причины – и он знал, что не ошибся.

Эти люди не были мертвы. Бойс осторожно обошел их, встряхивая за плечо, зовя по имени. Никто не шелохнулся. Он плеснул холодной водой в лицо служанке, уснувшей рядом с кувшином; та даже не вздохнула. Это был колдовской сон, и Бойс наконец понял, что никто, кроме наложившего чары, не в силах пробудить этих людей.

Охваченный растущей тревогой, он шел по молчаливому замку и не находил по пути ни одного бодрствующего мужчины, женщины или животного. Бодрствовал и двигался лишь сам

Бойс. И это пугало. Во всем, что с ним происходило, чувствовалась некая зловещая цель – с тех пор, как он разбил хрустальное окно и услышал смех Охотника. Нет, еще раньше – с первого дня того года, который он потерял.

Он понял, что все это время неуклонно двигался по маршруту, начертанному невидимой рукой. С ним не происходило ничего такого, что не приближало бы его к некой таинственной цели.

И сегодня Бойс достиг очередной вехи на своем пути. Конечно же, неспроста он единственный бодрствующий во всем замке. Поднимаясь с этажа на этаж, осматривая безмолвное молчащее здание, он ощущал в воздухе движение невидимых существ.

Посещение Танкреда, находившегося в самой высокой башне, Бойс откладывал до последнего. В магической комнате, полагал он, наверняка должен быть какой-нибудь экран, способный защитить самого мудрого человека в замке от нападения из Города.

Бойс поднимался все выше по этажам.

«Спящая красавица, – размышлял он. – Спящая красавица в заколдованном замке. Может, там было то же, что и здесь? Разве не могло быть и других случаев, кроме тех, что известны нам по старым сказкам?»

Он остановился посреди лестницы, лишь теперь подумав о том, кто спит в этом замке по-настоящему. Бодрствовал Керак, или спал, или пребывал под действием всеобъемлющего заклятия, – Пифия наверняка стояла неподвижно, объята загадочным сном.

Танкред ничего не поведал о ней. И все остальные обитатели замка слишком робели перед мраморной девушкой, чтобы рассказать даже то небольшое, что было им известно.

«И все-таки я попытаюсь, – подумал Бойс. – Пойду к ней и спрошу...»

Казалось, в мозгу вновь ожил маленький чужак-цензор. Вернулась усталость, не позволившая Бойсу до конца выслушать Танкреда. Кто-то явно не желал, чтобы Бойс разговаривал с Пифией.

Но на этот раз Бойс решил не сдаваться. Жуткая слабость сковывала его члены, и все же он, стиснув зубы, заставлял себя преодолевать ступеньку за ступенькой.

«Кем бы ты ни был, – подумал он, – в этот раз тебе придется со мной побороться».

Не это ли безымянное и бесформенное существо двигало Бойса, словно пешку по доске, в течение года, потерянного в его родном мире, и на протяжении безвестного срока в этом замке? Не построил ли этот игрок некую цитадель в захваченном мозгу?

«Если это так, – упрямо пообещал Бойс, – то тебе несдобровать».

Усталость навалилась на плечи, словно сама смерть; глаза слипались. Весь замок был объят сном, от фундамента до парапетов башен. И Бойс тоже погружался в этот сон. Очертания каменных ступеней под ногами расплывались, словно были затоплены водой.

Но та же усталость подгоняла его, ведь теперь он знал, что догадка верна. Его оставили бодрствующим нарочно, усыпив всех остальных в Керике. Но если недруги убедились, что он намерен бороться, то решили и его усыпить на тот срок, что нужен им для претворения в жизнь дьявольских планов.

Он изо всех сил преодолевал сонливость. Спотыкаясь, поднимался по лестнице, казавшейся теперь горным склоном. В мозгу то и дело всплывали фрагменты сновидений. Бойс упорно делал шаг за шагом, с трудом передвигая ноги. И наконец, спустя время, показавшееся ему вечностью даже в этом зыбком мире, лестница закончилась.

Впереди был зал Пифии. Впереди висела алая портьера, расшитая серебряной нитью. Где-то вдаль, в конце бесконечного коридора, чьи очертания расплывались перед глазами...

Он не запомнил, как шел по коридору. Вероятно, ноги сами несли его вперед. И наконец что-то мягкое коснулось его протянутой руки, пробуждая от кошмара.

В тот же миг он стал самим собой. Мир вокруг вновь сделался отчетливым и ярким, от сонливости не осталось и следа. Замок все так же наполнился сном и магией, и в воздухе угадывалось присутствие быстро перемещающихся невидимых существ. Но сознание Бойса наконец прояснилось полностью.

Уверенным движением он отвел портьеру.

Огненная клетка пребывала на прежнем месте, тихо гудя, и все так же внутри ее стояла мраморная девушка. Бойс ни мгновения не сомневался, что найдет ее здесь. Пифия была неподвижна, как статуя в нише, и его вовсе не удивило, что она, похоже, не дышала и не говорила с той минуты, когда рука врага в последний раз коснулась Керака.

Сейчас враг снова здесь, и в зале пахнет чуждой магией. Бойс молчал, тяжело дыша, и ждал.

А девушка стояла лицом к нему, сложив перед собой бледные как лед руки, и складки белого платья ровными волнами падали к ее ногам. У него возникло сильнейшее желание дотронуться до ее платья, до сложенных рук, чтобы понять, статуя это, или мраморная фигура, или бесплотный призрак, или все-таки живая женщина.

Но он не осмелился. Он стоял, разглядывая закрытые глаза, сомкнутые губы, безупречную красоту, такую же нечеловеческую, как красота каменного изваяния.

И вдруг губы ее едва заметно раздвинулись.

– О чем ты хочешь спросить? – произнесла она бесстрастно.

При звуках этого нечеловеческого голоса Бойс вдруг со всей ясностью осознал, что он единственный живой человек в Кераке, если только чары не пощадили Танкрета.

Воздух вокруг него полон враждебной магии. Замок превратился в огромный склеп, в могилу для полумертвых людей, отданных на милость торжествующего Города Колдунов. Только он один, живой и бодрствующий, стоит здесь, и все его надежды – лишь на это мраморное создание, которое нельзя назвать ни бодрствующим, ни живым.

– Скажи, что делать, чтобы спасти Керак, – с дрожью в голосе проговорил он.

Если она и поняла, то ничем этого не выдала. Почему-то Бойс предполагал, что ей известно о происходящем вокруг нее, что она не нуждается в зрении, чтобы осознать грозящую Кераку опасность. А если это ее вообще несколько не волнует?

Глядя на нее в тишине, он вдруг ощутил в воздухе ритмичную дрожь; и хотя та была крайне слабой, напряженные до предела чувства вряд ли могли его обмануть.

А потом Пифия заговорила.

– Слушай меня, – произнесла она все тем же четким безразличным голосом. – Слушай. Кто-то идет по Кераку.

Теперь он явственно ощущал, как пульсирует воздух. Значит, здесь есть кто-то живой. Кто-то... идет по Кераку? Этот ритм напоминал топот тяжелых ног, размеренный и беспрестанный, и все приближавшийся.

– Сюда идет человек, – говорила Пифия. – А перед ним движется магия. Этот человек должен умереть – или умрет Керак. – Она помолчала, затем все так же бесстрастно продолжила: – Имя этого человека – Гийом дю Буа.

К двери Танкрета были прибиты железные звезды. Бойс остановился перед ней, намереваясь постучать, и прислушался к грохоту сапог человека, который собирался уничтожить Керак. Бойс все еще не мог поверить в то, что сказала ему Пифия.

Внезапно возникшая ненависть к Гийому заставила его усомниться в самом себе. Мысль о том, чтобы убить Гийома – если такое возможно, – опасно воодушевляла. Но ведь Гийом отправился в Город, рискуя жизнью ради Керака. К тому же Гийом – хозяин Керака.

Бойс откинул щеколду и осторожно толкнул дверь.

Изнутри потянуло теплым, пахнувшим цветами дымком. Отогнав его от лица, Бойс заглянул в комнату, которую не видел никто, кроме Танкреда, с тех пор как был построен замок – то есть за шесть веков? Час, день, столетие – время в Кераке не имеет никакого смысла.

Это была магическая лаборатория, но магия не помогла человеку, который навалился грудью на низкий стол, уронив голову на руки. Белая борода свисала почти до пола. Как и все в Кераке, Танкред спал. Перед ним на раскрашенной столешнице в черном блюде тлела горка серебристого пепла, испуская цветочный запах. Блюде подрагивало в одном ритме с тяжелыми шагами того, кто шел по Кераку.

– Танкред! – без всякой надежды позвал Бойс. – Танкред!

К его удивлению, голова мага слегка пошевелилась. Очень медленно, с невероятным усилием широкие плечи приподнялись, и маг глухо застонал.

Бойс упал на колени рядом, затряс Танкреда за плечо.

– Ты меня слышишь? – спросил он. – Танкред, ты не спишь?

Танкред и спал и не спал. Каким-то образом за несколько мгновений между приходом магии и погружением Керака в сон ему удалось проделать отвлекающее заклинание и ослабить усыпляющий эффект. Вероятно, подумал Бойс, ему помогло средство, испускающее при горении аромат цветов.

– Танкред! – повторил он. – Ты меня слышишь?

На этот раз веки Танкреда приоткрылись, и черные зрачки посмотрели сквозь сонную поволоку в лицо Бойсу. Казалось, маг взирает сквозь некую завесу, за которой он свеж и бодр, но которую не в силах приподнять.

– Должен ли я верить Пифии, Танкред? – спросил Бойс, настойчиво тряся облаченного в черную мантию. – Ты знаешь, что Керак зачарован? Пифия говорит, что я должен убить Гийома. Танкред, это действительно так?

Полуприкрытые глаза блеснули, в бороде шевельнулись губы. Танкред отчаянно пытался разорвать путы чужой волшбы. Бойс видел, как проступают вены на могучей шее, как багровеет от напряжения лицо, навечно сохранившее загар Святой земли.

Но говорить Танкред не мог. Оковы сна были слишком тяжелы. Последним усилием он приподнял голову и кивнул – раз, другой. Этого было достаточно, Бойс получил ответ на свой вопрос.

Потом маг тяжело вздохнул и снова обмяк на столе, с которого поднимался едва заметный пахучий дымком.

– Убить Гийома, – услышал Бойс в тишине комнаты собственный голос.

Воздух вокруг него вздрогнул. Нет, на этот раз не только воздух, но и пол под ногами. Послышался топот тяжелых сапог по каменным плитам, и от каждого шага весь заколдованный замок содрогался до самого основания.

Бойс вдруг почувствовал, как сильнее забилось сердце в ритме приближающихся шагов, как перехватило дыхание от почти осязаемой ненависти к Гийому. Теперь он понял, что прожил неведомый срок в Кераке ради этого единственного мгновения – мгновения, когда будет убит Гийом. Казалось, именно ради этой цели он появился на свет и прожил свою жизнь, ради единственной минуты торжества.

Для подобных мыслей не было никаких причин. Бойс смутно подозревал, что такой исход предрешен, – иначе почему он один бодрствует в Кераке, когда явился враг? Но думать об этом сейчас не следовало. Ни к чему гадать, почему хозяин Керака вернулся в Керак, чтобы его уничтожить. Сейчас не до рассуждений. Бойса переполняют ненависть и боевой дух.

Шаги, напоминавшие поступь великана, сотрясали лестницу уже совсем рядом. По замку раскатывалось эхо этих чудовищных шагов. Бойс смутно вспомнил, как движущиеся тени касались его одежды, но на размышления времени не оставалось.

Поперек стола рядом с вытянутой рукой Танкреда лежал меч. Бойс схватил его, выдернул из ножен, прикинул вес. В то же мгновение по его руке словно пробежал электрический разряд, и лежавший грудью на столе Танкред пошевелился и вздохнул. Меч сам описал дугу в пахнущем цветами воздухе и занял нужное положение в руке Бойса.

И тот понял, что это магическое оружие.

За дверью раздался смех – дикий и басовитый, не вполне похожий на смех Гийома, полный коварства и злобы. И впервые с тех пор, как на замок опустились чары, Бойс вспомнил о Хью де Мандуа и о том, как чудовищно он изменился по возвращении к крестоносцам.

Глава 7. Фальшивый крестоносец

Обитая звездами дверь распахнулась с грохотом, отдавшимся многократным эхом в стенах комнаты Танкреда. Взвихрился розовый дым, и дверной проем заполнила массивная фигура Гийома. Он раскатисто хохотал, и Бойсу почудилось, будто от этого хохота содрогается сама магия, заполнившая Керак.

В полутьме сверкнул огромный меч, чью рукоять сжимал покрытый шрамами кулак. На лице Гийома не было ни малейшего веселья, – казалось, смеется только рот. Глаза были затянуты такой же поволокой, как и у Танкреда. Это надменное, упрямое лицо, окаменевшее в жестокой гримасе, внушало ужас.

– Танкред! – прорычал Гийом голосом, который мог бы разбудить в замке любого спящего. – Танкред, пришел час твоей смерти!

Гийом сделал вперед шаг, от которого сотряслась вся комната, и двуручный меч взлетел над головой мага.

Каким-то отдаленным закоулком разума Бойс вдруг со всей ясностью понял, что это не настоящий Гийом. Вражда между ними была кровной, подобной родственной связи, которую никто из них не в силах был разорвать сам.

Гийом, который ушел из Керака, обязательно заметил бы Бойса, стоявшего рядом с мечом в руке, вместо того чтобы выкрикивать угрозы спящему Танкреду. Нет, этот Гийом – не тот же самый человек, который покинул замок.

Меч Бойса взмыл, описав сверкающую дугу – и как раз вовремя. Клинок Гийома уже опускался, и в следующее мгновение голова мага покатила бы по раскрашенному столу.

Раздался лязг, словно столкнулись в воздухе две молнии. От удара стали о сталь во все стороны полетели искры. Гийом проревел ругательство на языке, которого Бойс никогда прежде не слышал (может, на таком говорят в Городе Колдунов, мелькнула у того дикая мысль), и громадный меч вновь вознесся, рассекая клубы цветного дыма над головой Танкреда.

Это был странный бой. В эпоху крестоносцев жили железные люди. Мечи, которыми они сражались, были столь тяжелы, что современный человек с трудом мог бы поднять меч обеими руками. Лишь магия позволяла Бойсу парировать сокрушительные удары, которые обрушивал на него Гийом. Магия и быстрота меча, который сражался по собственной волшебной воле, – и тот факт, что Гийом ни разу по-настоящему не обратил свой гнев против самого Бойса.

Гийом, чьи черты лица были полускрыты тенью, пришел в Керак с одной-единственной целью. Он пришел убить мага Танкреда. Все удары его меча были нацелены на спящего. Задачей же Бойса было держать с помощью магического клинка стальной заслон между Гийомом и магом. Ему не нужно было защищать себя, но защита Танкреда давалась исключительно тяжело.

В комнате вспыхивала молния каждый раз, когда сталь ударялась о сталь. Гийом не был человеком – он был порождением колдовства, и ему подчинялись громы и молнии. Но он сражался так же, как и шел, – вслепую, и это надменное затененное лицо принадлежало не Гийому.

Конец наступил внезапно. Бойс знал, что от него исход поединка никак не зависит. Он почувствовал, как меч в его руке подпрыгнул, будто вдруг исполнившись радости, метнулся вперед, проскользнул под мечом Гийома и со всей силы обрушился на жилистую шею крестоносца.

Столь меткий и сильный удар должен был наверняка снести Гийому голову с плеч. Но этого не произошло. Во все стороны полетели искры, словно клинок встретил на своем пути сталь, а не мышцы и плоть. Сверкнула вспышка, раздался звон, как будто грянул гигантский гонг, и Гийом воскликнул задыхающимся голосом: «Dieu le veut! Dieu...» – словно именно об этом ударе и молил бога.

Перед глазами Бойса все необъяснимым образом изменилось. Комнату, где только что гремел гром и сверкали молнии в битве волшебных клинков, внезапно заполнила тишина.

Гийом медленно падал. Двуручный меч вывалился из его руки и зазвенел на каменном полу. Колени подогнулись, и крестоносец, словно плывя вперед, ничком опустился на пол. Бойс услышал громкий вздох, и тело Гийома обмякло.

С Бойса тотчас спало оцепенение. И замок Керак ожил.

Лежавший на столе Танкред вздохнул и приподнял голову. По всему замку слышались удивленные голоса проснувшихся. Воздух больше не вздрагивал при каждом движении Гийома. Крестоносец снова стал обычным человеком, обладающим только человеческими возможностями. Взглянув на него, Бойс удивился, хотя и не слишком, заметив сломанный ошейник.

Тот был сделан из стекла.

Танкред поднялся на ноги. Бойс, повернувшись, увидел, что маг тяжело дышит, словно это он, а не Бойс сражался заколдованным мечом. На лбу над густыми бровями выступил пот, широкая грудь тяжело вздымалась.

– Это сделал ты, – тихо сказал Бойс, протягивая меч.

Танкред кивнул. Ему еще не хватало дыхания, чтобы говорить. Взяв оружие из руки Бойса, он провел пальцем вдоль клинка, и Бойс увидел, как нечто яркое, живое загорается вслед за пальцем и сразу меркнет, исчезает.

– Да, – сказал Танкред. – Но без тебя ничего бы не вышло. Благодарю, дю Бойс. – Он убрал меч в ножны и бросил его на стол. – Что же касается его, – кивнул он в сторону лежащего Гийома, – то мне очень интересно...

Опустившись на колено, он осторожно коснулся стеклянного ошейника, остановившего смертоносный удар. Стоило это сделать, как послышался звон, будто разбился бокал. Ошейник подпрыгнул, рассыпался сверкающей пылью и исчез.

Гийом пошевелился и застонал.

Танкред осторожно перевернул крестоносца на спину. У того голова откинулась назад, горло конвульсивно дернулось.

– Я... Это не я, Танкред... Они послали... – прошептал он.

– Я знаю, Гийом. Сейчас это не важно. Тебе ничто не угрожает.

Гийом нахмурился и с видимым усилием покачал головой.

– Нет... Годфри... Я должен вернуться...

Танкред закрыл рот крестоносца рукой в перстнях.

– Тихо, Гийом. Ты был во власти чужой магии. У тебя нет сил даже для того, чтобы рассказать нам о случившемся. Подожди.

Он устало поднялся. Бойс только теперь понял, сколь странно выглядит эта комната в башне. До сих пор он был слишком занят происходящим, чтобы обращать внимание на детали. Но теперь видел магические предметы.

Здесь действительно был бассейн, о котором сказала Бойсу женщина. Он находился в небольшой нише в дальнем конце комнаты, круглый, выложенный яркой плиткой, и из его центра медленно расходились кругами волны. И над бассейном висела магия – Бойс ощущал ее каким-то необъяснимым образом.

Вдоль стен тянулись стеллажи, заставленные предметами, для которых у Бойса не находилось названия. Он видел книги на многих языках, наверняка в том числе и неземных. На одной из стен висела арфа, струны подрагивали, словно их касались невидимые пальцы, извлекающая едва слышную музыку. А в углу, в ящике с дырочками, он заметил движение, – наверное, внутри сидело маленькое существо.

Танкред взял с полки хрустальный кубок. Тот был пуст, но, пока маг поворачивался и склонялся над Гийомом, сосуд успел наполовину наполниться красной жидкостью с резким запахом.

– Выпей, – сказал Танкред, приподнимая голову Гийома.

Крестоносец подчинился. Он выглядел слишком изнуренным, чтобы самостоятельно двигаться или хотя бы возражать. Усталость эта была настолько неестественной, что напоминала абсолютную холодность Пифии.

Однако, выпив, Гийом начал оживать. С трудом приподнявшись на локте, он впился взглядом в Танкреда и заговорил слабым шепотом:

– Годфри... в плену... в Городе. Помоги мне, Танкред. Я должен за ним вернуться.

– У тебя очень мало сил, Гийом, – ответил Танкред. – Скоро ты придешь в себя, а пока расскажи нам, что случилось.

Гийом на мгновение закрыл глаза, потом заговорил:

– Мы отправились в Город... как и собирались. Там я встретил моих... моих знакомых. Они были готовы купить предложенные мною секреты. Мы договорились о цене. Я... знал, что один из них близок к советникам короля Города Колдунов. Я ждал его... слишком долго. Я никогда не видел его лица, но его зовут Джамай... Он очень злой.

Гийом немного подождал, собираясь с силами, а потом продолжил еще тише:

– В Городе... есть разные группировки. Король... не намерен расправиться со всеми нами сразу. Он ненавидит нас, Танкред, но по какой-то странной причине хочет убить нас одного за другим, а не разрушить Керак, всех похоронив под обломками. Джамай – его главный чародей. Он тоже нас ненавидит и не испытывает никаких угрызений совести.

Знаешь ли ты, Танкред, что между Кераком и Городом есть связь? Некая связь, не дающая Городу уплыть дальше? Да, земля действительно перемещается и Город движется своим курсом, словно корабль. Джамая этот курс чем-то не устраивает, и колдун мечтает разорвать связь, которая удерживает их здесь, – что бы она собой ни представляла.

– Кажется, я догадываюсь, – кивнул Танкред.

– Он... пытается уничтожить Керак, – продолжал Гийом. – Все это... дело его рук. Король... ни о чем не догадывается. Я ошибался насчет Джамая. Я пытался договориться... тайно. Он захватил нас обоих, меня и Годфри. Я должен вернуться за Годфри.

Гийом немного помолчал, его глаза затуманились, словно он смотрел в прошлое.

– Он заложник, – сказал крестоносец. – Я должен освободить его, Танкред. Он сидит в... очень странной тюрьме. Я даже не возьмусь ее описать.

– В чем суть этой магии? – спросил Танкред. – Ты знаешь?

Гийом слабо кивнул.

– Ошейник, – сказал он. – Мне пришлось поклясться в немыслимом – в том, что я буду носить ошейник хозяина. И я носил. А заклинание... было простым. Когда я приближался к замку, впереди меня двигался сон. Танкред, это был не я... Думаю, Джамай – или его разум – ехал на мне верхом, как человек едет на лошади. Он видел моими глазами. Пока ошейник не разбился, это был не я. – Он попытался сесть. – Я должен вернуться, – сказал он. – Годфри...

Танкред положил руку ему на плечо.

– За Годфри пойдет другой, – сказал он. – Пойдет, не сомневайся. И спасет его, если это вообще в силах смертных.

Гийома не так-то просто было убедить. Он снова лег, подчинившись нажиму Танкреда, но в глазах застыл немой вопрос.

– Кто? – едва слышно выдохнул он.

Взгляд Танкреда встретился со взглядом Бойса.

– Решение твоих проблем, дю Бойс, находится не в Керাকে, – сказал маг. – Я уже давно это понял. Ты готов искать его в Городе?

Бойс удивленно посмотрел на Гийома. С надменного лица, столь похожего на его лицо, в ответ смотрели такие же, как у него, глаза.

– Ты способен оказать услугу себе и нам, – продолжал Танкред. – Ибо пойти можешь только ты – под видом Гийома. Якобы для того, чтобы продолжить начатое им.

Бойс медленно шел по песчаной равнине, и голубой туман клубился у его колен. Он плотнее запахнул синий плащ – воздух был сырым и холодным. Под плащом были рубаша и штаны из кладовой Керака, а грудь украшал красный крест.

Этот символ взяли себе люди, отправившиеся в Иерусалим шесть веков назад. Никто в Кераке не носил крест на спине в знак завершения паломничества, хотя все, кроме Танкреда, лелеяли надежду, что это когда-нибудь произойдет. Для них время все еще пребывало таким, каким они его оставили, вступив в туманную страну забвения, где солнце никогда не вставало и не садилось.

Бойс в сотый раз дотронулся до своего лица. Он не мог понять, каким образом Танкреду удалось придать его чертам надменность, которая выделяла среди других Гийома – и полностью отсутствовала у него самого. Висячие усы крестоносца – все, что осталось от золотистой бороды, выросшей за дни, а может, за недели или месяцы лечения. Внешне теперь его невозможно было отличить от Гийома.

И Бойс осознанно шел (словно глупец, думал он) в ту же самую ловушку, куда угодил Гийом. Зачем вообще он рискует ради этих людей? Ведь они для него никто, если не считать того обстоятельства, что они родились в том же мире, что и он. Да, эти люди дали ему приют, и, конечно же, долг платежом красен. Но впереди ждет опасность столь чудовищная, что ей даже нет названия. Вспомнив Хью де Мандуа, Бойс содрогнулся. Оказаться во власти чешуйчатого демона, как этот несчастный юноша, – и быть сброшенным, словно одежда, когда демон решит нанести удар...

Нет, никакой долг перед крестоносцами не заставил бы Бойса пойти на подобный риск. Он рисковал по своей собственной воле. Из благодарности? Из чувства родства? Он знал, что это неправда. Он пошел бы, даже если бы Керак никогда не стоял на здешних утесах, если бы Годфри и Гийом давно обратились в прах в своем родном мире.

Да, он знал, что все равно пошел бы – из-за женщины, чье лицо никогда не видел. Из-за женщины, которая на мгновение обернулась к нему в обрывке воспоминаний и улыбнулась из-под железной короны.

Она живет в городе, который перед ним. Это все, что мог сказать о ней Танкред. И еще маг поведал о том, что связывало Керак и Город.

– Ты интересовался Пифисей, дю Бойс, – говорил Танкред час назад, сидя в кресле с высокой спинкой в своей комнате и вертя в унизанных перстнях пальцев бокал с вином. – Прежде чем уйдешь, думаю, тебе стоит услышать все, что я о ней знаю. Она... – Он поколебался, глядя на вино, и наконец договорил: – Она дочь моей единственной дочери.

Бойс выпрямился в кресле, подавив удивленное восклицание.

– Так она живая? – спросил он. – Я думал...

– Живая? – Танкред вздохнул. – Не знаю. Я изучил многие магические науки с тех пор, как мы пришли на эту землю, и я видел в моих зеркалах немало тайн Города. Мне известно, что произошла какая-то ужасная ошибка, и пока она не будет исправлена, между Кераком и Городом будет существовать связь. Если только не окажется повержен в прах либо тот, либо другой... – Он отхлебнул вина и посоветовал Бойсу: – Пей. Тебе потребуются силы для путешествия. На землях между нами и Городом царит холод, а туман похож на плавающий дождь. Пей вино и слушай. Город был гораздо дальше от нас, когда моя дочь, приехавшая к нам из Нормандии, чтобы принять участие в крестовом походе, однажды ушла и заблудилась в тумане. Минуло немало времени с тех пор, как мы видели ее в последний раз.

Его лицо помрачнело, густые брови хмуро сошлись над черными глазами.

– Девушку забрали люди из Города, – помолчав, продолжил он. – А поскольку она была очень красива, король Города Колдунов взял ее к себе во дворец. У него было много рабов. Нужно отдать ему должное – он обращался с ней достойно. Она родила ему ребенка, девочку. А потом умерла. Я так и не узнал от чего. Возможно, в тюрьме от голода. Возможно, ее задушили или убили каким-то таинственным способом. А может, она умерла от болезни. Я видел ее перед смертью лишь однажды – очень недолго, за стенами Города.

Все очень странно... – Танкред покачал головой, под тюрбаном блеснули изумруды. – Здесь и там время идет по-разному. Думаю, в Городе оно течет как обычно. Я знаю лишь, что там, во дворце ее отца, моя внучка выросла, в то время как здесь, в Кераке, время не движется вообще. Наши юные пажи были юными пажами до рождения девочки, а теперь... теперь она стоит в своей огненной клетке, взрослая женщина.

Он налил еще вина.

– Я не знаю, что случилось в Городе. Она была любимицей отца, но, вероятно, между ними произошла какая-то ссора и в наказание он сделал ее такой, какая она сейчас.

К нам пришел призрак, пришла мраморная женщина с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, белая как снег и столь же молчаливая. Похоже, некий инстинкт привел ее к соплеменникам, когда она не могла больше вынести жизни там, где родилась.

В тот день мы пытались за ней ухаживать, но она просила лишь о комнате, где могла бы спокойно жить. Ей выделили комнату, которую ты видел. А когда мы пришли к ней утром, она стояла так же, как и сейчас, в клетке из поющего огня. Из нее разговаривала с нами голосом Пифии.

В ней очень много силы. Эти закрытые глаза заглядывают в человеческую душу. Она преисполнена мудрости, но мудрость эта скрыта за ее молчанием.

Она не постоянно находится в клетке. Иногда огонь угасает, и тогда она на какое-то время уходит из замка в туман. Не могу с уверенностью сказать, но мне кажется, что она встречается с кем-то на равнине. А потом возвращается в свою комнату, и вокруг нее снова возникает огненная клетка.

Как мне кажется, пока она здесь, связь между ней и ее отцом, королем Города Колдунов, будет соединять нас, словно якорь с кораблем. И если Гийом говорит правду, то король не уничтожит весь Керак, пока в замке его дочь. Он с радостью убил бы нас всех – но не ее.

Вот почему я думаю, что твоя миссия в Городе может завершиться удачей. Если бы Джамай, министр короля, сам был королем, то мне не на что было бы надеяться. Большого я тебе сказать не могу. Я буду наблюдать за тобой, пока это в моих силах. Возможно, сумею помочь. Но думаю, сюда ты пришел неспроста. Тебя вела неизвестная мне магия, и я уверен, что загадка твоего появления находится в Городе.

Он осушил бокал.

– Сделай все, что можешь, дю Бойс. Помни и о том, что связывает тебя с нами, с Кераком. Твое сходство с Гийомом не случайно.

Из задумчивости Бойса вывела доносившаяся из тумана тихая музыка. Он поднял взгляд. Над ним нависали высокие стены – те самые, которые он впервые увидел, пройдя через каменные ворота в этот мир. Он слышал, как дрожат крыши шатров на ветру. Туман ярко сиял в тех местах, где на него падал свет.

Бойс двинулся влево вдоль стены. Где-то там должны быть маленькие ворота, отмеченные кольцом синих огней. По словам Гийома, это ворота для паломников. Маг объяснил, что для многих на этой неустойчивой земле Город – святыня, где находятся алтари богов со странно звучащими именами. Иногда сюда приходят паломники с далеких равнин, малыми группами и целыми караванами, а иногда в одиночку.

Гийом также объяснил, как Бойсу проникнуть в Город.

– Скажи, что пришел поклониться Наину, – сказал он. – Одного этого имени хватит. Многие паломники не знают языка, на котором говорят в Городе, так что и тебе не обязательно его знать. Там говорят на языке, в котором много наших слов.

Очевидно, подумал тогда Бойс, Керак и Город и впрямь давно связаны друг с другом, если старофранцузский стал частью языка горожан.

– На улицах спрашивай дорогу к храму Наина, – продолжал Гийом. – Там тебя встретят. А потом... – Он пожал плечами. – Dieu lo vult.

Справа от Бойса появились ворота в стене. Они оказались на запоре. На них было изображено лицо, пристально глядевшее в туман желтыми глазами. Бойс прошел мимо, пытаясь избавиться от ощущения, что глаза смотрят ему в спину.

Следующие ворота были открыты, и на их створках был изображен стоящий дракон, чем-то напоминавший Бойсу чудовище, которое в теле Хью де Мандуа проникло в Керак. Со страхом подумав о том, что может находиться за этими воротами – и о том, не через них ли вошел Хью, – Бойс поспешил пройти мимо.

Третьи ворота были закрыты. На них сияло кольцо из синих огней. Бойс остановился и глубоко вздохнул.

Через эту арку он должен войти в заколдованный Город и получить ответ на вопросы, которые завели его столь далеко в пространстве и времени.

Опустив руку в мешочек на поясе, он коснулся единственной вещи, которую принес с собой из внешнего мира, – маленького холодного кристалла, в свое время отбросившего на стену светящуюся паутину и открывшего окно, через которое Бойс попал сюда. Это единственная связь с ней – безымянной и безликой – и с потерянным годом, который он так давно ищет.

Он несильно постучал в ворота. Какое-то время ничего не происходило, потом скрипнули петли, и освещенная синим створка открылась.

Из-за нее доносилась музыка и отдаленный смех.

Бойс расправил плечи и шагнул вперед.

Глава 8. Блеф

– Керак, – говорил Гийом, – враждует с королем Города Колдунов и его приближенными. Простые горожане мало знают о нас, им хватает собственных забот. Ты спокойно можешь ходить среди них, как и любой паломник. Но все-таки будь осторожен, дю Бойс.

Человек, выглянувший из ворот, вполне соответствовал данному Гийомом описанию: невысокий, смуглый, с бегающими глазами и повязкой на голове. Равнодушно посмотрев на Бойса, он со скучающим видом что-то спросил.

– Наин, – сказал Бойс.

Привратник кивнул и отступил. Бойс наклонил голову и прошел через низкую арку.

Улица была узкая, по ее сторонам стояли высокие и столь же узкие дома. Тут и там в окнах верхних этажей висели разноцветные фонари, в их свете блестели мокрые от тумана камни мостовой. Странный город, подумал Бойс. Кажется, в нем всегда сумерки – тот вечерний час, когда на улицах загораются первые фонари.

Судя по звукам, лившимся из окон, мимо которых он проходил, это была улица музыки и веселья. В большинстве окон были стекла с мелким ромбическим узором, искажавшим происходившее внутри, но Бойс замечал мерцающий свет и движущиеся силуэты, слышал смех, вдыхал запах вина. Необузданная музыка отдавалась ритмичным эхом в его мозгу.

Люди здесь были самые разные. Высокие и белокурые, в развевающихся полосатых халатах, низкорослые и краснокожие, в тюрбанах и облегающих нарядах. Женщины в полупрозрачных вуалях, улыбающиеся каждому встречному, и женщины цвета черного дерева, в красной тунике, с палашом на поясе, высокомерно шагавшие посреди улицы.

Бойс, высокий и светловолосый, в черном плаще и рубахе с красным крестом, вряд ли выделялся в этой толпе. Похоже, многие имели на одежде символы со столь же тайным смыслом, что и у него, – вероятно, принесенные из миров, так же неизвестных здесь, как и Земля.

Поравнявшись с человеком в серых лохмотьях, державшим полосатый бумажный фонарь на длинной палке, Бойс дотронулся до его плеча:

– Наин!

Человек улыбнулся и кивком указал на ближайший поворот. Бойс поблагодарил по-английски, усмехнувшись при мысли о том, сколь фантастично звучит родной язык на этой сумеречной мокрой улице.

Он еще дважды спрашивал дорогу – у мрачного вида женщины в рогатом шлеме и зеленом бархатном платье, волочившимся по земле, а потом у человека в сверкающих доспехах, в которых отражались разноцветные фонари. С третьей попытки Бойс нашел храм.

Это было большое каменное здание, неосвещенное, без окон. По огибавшим его улицам текла шумная толпа, но храм Наина оставался безмолвным.

Поднявшись по серым ступеням, Бойс остановился под аркой, глядя на длинный зал, где вдоль стен тянулись полки. А на этих полках сияли внутри бумажных фонарей разноцветные шары. Их были тысячи. А еще там была толпа людей, такая же пестрая, как и на улицах. Люди расхаживали туда-сюда, что-то шепча. Если паломники собрались на какую-то церемонию в честь Наина, то она, судя по всему, еще не началась.

Бойс двинулся прямо к прозрачной стене в дальнем конце зала. Гийом сказал, что там находится магическое дерево. Оно оказалось стеклянным, и ветви были увешаны ярко окрашенными светящимися плодами; до них можно было дотянуться рукой.

Бойс спокойно взялся за круглый синий плод, размером и формой напоминавший грушу. Плод задрожал в руке, словно был живым и упругим. Затем раздался легкий хлопок, и плод исчез, оставив лишь каплю синей жидкости на ладони.

Кто-то сзади тронул Бойса за плечо. Он резко обернулся. Это была негритянка, босая, с обнаженными руками и ногами. Запястья и лодыжки были украшены золотыми браслетами, а шея – тяжелым золотым ошейником.

– Идем, – сказала она с акцентом на старофранцузском и повела Бойса к боковой двери.

Они вышли на другую улицу, вдоль которой сидели на задних лапах большие, мокрые от тумана каменные звери.

На шее у каждого висел фонарь, и в покачивающемся свете мимо шли люди. Негритянка поманила Бойса. Сбежав по ступеням, они смешались с толпой.

В поведении толпы чувствовалось нечто странное. Бойс видел, что люди беспокойно оглядываются; в их голосах звучала неясная тревога. И какое-то время спустя Бойс услышал тонкий свист, более громкий, чем шум толпы, и быстро нараставший.

Воздействие, которое звук оказал на людей, было подобно электрическому разряду. Они замирали, подняв к небу стремительно побледневшее в неровном свете фонарей лицо. Вдруг по толпе, словно порыв ветра, пробежал негромкий стон. И, словно повинувшись некоей магии, толпа начала таять.

В домах распахивались двери, принимая испуганных людей. То тут, то там человек стучал в закрытые створки, звал тех, кто внутри. Но громких криков слышно не было.

Через несколько мгновений после того, как с неба донесся первый свист, пестрая толпа исчезла: кто-то скрылся в домах, кто-то за каменными изваяниями. Лишь двое-трое замешкались, бросив удивленный взгляд на стоявшего в одиночестве Бойса, но и они скрылись в ближайшем убежище.

Послышались быстрые шаги по каменной мостовой. Бойс обернулся. Негритянка нетерпеливо махала ему рукой.

– Идем, – сказала она. – Идем скорее! У нас нет времени.

Он неуверенно направился к ней по мокрым камням. Девушка метнулась к нему и, схватив за руку, потащила к двери за одним из каменных зверей.

– Что случилось? – спросил Бойс. – Я не понимаю...

– Они идут, – сказала девушка. – Быстрее, пока они не добрались до этой улицы!

Дверь заскрипела на петлях. Внутри было темно, и Бойс вспомнил слова Гийома о том, что следует быть осторожным. Он слегка отстал, не зная, что опаснее – войти или остаться снаружи.

По улице пронесся холодный ветер, развевая его плащ. Холод обжигал. И вместе с ним пришел ужас – ужас и отвращение, которых Бойс не испытывал с того мига, когда он впервые оказался в этом мире и увидел с вершины холма мрачную процессию, движущуюся к воротам Города.

Это действительно были они – те, кто шел среди мерцающих огней и звона колокольчиков, в облаке мглы, милосердно скрывавшем их из виду. Те, кто выглядел как люди, однако не были людьми. Те, кого, как теперь понял Бойс, он видел однажды вместе с женщиной, чьего лица и имени не мог вспомнить.

При мысли о них он испытал знакомую тошноту. Быстро повернувшись, Бойс сбежал на три ступеньки вниз и заскочил в дверь, которую держала для него открытой негритянка. Тяжело дыша, он ощутил катящийся вдоль улицы мороз, услышал звон первых колокольчиков – и дверь за ним закрылась. А небесный свист все стоял в ушах, сводя с ума, и от него невозможно было избавиться.

Дверь отрезала большинство звуков. Вокруг было темно, но рука девушки крепко держала Бойса за локоть, и он поспешил по невидимому коридору вслед за шлепаньем босых ног.

«Что же это за женщина, которую я ищу? – подумал он. – И о которой знаю лишь то, что когда-то она была вместе с ними?»

– Король снова призвал их, – заговорила рядом девушка все с тем же странным акцентом. – Сегодня в шатрах наверняка происходит нечто странное. Ходит слух, что наши власти напали на замок в горах, который иногда видно с наших стен.

Значит, все-таки есть какая-то связь, подумал Бойс. Возможно, фрагменты головоломки наконец начали складываться. Возможно, станет понятной его собственная роль.

Впереди открылась дверь, послышались голоса, потянуло дымом. Негритянка подтолкнула Бойса вперед.

Он увидел лампу, свисавшую с потолка над широким столом. Стол был инкрустирован замысловатым узором, и, похоже, на нем шла какая-то игра. Вокруг сидели люди, на чьи лица не падал свет лампы.

Один из сидевших, смеясь, передвигал резные, украшенные драгоценными камнями фигуры, немного похожие на шахматные. Каждая издавала свой особый звук, когда ее касался игрок.

Как только дверь открылась, игроки устремили на нее взгляд в наступившей тишине.

– Это человек из храма Наина, – сказала негритянка.

– Опаздываешь, – заявил один из игроков. – Ты принес то, что обещал?

– Не стоит тратить на него время, – воинственно бросил другой. – Он и так заставил нас ждать слишком долго. Все его рассказы наверняка ложь. Не отвлекайтесь, я сказал.

Бойс растерянно смотрел на них. Гийом ничего ему об этом не говорил. Крестоносец был крайне слаб, и, похоже, ему далеко не все удалось вспомнить.

Насколько понял Бойс, Гийом притворялся, будто готов продать некие секреты, связанные с обороной замка, могуществом Танкреда или еще чем-то, что могло бы заинтересовать хозяев Города. Бойса охватила тревога. Чересчур велик риск оказаться в ловушке – без оружия и без информации.

Оставался единственный выход. Бойс двинулся вперед надменной твердой поступью Гийома и ударил по столу кулаком с такой силой, что подпрыгнули фигуры.

– Во имя всех богов! – грозно прорычал он раскатистым голосом крестоносца. – Забирайте, что я принес, и не забудьте достойно расплатиться!

Сидевшие вокруг стола сердито загомонили. Послышался скрежет отодвигаемых кресел. Один из игроков встал и бросил фигуру, которая с тихим звоном покатила по столешнице.

– Для предателя ты слишком громко говоришь, – сказал стройный молодой человек в кольчуге до пят, по бокам с разрезами до колена, в которых виднелись красные кожаные сапоги и красные же штаны. На поясе у него висели два длинных кинжала, а широкие поля украшенной пером шляпы роняли тень на глаза. – Пошуметь сможешь и потом, коли охота. А сейчас выкладывай сведения, если не желаешь, чтобы мы их из тебя вытянули. – Он окинул взглядом сидевших за столом. – Многие из нас предпочли бы последнее. Уж я-то точно. – Он рассмеялся, положив ладони на рукоятки кинжалов.

Невысокий коренастый человек с огненно-рыжими волосами резко встал и распахнул пурпурную мантию, под которой оказался длинный шипастый кнут, намотанный на манер пояса.

– Зачем нам платить этому псу за его тайны? – неожиданно тонким голосом спросил он. – Я знаю способ заставить его лаять.

Седой старик в белой меховой накидке успокаивающе поднял руку:

– Спокойнее, спокойнее, друзья! Пусть говорит.

– Пусть лжет, ты хочешь сказать, – мрачно проворчал рыжий. – В последний раз, когда мы встречались с ним и его приятелем, он обещал нам Керак на серебряном блюде. Они уже получили плату за тайны, которых так нам и не открыли. Даже удивительно, как быстро смылись эти прохвосты, заполучив наше серебро. А теперь этот снова является сюда и разговаривает с нами столь надменно, будто он сам Джамай. Откуда мы знаем, где второй? Наверняка

предлагает те же секреты кому-то, кто доберется до Джамае раньше нас, помяните мое слово. Я закончил. Поступайте с ним как хотите. Мое мнение: он должен умереть.

Бойс презрительно рассмеялся.

– Ничтожество всегда говорит громче всех, – сказал он. – Я снова среди вас – разве это не достаточное доказательство моих добрых намерений?

«А так ли это на самом деле?» – подумал он.

Очевидно, Гийом и Годфри имели дело с этими людьми незадолго до того, как попали в руки Джамае. И история их пленения наверняка не была оглашена, иначе Бойсу не угрожала бы сейчас опасность из-за того, что он якобы беспричинно исчез. Он отчаянно пытался сообразить, какие секретные сведения сочинил для них Гийом. Если бы удалось сперва найти Годфри...

– Хватит болтать! – рявкнул рыжий. – Мне нужен ответ! Ты согласен провести нас потайным ходом, о котором говорил, собака? Я заплатил тебе за это обещание и требую ответа. Ты покажешь нам дорогу в Керак, когда наш хозяин даст сигнал?

– Да! – беспечно ответил Бойс.

Сидевшие дружно вздохнули. Седой выпрямился в кресле и улыбнулся. Его лицо тонуло в тени, как и лица остальных, но Бойс не сомневался, что выражение на этом лице торжествующее.

– Прекрасно, – сказал седой. – Мы готовы. Идем прямо сейчас!

Рыжий рассмеялся, увидев лицо Бойса.

– Мы тебя обманули! Ты явно такого не ожидал. Но выйти нужно как можно скорее, пока на улицах никого нет.

Он невольно посмотрел на дверь, и румяное лицо исказила гримаса отвращения.

Седой встал.

– Не будем медлить, – сказал он. – Иначе шпионы Джамае могут предупредить его о наших планах.

Бойс не слушал. Он понимал, что обречен. Хоть и согласился играть роль предателя, он ничего не знал о тайных путях в Керак – не знал даже, существуют ли таковые. Кроме того, в его смутные планы не входило покидать Город вот так сразу. Во-первых, нужно спасти Годфри. А во-вторых, он еще не нашел никаких следов девушки в железной короне.

– Погодите, – буркнул он.

Остальные были уже на ногах, они подтягивая пояса и оживленно переговаривались.

Все повернулись к нему, подозрительно сверкая глазами.

– Это не входит в условия нашего договора, – сказал Бойс. – За такой риск мне никто не платил. Дайте еще денег.

– Тебе и так заплачено с лихвой, – рассерженно начал рыжий. – Ах ты, грязный...

– Когда падет Керак, я останусь без хозяина, – дерзко заявил Бойс. – Придется самому о себе заботиться. А для этого нужно много серебра.

В темноте послышался смех того, кто не произнес до сих пор ни слова.

– Он предает своего хозяина ради денег и требует еще, потому что хозяина у него больше не будет, – сказал этот человек. – Мне он нравится, друзья!

Бойсу послышалось что-то знакомое в этом голосе. Потом – если для него еще существует такое понятие, как «потом», – он попытается вспомнить, где его слышал. Но сейчас на это нет времени.

– Доплатите, или я никуда не пойду, – упрямо сказал он.

Рыжий прорычал ругательство на языке, незнакомом Бойсу, но как будто специально созданном для ругательств. Неохотно сняв с пояса кошелек, со звоном бросил его на стол:

– Держи, собака. Купишь себе нового хозяина.

– Маловато! – ухмыльнулся в усы Бойс. – За такие гроши никого приличного не купишь, разве что ничтожество вроде тебя.

Рыжий ухватился веснушчатой лапой за рукоятку бича, что-то проворчав на своем богохульном языке, и Бойсу показалось, что драки не миновать. Но ворчание смолкло, рыжий мрачно стиснул зубы, снял еще один кошелек и швырнул на стол рядом с первым.

– Что-то псы стали слишком дорого себя ценить, – рыкнул он. – А теперь...

Продолжать в том же духе не имело смысла – эти люди были готовы во что бы то ни стало заполучить проводника. Бойс понял, что нужно искать другой путь к бегству.

– Хоть за деньги, хоть без денег, – рявкнул он, – тебя, рыжий, я в Керак не поведу! Останешься здесь – или разговор окончен. Очень уж мне не нравится цвет твоей шевелюры.

Глава 9. Бегство по воде

В наступившей тишине раздался негромкий смех молодого человека в кольчуге.

– Разве вы не видите? – сказал он. – Парень пытается устроить ссору. Он вообще не собирается никуда идти!

Несколько мгновений никто не двигался с места. Потом седой откинул мантию назад через плечо.

– Думаю, – спокойно заявил он, – будет лучше, если он умрет.

По залу прошло быстрое движение, и Бойс услышал звук, которого никогда прежде не слышал, – металлический звон, пробежавший по толпе. Это был лязг многих мечей, дружно извлеченных из ножен.

Тени ожили в отражавшемся от клинков свете. Рука Бойса метнулась к поясу, и легкий меч, который дали ему крестоносцы, прыгнул в ладонь. Но меч этот не был магическим. Хорош, остер, прекрасно сбалансирован, вот только сражаться им придется в одиночку, без Танкреда с его волшебной.

Рыжий взревел, и его рука тоже скользнула к поясу. Бич развернулся и взмыл дугой, словно змея, обросшая шипами по всей длине.

– Ну, пес, давай скули, зови хозяина!

Он буквально задышался от ярости. Бич просвистел в воздухе, и Бойс на мгновение представил собственное лицо, рассеченное до кости.

Он отскочил назад, пытаясь нашарить за спиной дверь. Рука нашла ее в тот самый миг, когда бич пронесся так близко от щеки, что Бойс ощутил ветерок, коснувшийся усов.

Дверь была заперта.

Бич с металлическим щелчком ударился о пол у его ног. Рыжий злобно зашипел сквозь зубы, отступил назад и пошире расставил толстые ноги, готовясь ко второй попытке. Позади него сверкнули клинки остальных, готовых наброситься на Бойса, если бич снова не достигнет цели.

Бойс увидел, как молодой человек в кольчуге, держа в каждой руке по кинжалу длиной с короткий меч, идет к нему вокруг стола, двигаясь словно по воздуху. Его фигура казалась такой же гибкой, как и бич рыжего.

Снова просвистел бич. Бойс стоял возле запертой двери, а единственный оставшийся выход загораживал юноша в кольчуге. У Бойса по коже побежали мурашки от ожидания неминуемого рокового взмаха, он понимал, что надеяться не на что. Приключению, начавшемуся в потерянном году, предстоит закончиться в этом зале, под ударами срывающего мясо с костей бича, и разгадка, которую он искал, так и останется найденной.

За секунду до того, как пришел в движение бич, перед мысленным взором Бойса возникла сцена, которую он прежде помнил лишь смутно. Он увидел девушку в короне, стоявшую возле ажурного, как снежинка, хрустального окна. В памяти отчетливо возник ее образ – как она поворачивается и смотрит на него через плечо. Он видел фиолетовый огонь в ее глазах, белозубую улыбку, темно-красные губы – все, даже самые мельчайшие черты ее лица, в котором ощущалась скрытая опасность.

И на этот раз, в миг наивысшего напряжения, в памяти всплыло ее имя. Бойс не знал, проговорил его вслух или нет. Это не имело никакого значения. Ничто сейчас не имело значения – даже тот факт, что он наконец мог произнести это имя.

– Ирата! – в отчаянии страстно прошептал он. – Ирата!

И бич помчался к нему.

В дальней части зала снова прозвучал смех – знакомый смех. А рядом с Бойсом, когда он уже видел летящий прямо ему в глаза конец бича, послышался мягкий и быстрый топот бегущих ног.

Что-то молниеносно пронеслось мимо его лица. Бойс напрягся, готовясь к удару. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: бич не достиг цели. Ошеломленно отступив вправо, он устоялся на противоположную стену, откуда донесся металлический лязг.

На полу перед ним лежали две половины бича. Длинный кинжал, ярко сверкая в свете лампы, зазвенел на каменных плитах и замер. Тот самый кинжал, который промелькнул перед его глазами, разрубив бич.

Повернув голову, он увидел рядом молодого человека в кольчуге, со вторым кинжалом в руке.

– Дай мне этот кинжал, – властно сказал юноша Бойсу. – Я проткну им первого же, кто вздумает пошевелиться.

Бойс машинально нагнулся и поднял клинок, спасший ему жизнь. Не сводя взгляда с толпы, юноша протянул руку. Кинжал, казалось, сам прыгнул ему в ладонь. Затем юноша кивнул головой в шляпе с пером на ближайшую стену.

– Иди первым, – сказал он. – Быстрее! На улицу!

Все еще слишком ошеломленный, чтобы задавать вопросы, Бойс скользнул мимо него вдоль стены к другой двери. Юноша пятился, выставив перед собой клинки. Его гибкая фигура выглядела не менее грозно, чем кинжалы. Бойсу показалось, что парень смеется, хотя и не мог видеть его лица.

Он на миг остановился в дверном проеме и окинул взглядом зал. Кинжалы слегка подрагивали на ярком свету; разъяренные люди злобно наклонились вперед, но никто не осмеливался первым двинуться с места. Их глаза сверкали красным в свете покачивающейся лампы.

Парень громко расхохотался и пнул стол, чтобы опрокинуть его на стоящих позади. Бойс, которому передалось радостное возбуждение юноши, ожил и ударом меча перерубил цепь, удерживавшую лампу.

Та с грохотом обрушилась на падающий стол. С беспорядочным звоном разлетелись музыкальные фишки. Свет резко мигнул и погас, темнота поглотила зал и разъяренные лица.

– Хорошая работа, – рассмеялся за спиной Бойса молодой человек.

Рядом хлопнула дверь, парень крикнул: «Беги сюда!» – и рука, державшая кинжал, подтолкнула Бойса в спину.

Они бежали в кромешной тьме по гулкому коридору. Вдогонку сквозь закрытую дверь летел негодующий рев. Потом Бойс увидел впереди свет и понял, что они направляются к подземному причалу, обочь которого плескалась черная вода. В то же мгновение дверь распахнулась, и крики преследователей зазвучали громче, отдаваясь эхом от стен коридора.

– Там лодка, – сказал спутник. – В конце причала, быстрее!

Они побежали, грохоча по доскам. Кто-то дико завопил позади за спиной, и возле уха Бойса раздался короткий свист. В доску настила перед беглецами вонзилась стрела, дрожа оперением.

Преследователи уже неслись по причалу, темное подземелье наполнилось стуком тяжелых сапог и воплями разъяренных людей. Снова мимо пролетела стрела. Бойс оглянулся.

Первым бежал рыжий, пурпурная мантия развевалась у него за спиной. Он держал обрубок своего бича – довольно внушительное оружие. Остальные топали беспорядочной толпой; мелькали в свете висящих над причалом фонарей клинки.

Бойс снова расслышал в общем гомоне знакомый смех. Будь у него время, он снова попытался бы вспомнить девушку в короне, чье имя теперь знал после долгого забвения. Нет, позже, позже – не сейчас.

Его спутник стоял на коленях в конце причала, отвязывал лодку. Он поднял взгляд на тяжело дышавшего Бойса.

– Быстрее! Мы еще успеем!.. – Взгляд переместился в сторону, и юноша отрывисто предупредил, взвываясь на ноги: – Осторожно! Сзади!

Бойс резко развернулся кругом. Рыжий остановился в нескольких шагах от него и замахнулся бичом. Хоть тот и укоротился, расстояние было слишком малым для промаха. Бойс припал на колено, услышал, как бич свистнул над головой, и ринулся вперед, чтобы со всей силы обрушиться на коренастого противника.

Он ударил рыжего плечом в грудь, услышал болезненный вопль и не удержался на ногах. Все произошло слишком быстро. Пока рыжий катился по причалу, Бойс успел подняться.

Подхватывая меч, оброненный при столкновении, он увидел промелькнувшие мимо ноги спутника в красных сапогах: тот подскочил к упавшему, пнул его в лицо, а следующим точным пинком отправил корчащееся тело в черную воду.

Бойс спустился по короткой лесенке в лодку, едва успев ускользнуть от преследователей. Снова мелькнули красные сапоги и серебристая кольчуга, и парень прыгнул в лодку рядом с ним. Одним ударом Бойс перерубил веревку, удерживавшую лодку у причала.

Тотчас он ощутил резкий рывок, и причал волшебным образом скрылся из виду за кормой. Лодка была маленькая, с низкими бортами и черная, как вода, так что со стороны могло показаться, будто люди просто скользят по подземной реке.

Какая бы сила ни приводила лодку в движение, Бойс не видел ее источника. Ни звук, ни вибрация не говорили о присутствии мотора. Бойс предположил, что здесь работает некий неизвестный закон науки, которую описывал Танкред, – науки столь чуждой для человека, что ее с тем же успехом можно называть магией.

Еще несколько стрел отправилось вдогонку за лодкой, но все они упали в воду. Вскоре скрылись из виду фонари, движение продолжалось в полной темноте и тишине.

Чувствуя слабость во всем теле и изрядную растерянность из-за случившегося, Бойс откинулся назад и тяжело вздохнул.

– Ладно, – сказал он, – что дальше?

На фоне слабо мерцающей воды он видел смутные контуры шляпы, головы и плеч молодого человека, который непонятно как правил лодкой. Тот тихо рассмеялся в темноте. И этот смех не внушал оптимизма.

– Погоди, увидишь, – сказал юноша.

Глава 10. Она – но не та

Впереди забрезжил дневной свет – серые полусумерки, постоянно висевшие над этой перемещающейся землей. Лодка всплыла под арку, и у Бойса перехватило дыхание при виде круглой многоэтажной башни со стенами, выложенными сверкающим хрусталем. Башня возвышалась в самом центре похожего на широкий ров озера.

Внутри Бойсу удалось различить туманные очертания движущихся фигур, подобных теням на хрустальных стенах. Стеклобашня, подумал он. На Гийоме был стеклянный ошейник. Есть ли между ними какая-то связь, или просто Город широко использует стекло в качестве строительного материала и магического средства? Он вспомнил, что и сам попал в этот удивительный мир сквозь хрустальную стену.

Лодка быстро пересекла серое водное пространство среди облаков тумана, и в основании башни открылась низкая дверь.

– Ну вот мы и дома, – сказал юноша в кольчуге и наклонил голову, пока лодка заплывала в проем.

Бойс тоже пригнулся. Они оказались в помещении с прозрачными стенами, и по широким ступеням к ним спустился человек в коричневой рубахе и ошейнике, чтобы причалить лодку.

– Идем, – сказал парень, взбегая по ступеням.

Его красные сапоги быстро мелькали под тяжелой кольчугой.

Бойс последовал за ним, но лишь до окружавшего озеро помоста, после чего схватился за меч и огляделся в поисках ближайшего выхода.

– Не сразу, – мрачно проговорил он. – Я слишком мало о тебе знаю. Давай-ка разберемся, что к чему, прежде чем...

– Мне показалось, – прервал его юноша, остановившись, – или я в самом деле слышал, как ты звал Ирату?

Бойс пристально посмотрел в глаза, внимательно наблюдавшие за ним из-под полей шляпы, и загнал меч в ножны.

– Иди, – сказал он. – Я за тобой.

Тихо рассмеявшись, парень повернулся и начал подниматься по просвечивающему хрустальному винтовому пандусу. Башня изнутри оказалась прозрачной, и Бойс видел внизу весь Город, с его узкими улицами, вновь заполненными разноцветной толпой.

Ближе к центру Города над крышами домов возвышалось черное каменное здание. Юноша, шедший впереди Бойса, махнул рукой в ту сторону:

– Король.

Бойс удивленно поднял брови. Негритянка, которая его сюда привела, рассказывала, что таинственные существа пришли в Город по зову короля. От ворот по извилистым улицам мрачная процессия продвигалась к этому высокому черному зданию, где гостей ждал некто, не боящийся их, – в то время как сам король, поговаривают, страшится смотреть им в лицо. И здесь ходят слухи, что их появление предвещает победу над Кераком.

Пандус закончился, и Бойс с юношей оказались в комнате, три стены которой были украшены изображениями птиц и цветов на фоне голубого неба. Бойс удивленно посмотрел на спутника.

– Голубое небо? – спросил он. – Птицы, цветы, голубое небо? Здесь, в Городе?

Молодой человек отошел в дальний угол, расстегивая пояс с мечом. Бойс рассмотрел комнату. Четвертая стена была стеклянной, и за ней открывалась широкая панорама улиц и подернутых дымкой гор, за которыми проглядывали башни Керака и развевающийся над ними

колдовской стяг. На стенах висели тяжелые портьеры, пол был устлан мягкими коврами и бархатными подушками. Комната утопала в роскоши.

Но Бойс этого почти не замечал. Его взгляд был прикован к нарисованному голубому небу, которого, как он знал, никто никогда не видел в этом медленно ползущем куда-то мире, где не бывало настоящего дня.

– Что ты знаешь о небе? – спросил он, поворачиваясь к продолжавшему молчать спутнику.

Тот наклонился и положил шляпу с пером на пол, все так же стоя к Бойсу спиной.

– То же, что и ты, Уильям Бойс.

У Бойса на миг перехватило дыхание.

– Кто... кто ты? Откуда знаешь мое имя?

Не поворачиваясь к нему, юноша поднял руки, щелкнул застежками на плечах кольчуги, и та упала к его ногам. Под ней оказались узкие штаны и обтягивающая красная рубаха, такого же цвета, как и сапоги. Он тряхнул черными кудрями, и те рассыпались по плечам.

Юноша рассмеялся и повернулся к Бойсу:

– Теперь вспомнил?

Комната завертелась вокруг Бойса. В глазах у него потемнело. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова – только смотрел и смотрел, не в силах пошевелиться.

Ни длинного платья, которое он помнил, ни железной короны. Но глаза цвета жаркого пламени – те же, и та же белозубая улыбка. И точно так же во всем ее облике чувствуется нечто зловещее.

– Ирата! – прошептал он.

– Да, – тихо ответила она. – Я знала, что ты в конце концов вспомнишь.

Она медленно подошла слегка покачивающейся походкой, которую он так и не смог забыть, положила руки ему на плечи и откинула назад голову.

Еще до того, как прикоснулся к ней, он знал, каким сильным и податливым будет ее тело в его руках. За мгновение до поцелуя он знал, как нежны окажутся ее карминные губы. Даже пряный запах этой женщины был ему знаком. Он не помнил всего до конца, но теперь знал, что обнимал ее много раз в течение того потерянного года.

– Значит, ты все вспомнил?

Они сидели на кушетке у окна, смотрели на гигантскую панораму Города и окружавших его гор. Бойс провел ладонью по ее спине, и ароматные черные волосы коснулись его плеча.

Он ответил не сразу.

– Нет. Далеко не все. Но хочу знать все, Ирата.

Бойс поколебался, прежде чем назвать ее по имени. Он не был уверен в том, что мучившая его загадка наконец разрешилась, и сомневался в этой девушке, о которой знал так мало.

Он думал о том, как она метала ножи в игорном зале, как дважды ударила врага ногой в лицо, прежде чем сбросить его в воду, где тот наверняка утонул. Сейчас он ощущал тепло и аромат ее тела в своих объятиях, но все же помнил ее не вполне такой. Бойс не был уверен в том, что именно он помнил – но казалось, он знает, чего именно не помнит.

Что-то не так...

– Ты любил меня в своем мире, милый, – промурлыкала она у его щеки. – Ты любил меня так сильно, что... что, видимо, готов был отправиться за мной сюда. Неужели забыл тот год, что мы провели вместе на Земле?

Она насмеялась над ним. Она прекрасно знала, что он все забыл, потому что это было делом ее рук. Он закрыл глаза и напряг память, намереваясь доказать ей на этот раз, что она лжет.

Медленно и болезненно, в виде смутных обрывков и ярких живых картин, к нему начали возвращаться воспоминания.

– Был дом, – осторожно сказал он. – На реке. Это был твой дом. Большой и тихий. Никого вокруг, только... слуги? Один или двое... – Он внезапно вспомнил смуглого человека, который принял лодку внизу. – Это были люди отсюда! – удивленно закончил он.

– Конечно, почему бы и нет? Из моего родного Города. – Она лукаво улыбнулась. – Продолжай. Твоя память лучше, чем я думала. Продолжай – если осмелишься!

Он поколебался. Да, где-то в глубинах его разума таилось нечто пугающее – нечто такое, о чем она знала, и хотела, чтобы он вспомнил. Вспомнить он не мог. Но можно было продолжить. Хотя бы чуть-чуть...

– Я встретил тебя... где-то, – сказал он, пытаясь собрать воедино отрывочные воспоминания. – Это было... не помню. Где-то, случайно...

Его заставил прерваться ее смех – недобрый, язвительный.

– Думаешь, случайно? О нет, вовсе не случайно, мой милый! Я очень долго искала тебя – или подобного тебе. Того, в чьих жилах течет кровь крестоносцев.

Он повернулся, и впился взглядом в ее глаза, и увидел в них откровенную издевку.

– Но это же неправда! При чем тут я?

Он замолчал. Гийом дю Буа, Уильям Бойс. Одно и то же лицо и имя.

– Но почему? – спросил он.

Она по-кошачьи потерлась щекой о его плечо.

– Была задача, которую я должна была выполнить. Она есть и сейчас.

На мгновение Бойсу показалось, что в ее вздохе прозвучали усталость и искреннее чувство.

– Я побывала во многих мирах, искала среди многих мужчин и женщин, чтобы выполнить задачу до конца. Надеюсь, ты поможешь мне, милый. Надеюсь, я наконец нашла нужного человека.

Он не ответил. В его мозгу быстро всплывали обрывки воспоминаний, складывались, как в калейдоскопе, в картины. Некоторые картины содержали в себе смысл, другие оказывались полной чушью.

Да, он где-то встретил эту девушку. Теперь он это знал. И, судя по всему, мгновенно и беспричинно в нее влюбился. Сейчас он кое-что вспомнил, как это было, держа ее в объятиях – теплую, восхитительно пахнущую. Но что-то не так. Девушка не совсем та же самая.

В том году у него не возникало никаких вопросов. Безрассудная страсть, навязчивая идея – будто на него наложили заклятие, заставлявшее следовать за ней повсюду, куда бы она ни шла. А она шла к своему большому, тихому, никому не известному дому на Ист-Ривер. И там вместе с Бойсом и слугами она очень долго чем-то занималась.

Чем? Этого он не знал даже тогда. В его памяти зияли громадные провалы – вероятно, созданные нарочно, чтобы сохранить ее задачу в тайне. Но если она выбрала Бойса потому, что он похож на Гийома, то ее задача должна быть как-то связана с Кераком и уничтожением крестоносцев.

Но почему? Слишком уж тривиальным казался этот замысел, чтобы простирается столь далеко во времени и пространстве и требовать столь невероятных усилий...

И наконец медленно и осторожно в его сознании всплыло то, о чем страшно было вспоминать, то, что на целый год запечатало его память. Подобно тому, как рубцовая ткань защищает глубокую рану.

Нечто, касающееся *их*...

Мрачная процессия, идущая со стороны реки в мерцании крошечных огоньков и под звон колокольчиков, – и жгучее дыхание холода, предупреждающее всех, чтобы держались подальше.

Бойс помнил, как смотрел на них с верхнего этажа, не веря глазам, не в силах пошевелиться от отвращения, – а *они* шли прямо к нему, двуногие, как люди, хотя не были людьми и не могли ими быть.

Девушка повернула голову и многозначительно, зловеще улыбнулась Бойсу.

– Я тебя предупреждала, – сказала она. – Еще тогда предупреждала. Тебе не следовало оставаться там так долго. И мне пришлось сделать все, что в моих силах, чтобы ты обо всем забыл. – Она негромко рассмеялась – так же, как смеялась, избивая на причале лежащего рыжеволосого мужчину. – И ведь получилось! – весело заявила она.

Внезапно Бойс понял, что именно не так. И понял столь внезапно, что его тело пришло в движение еще до того, как сформировалась мысль. В следующий миг он уже стоял лицом к кушетке, сбросив голову Ираты со своего плеча и отскочив назад, словно прикосновение к ней было для него омерзительно.

– Это была не ты, – хрипло проговорил он. – Теперь я знаю: это была другая, не ты!

Судорожно дернулись изящные губы, в глазах вспыхнул фиолетовый огонь, прекрасное лицо исказилось в злобной гримасе.

– Это была я, я!

Ее голос был полон ярости, страсти – и горечи, которую он не мог понять. Но больше всего было дикой злобы, которая не могла присниться даже в кошмарном сне.

– Нет! – воскликнул Бойс.

Она вдруг стремительно наклонилась и выхватила что-то из-за высокого красного голенища.

Бойс попытался уклониться, но девушка двигалась слишком быстро. Она выпрямилась и замахнулась, и он увидел нечто черное, летящее прямо ему в лицо. Эта вещь быстро увеличивалась в размерах, и вот уже она заслонила собой всю комнату...

Но удара он не почувствовал.

Бойс куда-то плыл в забвении, словно облако над землей...

Сильная пульсирующая боль заставила его очнуться. Он застонал и пошевелился. Дышать было больно. Открыв глаза, Бойс огляделся. За высоким окном виднелась все та же фантастическая панорама, Город по-прежнему был освещен разноцветными фонарями, которые качивались на ветру над узкими мокрыми улицами.

Он попытался встать, но не смог. Постепенно сознание возвращалось. Он лежал на полу возле кушетки. Запястья и лодыжки были связаны впившейся в кожу веревкой, – должно быть, Ирата затягивала ее изо всех сил. Голова болела, лицо пекло, словно его щедро осыпали щепинами. А еще, похоже, Бойс получил несколько крепких пинков по ребрам, судя по острой боли, которой сопровождался каждый вздох.

Он не знал, долго ли пролежал, – определить это было невозможно, если в Городе вообще существовало такое понятие, как время. Нужно было действовать. Годфри в плену, он надеется на помощь из Керака. И необходимо сделать кое-что еще; что именно – Бойс вспомнит, когда перестанет кружиться голова.

Что произошло? Конечно, он разозлил Ирату – нанес ей болезненный удар, судя по ярости в ее голосе.

И все же это не она.

Лежа на полу, он на несколько мгновений забыл о более важных проблемах, вновь пытаясь разгадать тайну: кто же та девушка в короне, которую он столь отчетливо помнил. Имя, лицо – да, те же. Но пылающая ярость во взгляде, люта злоба в голосе... Нет, не может быть...

Он снова пошевелился и тихо прошептал:

– Ирата...

По полу едва слышно прошлепали босые ноги, и над Бойсом склонилось коричневое лицо, сперва показавшееся незнакомым.

– Господин? – послышался шепот. – Господин, ты узнаешь меня?

Это была босая негрityянка с тяжелыми золотыми браслетами на запястьях и лодыжках, с золотым ошейником. Та самая девушка, что провела его из храма Наина к заговорщикам. Сейчас не время было гадать, почему среди них оказалась Ирата в мужской одежде.

– Господин, – снова прошептала девушка, пугливо обшаривая взглядом углы в поисках... Ираты?

Была ли она служанкой самой Ираты и был ли страх в ее глазах настоящим? Бойс уже не мог доверять никому в Городе.

– Господин, я все время следовала за тобой, – прошептала негрityянка. – Я хочу спросить тебя, господин. Ты человек Джамае?

У Бойса раскалывалась голова. Он ничего не знал о Джамае, кроме имени и угрозы, которую тот представлял. Бойс устал от всех этих интриг, о которых так мало знал, и не испытывал сильных чувств ни к кому в Городе, кроме одного человека.

– Я сам по себе, – сердито ответил он. – Но если Джамай против Ираты, я не прочь с ним познакомиться. Ты это хотела услышать?

Она ответила с белозубой улыбкой:

– Спасибо, господин.

Коричневое лицо на мгновение исчезло, и Бойс почувствовал, как его осторожно переворачивают на живот, и ощутил прикосновение холодного лезвия к запястьям, и испытал ни с чем не сравнимое облегчение, избавившись от пут.

– Сейчас будет немного больно, господин, – предупредила негрityянка, взяась с его лодыжками. – Когда боль отпустит, мы сможем идти.

Он потер запястья.

– Куда?

– Если боги помогут нам и мы выберемся из башни живыми, – она в страхе закатила глаза, – мы пойдем к тому, кто для Джамае смертельный враг.

– И для Ираты?

Она потупила взгляд.

– Нужно спешить, – сказала она. – Лучше не разговаривать, пока не выберемся из этого дома.

Бойс пожал плечами. Кровообращение в руках и ногах восстанавливалось, боль в боку утихала, он был готов идти. С Иратой можно разобраться и позже, и он пообещал себе, что обязательно это сделает.

Негрityянка откинула портьеру и поманила его за собой. В стене была решетка, а за ней тонувшая в темноте винтовая лестница. Хромая, Бойс последовал за негрityянкой во мрак.

Глава 11. Снова Охотник

Негритянка остановилась перед высокой овальной дверью, отливавшей серебром в свете ее фонарика.

– Дальше этой двери я идти не смею, – честно сказала женщина. – Но тебе придется, если хочешь низвергнуть Джамая.

– Кто тебя послал? – спросил Бойс тоже шепотом.

Они проделали долгий путь по извилистым подземным коридорам, поднявшись на поверхность лишь дважды, чтобы пройти небольшое расстояние по переулку и пересечь освещенную улицу. Вокруг кипела пестрая городская жизнь. Если даже Ирата и заметила отсутствие Бойса, ничто не говорило о том, что она ищет беглеца. Однако его могли искать заговорщики, от которых она помогла ему скрыться.

Гадать не имело смысла. Бойс следовал за негритянкой по замысловатым ходам, поскольку это давало ему хоть какой-то шанс. Он знал, что в одиночку в этом непостижимом Городе ничего не добьется. Объединившись с врагом Джамая, кем бы тот ни был, он мог хотя бы рассчитывать на удачу.

– Кто меня послал? – переспросила девушка, подняв фонарь и взглядевшись в лицо спутника в темном коридоре. – Мой хозяин ответит на этот вопрос, господин. Сейчас ты пойдешь к нему. Но он любит пошутить, господин. Тебе придется проделать остаток пути одному, а я не посмею войти в эту дверь.

Она распахнула дверь и отступила:

– Мой хозяин ждет тебя в конце коридора, господин.

Бойс осторожно пошел вперед. Коридор, как и дверь, был серебристым, с отполированными до зеркального блеска стенами, полом и потолком. Над головой висели лампочки, слегка покачиваясь на сквозняке из дверного проема. Это город ламп, подумал Бойс. Город фонарей, стекла и мокрых улиц, погруженный в туман среди бесконечных сумерек.

Дверь затворилась. Бойс смело двинулся по коридору к портьерам в его дальнем конце. Его собственные отражения двигались вместе с ним, искаженные наверху и внизу. Подняв голову, Бойс увидел себя, гротескно укороченного, плывущего вниз головой. Опустив глаза, он обнаружил фантастического карлика в незнакомой одежде, с крестом на груди и висячими усами. Бесчисленные отражения в зеркалах вызвали приступ тошноты.

Он был не один.

Кто-то шагал сзади, почти по пятам, и его дыхание коснулось щеки Бойса, когда тот обернулся. Но этот некто был прозрачен, как воздух. Бойс видел лишь мириады собственных отражений. Он пошел дальше.

Впереди слышались мягкие шаги и металлический лязг, словно из ножен вытащили клинок. Раздался приглушенный смех, и кто-то пробежал мимо Бойса, оставив после себя лишь удаляющийся топот ног и взвихрение воздуха.

Что-то свистнуло рядом с лицом Бойса, словно меч.

В тревоге оглядевшись по сторонам, он встретил свой собственный взгляд, многократно отраженный в зеркалах, – и больше ничего. Но чем бы ни было это нечто, оно его даже не коснулось. Бойс вспомнил слова служанки: «Он любит пошутить» – и мрачно улыбнулся.

«Я ему нужен живым, иначе он без труда бы меня здесь прикончил, – подумал Бойс. – Если это проверка моих нервов – что ж, пусть играет в свои игры, кем бы он ни был».

Он невозмутимо двинулся дальше, не обращая внимания на шаги вокруг, на чье-то дыхание, на поступь мягких ног – или звериных лап? До портьера в конце коридора было еще далеко, но Бойс не мог позволить себе спешку. В нем росла уверенность, и он уже как будто догадывался, чем вызвано его появление здесь.

Портьеры раздвинулись от его прикосновения. Он вошел в зал с низким потолком, где стены были из расшитой узорами ткани, где над головой простирался полосатый навес, подрагивавший на ветру. Как и везде, сверху свисали лампы. В дальнем конце зала на помосте стоял низкий диван. Но в помещении не было никого.

Бойс раздраженно огляделся. Прежде чем он успел сделать шаг, за его спиной раздался смех. Бойс повернулся, наконец узнав этот смех – низкий, с примесью не то рыка, не то ворчания. В последний раз он слышал его в драчливой компании заговорщиков, среди которых оказалась Ирата.

Портьеры, через которые Бойс только что вошел, снова раздвинулись. На мгновение показалось, что за ними никого нет, – только пустой коридор, отражавшийся в собственных стенах и полу.

Затем портьеры опустились, и в зал шагнул человек в тигриной шкуре, посмеиваясь и с трудом удерживая сворку, с которой рвались два рычащих зверя, похожие на больших кошек.

– Уильям дю Бойс, – сказал Охотник, – добро пожаловать в мой дворец. Мы и так слишком долго откладывали нашу встречу.

Бойс хмуро уставился на него, не говоря ни слова. Охотник успокоил зверей и не спеша направился к помосту, где опустился на диван и улыбнулся гостю.

– Прости за шуточку в коридоре, – сказал он. – Конечно же, тебе ничто не угрожало.

Бойс повернулся к Охотнику, чувствуя, что вновь обретает свойственную Гийому самоуверенность.

– Я в этом не сомневался. Настоящая опасность мне угрожает с того момента, как я покинул Керак, а ты наверняка хочешь от меня что-то получить – даже не догадываюсь, что именно. Впрочем, я и так уже пережил немало опасностей. И вряд ли это было случайно.

Охотник улыбнулся:

– Разумные слова. И ты знаешь почему?

– В смысле, почему мне ничто не угрожало? Почему все сработало именно так, как ты и рассчитывал? Думаю, что знаю. Наверняка ты приложил к этому руку.

Улыбка на лице Охотника под полосатой шапкой на мгновение исчезла, и Бойсу показалось, что он уже видел подобное выражение на лице Ираты, когда она кричала «Нет!» в той башне.

– Что обо мне говорят в Кераке? – вдруг спросил Охотник.

– Говорят, ты как туман над равниной – летишь туда, куда дует ветер. Но мне кажется, – Бойс посмотрел собеседнику в глаза, – ты и сам знаешь, что говорят в Кераке, Охотник.

Тот недовольно поморщился:

– Выходит, ты уже понял.

– Я понял, что ни разу не был... скажем так, один – с того дня, как впервые увидел тебя на обрыве, там, где я вошел в этот мир.

У Охотника вмиг изменилось настроение, он запрокинул голову и рассмеялся.

– Не будем спорить. Да, это был я. И я защищал тебя здесь, в Городе, почти постоянно. Да, мне действительно кое-что от тебя нужно, Уильям Бойс. Ты можешь оплатить за мою заботу, если сможешь мне... – он сделал паузу, – уничтожить Пифию в Кераке.

Взгляд Бойса стал ледяным.

– Я ничем тебе не обязан.

– Ты многим мне обязан. – Голос Охотника понизился, в нем появился глухой рокот. – И сделаешь то, о чем я тебя попрошу, друг мой. Или тебе сначала нужно увидеть, как был наказан Годфри Морель?

– Он-то мне и нужен.

– Ты слишком хладнокровен, Уильям Бойс. Думаешь, если невредимым прошел через Город, то можешь бросить вызов Охотнику? Помни, лишь благодаря мне ты все еще жив. Пре-

дупреждаю, тебе со мной не справиться. А Годфри Мореля ты увидишь – и даже сможешь к нему присоединиться, если захочешь.

Он слегка приподнялся, и звери на поводках рванулись вперед, с рычанием скаля страшные зубы. Охотник шлепнул каждого по загривку свободной рукой и снова сел.

– Нет, погоди. Ты слишком много не знаешь. Если я открою всю правду, думаю, ты сам захочешь помочь. Ты слишком часто обманывался, доверяясь другим. Например, Ирате, – должно быть, она кое-что тебе рассказала.

– Да, кое-что, – осторожно ответил Бойс.

Он заметил, что по лицу Охотника, когда тот произнес имя Ираты, пробежала странная тень, и ему вдруг показалось, что он отчасти разгадал тайну этого человека. Если упоминание об Ирате вызывает столь мрачный, тоскующий, болезненный взгляд не только у него самого, значит у них с Охотником есть нечто общее.

– Ты знал ее в своем мире, – сказал Охотник. – Там помог ей в некоем важном деле. Она оставила тебе талисман – холодный кристалл, который открывает путь сюда. Ты им воспользовался, подозреваю, отчасти случайно, и вышел через разбитое окно на обрыв. Я увидел из моей башни магическую вспышку и добрался до обрыва как раз к тому моменту, когда ты очнулся.

Охотник помолчал, странно глядя на Бойса.

– Тогда я собирался тебя убить, – признался он.

Бойс вдруг узнал это выражение глаз. Ревность. Да, Охотник тоже любит Ирату, а потому ненавидит ее. И себя ненавидит, и Бойса, поскольку тот провел с ней год на Земле.

– Я был готов убить тебя на месте, – тихо проговорил он. – Но не было уверенности, что ты явился сюда не по зову Ираты, – пока ты не ответил на мой сигнал. А потом... Что ж, мое настроение меняется быстро, Уильям Бойс. Я потакаю собственным прихотям.

Я отпустил тебя, поскольку у меня появилась идея получше. Отпустил и погнал в сторону Керака. Я знал, что готовится нападение на замок, – в последнее время Джамай удвоил усилия, поскольку его утомила борьба и ему не терпится ее завершить.

«Он и так умрет в Кераке, коль скоро нападение удастся, – подумал я тогда. – Пусть умрет. Но если атака будет отбита – пусть живет. Он станет моими глазами и мозгом; он поможет узнать тайны Танкрета». Все потому, что при тебе был талисман, а я обладаю такой же властью над этим кристаллом, как и Ирата. Ведь это я сделал его для нее – давно, когда она была... не такой, как сейчас.

И снова черты Охотника исказила болезненная гримаса.

– Видимо, она оставила тебе эту вещь, чтобы призвать к себе, когда она будет готова, но ты, похоже, пришел слишком рано. Или я слишком рано тебя увидел. К тому времени, когда она узнала, что ты здесь, я уже проник с помощью талисмана в твой разум и места для нее там не осталось.

Охотник рассмеялся.

– Она пришла в ярость, проведая об этом. Она... Но ведь ты не знаешь тайну Ираты, правда же, Уильям Бойс? Ты не понимаешь, почему помнишь ее прекрасной и желанной и почему теперь она... не она. Что ж, думаю, тебе стоит это узнать. Или еще лучше – увидеть!

Охотник лениво поднялся, взяв сворку с рычащими питомцами, и направился влево от помоста. Он потянул шнурок, висевший между темными занавесками, и те разошлись, открыв стену из зеркального стекла, за которым клубился серо-голубой туман, словно это было выходящее на равнину окно.

– У Танкрета тоже есть такое зеркало, – небрежно сказал Охотник, – но поменьше. Теперь смотри.

Туман рассеялся, и за стеклом возникли яркие и четкие очертания, словно прозрачная стена отделяла покои Охотника от гигантского зала, по обеим сторонам которого высились колонны, отражаясь в блестящем черном полу.

Колонны уходили к большому трону в дальнем конце зала – черному, с алой драпировкой. На троне сидел человек в сверкающей короне – немолодой, в желтой атласной мантии. Напряженно подавшись вперед и оглаживая темную бороду, он смотрел прямо на Бойса.

Тот зажмурился и резко повернулся спиной к зеркалу. Его трясло, на лбу проступил холодный пот.

Охотник негромко засмеялся:

– Да, я знаю. На них тяжело смотреть. Но если можешь – смотри, друг мой. Они носят мантии, так что не обязательно глядеть им в лицо. И то, что они делают, крайне важно для моего рассказа – и для тебя.

Глава 12. Средство от колдовства

Медленно, на негнущихся ногах, Бойс снова повернулся к зеркалу. Он не мог прямо смотреть на них, но, собрав волю в кулак, сумел унять дрожь и увидеть, что происходит в зале за зеркалом.

Их было только двое – высокие фигуры в мантиях, с лицами, полностью скрытыми капюшоном, двигались с удивительной гибкостью. Отчего-то их облик вызывал желание заскрежетать зубами. Они шли – или скользили – над сверкающим каменным кругом, выложенным на черном полу перед тронном, время от времени делая какие-то ритуальные жесты.

– Король Города Колдунов, – сказал Охотник, – жаждет власти. Он обожает власть и знания, копит их с алчностью скупца. Как в других мирах ведут по морям корабли, так он ведет Город по движущимся землям – в поисках новых мест, новых людей, новых источников силы, новых сокровищ.

В молодости он нашел истинное сокровище – прекрасную светловолосую женщину в иноземной одежде, с вышитым на груди крестом. Она пришла из замка, построенного высоко в горах, мимо которых тогда проплывал Город. Королю она понравилась, и он взял ее к себе.

Ты знаешь эту историю. Красавица родила ему дочь, после чего умерла. Король любил девочку, но причинил ей немало зла. Он даже не догадывался, как сделанное им отразится на ней, и на нем самом, и на многих людях, о которых он еще даже не слышал. Его дочь была прелестна, к тому же умна и всесторонне образованна. Когда королю в руки попал источник силы и знаний, перед которым меркло все, чем он владел раньше, он решил поделиться находкой с дочерью.

Проблема заключалась лишь в одном. Те, кто узнал, чем он хочет поделиться, настолько чужды людям, что человеческие глаза не в состоянии на них смотреть. Они живут в другом городе, плывущем по этой земле, но очень далеко отсюда.

Их соотечественники, путешествуя, случайно оказались в Городе, и их появление привело короля в восторг – но у него не было никакой возможности с ними общаться. Более того, он даже не мог смотреть им в лицо или слушать их голоса. Тем не менее для него была невыносима мысль о полном отказе от торговли с ними.

Они рассказали королю о единственно возможном способе общения. Это очень старый способ, имеющийся почти у всех народов и упомянутый в древних легендах. Имелось в виду жертвоприношение.

Юная девушка подвергнется воздействию колдовства и станет средством связи между двумя народами. Человеческий разум, по их словам, слишком сложен и неупорядочен, чтобы контактировать с их разумом. Магия чужаков изменит мозг девушки. Но они не сказали, каким образом изменит и на что еще она способна.

Король выбрал на роль жертвы свою дочь. Возможность получить новые знания значила для него куда больше, чем эта девушка; с другой стороны, лишь ей одной он мог полностью доверять. А для колдунов, полагаю, это родство не имело никакого значения – годился любой посредник для передачи знаний королю.

Это случилось без моего ведома. Я очень любил дочь короля. Знай я о его решении, наверняка бы вмешался. Но я ни о чем не догадывался, пока не стало слишком поздно...

Охотник повернулся спиной к зеркалу и стал успокаивать своих зверей, склонившись над ними, – словно не желал вновь увидеть эту сцену.

– Смотри, – сказал он.

Колдуны мягко ступали вдоль круга из светящихся камней. В центре круга теперь стоял человек в мантии, с закрытым вуалью лицом, и король наклонился вперед. Его лицо напряглось, исказилось в страдальческой гримасе.

Из камней вверх ударило пламя, заключив человека в пирамиду белого сияния. А когда оно погасло, вуали уже не было. Девушка смотрела прямо перед собой невидящими глазами, отсвечивавшими фиолетовым под железной короной. Черные вьющиеся волосы падали на плечи.

Ее красота, так хорошо знакомая Бойсу, заставила его наклониться вперед и затаить дыхание, забыв о существах, которые вышагивали вокруг огня, совершая змеиные пассы.

– Ирата... – услышал он собственный шепот.

Вновь взмыло к потолку пламя, объяв стройную девичью фигуру. Ее очертания замерцали и расплылись перед глазами Бойса, а потом она разделилась надвое.

Пламя погасло. Теперь на светящихся плитах стояли двое, но это продолжалось лишь мгновение. Ирата плавным движением подобрала полы мантии и вышла из круга. В ее глазах плясали фиолетовые отблески, а лицо стало еще красивее. Но теперь в его выражении читалась опасность.

Опасность и необузданное веселье.

Позади нее неподвижно стояла девушка. Нет, не девушка – мраморная фигура с падающими на мраморные плечи мраморными волосами, в мраморном платье до пола. Со сложенными на груди руками и закрытыми глазами, Пифия из Керака материализовалась в огненной пирамиде, а Ирата уходила прочь от того, что осталось от ее прежнего «я».

У изваяния было лицо Ираты – но без единой искорки жизни. Бойс понял, почему не узнал это лицо в Кераке, – помешало его нечеловеческое спокойствие, отсутствие каких бы то ни было чувств. К тому же тогда его воспоминания были слишком обрывочны; он еще не успел вспомнить ни ее внешности, ни имени.

– Я любил ее до... перемены, – тихо сказал Охотник, поглаживая по голове ворчащего зверя. – Как я мог перестать любить ее после? Но в ее доброй половине, той, что достойна любви, не осталось ничего живого. А значит, у меня нет никого, кроме той Ираты, что превратилась в воплощенное зло.

Внезапно он ударил зверя по морде. Тот с кошачьей ловкостью извернулся и сомкнул клыки на его запястье. Охотник рассмеялся и оттолкнул зверя.

– Итак, добрая, безгрешная половина отделилась от злой половины, слишком многое знавшей о магии. Ирате очень хотелось уничтожить мраморное изваяние. Должно быть, один его вид сводил ее с ума. Ведь она уже не настоящая Ирата, и для нее было невыносимо понимание собственной неполноты, о которой постоянно напоминала мраморная фигура.

Колдунов это нисколько не интересовало. Они получили желаемое, и рассчитывать на их помощь было уже бесполезно. И тогда Ирата выгнала мраморную девушку из Города, надеясь, что сможет навсегда о ней забыть.

Одним богам известно, какие мысли бродят в этом неподвижном каменном мозге. Но некие воспоминания о родном народе привели Пифию в Керак, и жители замка ее приняли. Затем Ирата отправила в замок огненную клетку, чтобы держать в ней мраморную пленницу. Ирата надеялась, что Город уплывет прочь и избавит ее навсегда от ее второй половины.

Но все оказалось не так просто. Раздел был не абсолютен. Осталась связь, настолько сильная, что, пока она существует между Кераком и Городом, половины не могут разойтись. Естественно, это означает, что Ирате необходимо победить Пифию из Керака, но она не знает, как это сделать. На поиски ответа уже потратила годы.

Сейчас ей известно очень многое, гораздо больше, чем мне. Думаю, она уже нашла способ одолеть свою вторую половину. Но и Пифия знает не меньше. А Танкред, маг Керака, в некоторых отношениях превосходит даже Ирату. И потому Ирата никак не могла проникнуть в Керак – пока не нашла тебя.

Бойс вдруг прервал неторопливое повествование, которое, казалось, разворачивало перед ним прошлое.

– Ты лжешь, – заявил он с надменностью Гийома. – Я тоже ее знал.

Он поколебался, но все же не сказал: «Я тоже ее любил». Это касается только его и настоящей Ираты – если им когда-либо суждено снова встретиться. Но прежде они точно встречались – Бойс в этом не сомневался, – и тогда она была целостной личностью.

– Мне это известно. – Охотник смотрел на него из-под полосатого капюшона, и взгляд был полон ненависти и ревности, но голос оставался спокоен. – Как и я, ты знал ее, когда она была собой. Видишь ли, иногда огненная клетка не удерживает Пифию в Кераке. И сейчас как раз такой момент, Бойс.

Темные глаза смотрели угрюмо.

– Ты выслушал меня, Уильям Бойс, поскольку я располагаю нужными тебе сведениями. Но как считаешь, почему я стал тратить на это время?

Бойс колебался. И прежде чем успел хоть что-то сказать, он уловил перемену – на лице Охотника отразилось торжество. Как будто яркая молния мелькнула в сером осеннем небе.

И тут Бойс понял свою ошибку. Накатила острая жалость к себе, каким-то образом угодившему в ловушку, – а миг спустя стены вокруг завертелись, пол ушел из-под ног, и Бойс провалился в ревущую бездну.

Его окружал сплошной туман. Чужой разум, чужая сила использовали его, как человек использует машину. Тело, глаза, мысли – все это больше ему не принадлежало. Он сжался в комок, попытался замкнуться внутри себя, как в крепости, в которую никто посторонний не сможет проникнуть.

Потом чудовищная клаустрофобия ослабла. И прошла.

Бойс снова стоял перед смеющимся Охотником.

Он попытался что-то сказать, но с губ сорвался лишь неразборчивый хрип. Глаза Охотника злорадно блеснули.

– Что, тяжело ворочать языком, Бойс? – с издевкой спросил он. – Это сейчас пройдет. Когда разум оказывается вне тела, назад не так-то легко вернуться.

Бойс исподлобья посмотрел на него, испытывая лютую злость к этому колдуну, способному использовать его как угодно. Точно перчатку, которую в любой момент можно надеть или снять.

Он заметил, как к конечностям возвращается тепло, хотя до этого момента вовсе не ощущал холода.

– Ты...

– Говори же! Я обязан тебе, Бойс. По крайней мере, честным ответом.

– Что ты заставил меня делать?

Охотник посерьезнел, в его глазах мелькнула искорка безумия.

– Ты оказал мне услугу. Но не тело твое потрудилось, а скорее разум или, возможно, душа. Мгновение назад я послал твой разум в Керак. Ты забыл мои слова? Сейчас один из тех недолгих периодов, когда Пифия не внутри своей огненной клетки.

– Что ты сделал?

– Воспользовался тобой, чтобы призвать Пифию сюда. Когда нет клетки, она может идти куда захочет, но магические узы действуют постоянно. Она идет в Город. Потому что ты, Бойс, позвал ее.

– Почему она должна явиться на мой зов? – хрипло спросил Бойс.

– Разве женщина не придет на зов любимого? На зов мужа?

Слова Охотника звучали резко и отчетливо, как скрежет извлекаемого из ножен меча. Лицо не выражало ничего, кроме жгучей ревности.

– Любимого? Мужа? Но ведь это Ирата пришла на Землю...

– Я подарю тебе смерть, если пожелаешь, – спокойно произнес Охотник. – Так будет лучше всего. Возможно, в смерти ты воссоединишься с Пифией из Керака.

Бесстрастный тон Охотника раздражал Бойса куда больше, чем прежний издевательский. Этот колдун способен убить одним лишь дуновением, подобно тому как ветер срывает лист с дерева. Но...

– К черту вашу магию! – взревел Бойс.

От оцепенения не осталось и следа, словно огонь ярости прогнал парализующую стужу.

Охотник так долго сражался волшебным оружием, что, видимо, забыл о более примитивных методах борьбы. Кулак Бойса со всего размаху обрушился на его челюсть. Удар был настолько сильным, что руку едва не выбило из плечевого сустава.

Бойс сделал это почти неосознанно, повинуясь внезапному инстинктивному бунту против колдовской паутины, опутавшей его еще до того, как он появился в этом чужом мире.

Было невыносимо думать, что Охотник цинично воспользовался им, точно вещью. И охватившая его ярость вылилась в удар, который застиг Охотника врасплох, отбросив его к стене.

– Магия! – с ненавистью прорычал Бойс. – И от нее есть средство!

Но Охотник не мог ему ответить. Он неподвижно лежал на полу бесформенной грудой, с залитым кровью лицом.

Жуткий нечленораздельный рев заставил Бойса обернуться. Он совсем забыл про зверей. Те неуверенно переминались, подняв к нему морды, похожие на безумные лица людей.

Он быстро огляделся. Ветер пошевелил черную портьеру, расшитую золотым узором. Бойс осторожно шагнул в ее сторону.

И еще шаг. Звери колебались.

Бойс добрался до портьеры и скользнул за нее. Как он и предполагал, за ней оказалась металлическая дверь. И она была приоткрыта. Легкий ветерок овеял его покрытое потом лицо.

Позади раздался скорбный звериный вой, эхом отразившийся от стен.

Бойс захлопнул дверь и навалился на нее плечом. Засова нет, только щеколда, которую можно открыть с другой стороны. Если Охотник придет в себя...

Бойс недобро ухмыльнулся, распрямив широкие плечи.

Повернувшись, он взгляделся в голубоватый сумрак тоннеля.

Глава 13. Король умер

Сперва ему показалось, что стены увешаны причудливыми гобеленами. Присмотревшись, он понял, что на стенах искусной рукой вырезаны барельефы. Корни и ветки, а может быть, змеи сплелись в замысловатую сетку, и вычленить в изображении детали не представлялось возможным. Гобелены были испещрены разноцветными камнями, которые, в свою очередь, имели более яркие вкрапления, блестящие, как слюда и жемчуг.

Сквозь узкие щели между барельефами пробивался голубоватый свет, будто поверхность под ними светилась сама по себе.

Рука машинально потянулась к поясу, но меча не нашла, – вне всякого сомнения, его забрали, пока Бойс находился в плену у Ираты. Сейчас не хотелось о ней думать.

Вернуться назад Бойс не может. Там Охотник, и он вскоре очнется, если только запах крови не вызвал слишком острый голод у его своры.

Бойс тихо двинулся вперед по коридору. Переплетающиеся витки на стенах и потолке были неподвижны, но ощущение чудовищной опасности его не покидало – словно он шел вдоль завесы, которая в любой момент могла быть сорвана и которую уже шевелил ветер, доносившийся из внушающей ужас неизвестности.

Нервы? Что ж, у него есть все причины нервничать! Зловещая ухмылка сделалась шире. Оказаться выброшенным из обычной жизни и угодить в лабиринт древнего колдовства и интриг? Средневекового нормандца, жившего среди ведьм, собственных чародеев и сарацинских магов и искренне верившего в их сверхъестественные возможности, подобное не смутило бы. Но то, что запросто примет на веру воспитанный на предрассудках крестоносец, не примет современный человек.

Возможно, подумал Бойс, он принял на веру слишком многое. Ему следовало во многом усомниться еще в самом начале. Но тогда его разум не принадлежал ему в полной мере. Он был орудием в искусных руках Ираты и Охотника.

Справа в хитросплетении корней появилось изображение звериной головы, слепо смотревшей на Бойса каменными глазами. Казалось, там росли блестящие змеи, свиваясь кольцами.

Вокруг царила тишина.

Бойс шел все дальше и видел все новые изваяния – и зверей, и людей.

Наконец он остановился перед очередной каменной маской, чтобы получше ее разглядеть. Из челюсти рос корень, странным образом деформируя лицо, но оно было вырезано не из серого гранита, как прочие маски, а из какой-то другой породы. Под извивающимися щупальцами угадывались очертания тела.

Скульптор изобразил это лицо во всех подробностях, ему удалось даже радужки глаз...

Каменные губы пошевелились.

С превеликим трудом, с жутким сухим скрежетом голова заговорила.

– Бойс, – проскрипела она, вода каменным языком по каменному небу. – Бойс!

Теперь Бойс узнал это лицо – и понял, каков был конец Годфри Мореля.

Хотя конец еще не наступил.

Он протянул руку к извивающимся каменным корням, но нечеловеческий голос остановил его:

– Нет! Не прикасайся к стене!

Бойс осознал, что весь дрожит, и облизнул пересохшие губы.

– Годфри, – хрипло проговорил он, – что я могу для тебя сделать?

– Ничего, – произнес каменный Годфри Морель. – Очень скоро я замолчу, поэтому слушай внимательно. Это растение. Дьявольское растение. Его корни протянулись по всему Городу; они внутри стен, под полами. Это растение – шпион Джамая.

– Джама?я?

– Дьявольское растение, – чуть громче повторил Годфри. – С его помощью он узнает все тайны Города. Его щупальца все видят и слышат, а когда Джамай приходит сюда, оно отвечает на его вопросы. Я видел, как это делается! Его нужно кормить мозгами живых существ, иначе оно превратится в обычное растение. Джамай создал его очень давно с помощью своего колдовства.

Колдовства? Раньше было бы очень легко согласиться с подобным объяснением в этом мрачном голубом сумраке, но не после того, как Бойс убедился в уязвимости Охотника. Некоторые растения действительно обладали аномальной чувствительностью к вибрации. Даже во времена Бёрбанка ученые исследовали растительные мутации.

При определенных воздействиях и впрямь может появиться на свет столь чудовищное создание – сверхчувствительное растение, способное кормиться мозговым веществом – и даже, вероятно, энергией разума. Растение, которым можно управлять, как машиной!

Бойс испытывал легкую тошноту, глядя в белое неподвижное лицо на стене.

– Я уже врос в эту... в это существо, – сказал Годфри Морель. – Я у меня есть доступ к его знаниям. Магия защищает от него некоторые части Города. Оно не может проникнуть во дворец короля. Сюда идет Пифия. Джамай попытается ее убить. Ирата... ненавидит Пифию. В Городе есть лишь одна сила, которая... – Голос его смолк. Через мгновение Годфри продолжил, но уже не столь отчетливо: – Тяжело... говорить. Иди к королю. Думаю... он сможет помочь... Он ненавидит Ирату... как и она его. Скажи ему... что Джамай позвал сюда Пифию...

– Погоди, – сказал Бойс. – Разве не Охотник это сделал?

– Ты только что пришел... от Джама?я.

– Нет, Годфри, ты ошибаешься. Я пришел от Охотника.

– Охотник... Джамай... один и тот же... – Из раскрытого рта маски вырвался хриплый крик. – Голова дракона... потайной ход! К королю... скорее! Скорее!

– Годфри, – прошептал Бойс, а потом закричал: – Годфри!

На него смотрели каменные глаза.

В голубом тоннеле наступила тишина.

Бойс двинулся дальше. Его все еще подташнивало, но мысль о том, что теперь у него появилась цель, придавала сил. Он мало успел узнать от Годфри Мореля, но надеялся, что правитель этого жуткого Города может оказаться другом. Или, по крайней мере, врагом его врагов.

Ирата и Пифия – один и тот же человек, или были им когда-то. Король Города Колдунов может ненавидеть Ирату, но ненавидит ли Пифию?

А Охотник – Джамай? Бойс не видел в этом никакого смысла. Зачем Охотнику играть роль Джама?я и наоборот? Зачем?..

Охотник, или Джамай, да кто бы он ни был... Если колдун очнется, он наверняка станет преследовать Бойса, пустит вдогонку свору. Бойс зашагал быстрее вдоль голубой стены.

Наконец он нашел каменную морду дракона. Подобной твари не существовало на Земле. Бойс видел таких лишь на старинных гравюрах и мог лишь догадываться, с кого они рисовались. Чудовищная голова с разинутой пастью далеко выдавалась в коридор, почти перегораживая его, и пришлось двигаться осторожно, чтобы не коснуться диковинного барельефа на светящейся стене.

Теперь Бойс пуще прежнего стерегся ярких неподвижных щупалец – голодных корней растения-мутанта, созданного Джама?ем.

Голова дракона была огромна – нижняя челюсть покоилась на каменном полу, а чешуйчатые ноздри возвышались в трех футах над головой Бойса. Он мог войти, не сгибаясь, в эту невероятную пасть. Все пространство вокруг нее было увито корнями. Если тут и есть потайной ход, подумал Бойс, то как попасть в него, не коснувшись стен? Может, в этом месте подра-

гивающие витки не представляют опасности? Пожалуй, слишком смелое допущение. Он случайно коснулся плечом барельефа, и этого хватило, чтобы по всему телу пробежала дрожь.

Щупальца опутали всю голову чудовища. Но забрались ли они в пасть?

Он заглянул внутрь. Голубое свечение туда не проникало. Если это проход, ведущий в другой коридор, то Охотник – Джамай? – наверняка давно его обнаружил.

Поежившись, Бойс шагнул в пасть дракона – и тотчас пал духом. Все та же увитая каменными корнями стена.

Поворачиваясь, чтобы выйти наружу, он запнулся на неровном полу и инстинктивно взмахнул рукой в поисках опоры...

Он спохватился, но было поздно – ладонь коснулась стены.

Нет! Она не ощутила твердой поверхности. А это означает...

Бойс снова осторожно протянул руку. Стена была видимой, но неосязаемой. Рука свободно прошла сквозь туманные извивы каменных щупалец.

Бойс неуверенно приподнял вперед ногу. За стеной оказался пол.

Он шагнул сквозь стену в темноту без звука и света.

Это продлилось всего лишь миг. А затем Бойс ощутил, что куда-то быстро движется. Навстречу дул сильный ветер. Направление движения все время менялось, словно Бойс, стоя в автомобиле, ехал по извилистой дороге через центр Города к цели, о которой мог лишь догадываться. Неужели это тайное средство короля, чтобы шпионить за Джамаем?

Движение прекратилось. Бойс обнаружил, что находится в освещенной бледным светом коробке, похожей на кабину лифта. В белой стене открылся проем.

Перед ним тронный зал короля... или бога?

Этот тот самый зал, который Охотник показал ему в зеркале. Двойной ряд колонн уходит к большому черно-красному трону, на котором виднеется неподвижная фигура в короне.

Но на этот раз Бойс смог увидеть больше. Зал был огромен, стены и крышу ему заменяла гигантская прозрачная полусфера. Внизу Бойс разглядел купола и площади Города Колдунов. Над долиной висела пелена тумана, но в ее разрыве промелькнули серые очертания стоявшего на утесе Керака.

Бойс осторожно двинулся между колоннами к человеку, которого хорошо помнил, – бородачу в короне и желтой мантии. Он видел свое отражение в черном полу – не собственное лицо, а хмурое, покрытое шрамами лицо Гийома дю Буа. Гийом наверняка держал бы сейчас в руке меч, и Бойс вдруг понял, что ему самому очень не по себе без оружия.

Человек на троне не шевелился, но пристально наблюдал за ним. Не было слышно ни единого звука, кроме тяжелых шагов Бойса.

Тот все приближался, пока не оказался перед самым тронном.

– Уходи немедленно, – проговорил король голосом, напрочь лишенным эмоций.

Бойс сглотнул и упрямо покачал головой. Король это или не король, колдун он или ученый, или вообще не человек – Бойс никуда не уйдет, пока...

– Уходи. Когда буду готов, я тебя позову. А сейчас уходи.

Стиснув зубы, Бойс шагнул вперед. Человек на троне предостерегающе вскинул руку. Когда поднялся широкий рукав, Бойс увидел на коленях обнаженный клинок, от которого исходило холодное стальное сияние. Но король не дотронулся до меча.

– Если подойдешь ближе, умрешь, – произнес бесстрастный голос.

Желтая мантия плотно облегла грудь короля. На ней были вышиты иероглифы, которых Бойс не мог прочитать. Рисунок привлек внимание... и Бойс насторожился.

Он сделал еще шаг. Человек не пошевелился, даже когда Бойс положил ладонь на атласную мантию.

Сердце не билось. Сквозь плотную желтую ткань ощущался холод смерти.

Бойс не мог в это поверить, пока не приложил стальное лезвие меча к губам короля. Зеркальная поверхность не затуманилась.

– Ты первый человек в этом мире, узнавший правду, – произнес голос Ираты. – Никто другой не посмел бы приблизиться к трону.

Послышался ее негромкий смех. Бойс повернулся, взяв меч на изготовку.

Она стояла рядом, улыбаясь и глядя насмешливо. Сейчас на ней были длинное платье и железная корона. Ее фигура отражалась в черном полу, и Бойс вспомнил то, что показал ему Охотник, – женщину, разделенную надвое с помощью неведомой силы. Ирату и Пифию.

– Да, Пифия из Керака, – сказала она. – Думаю, я выиграла эту игру, даже притом что Джамай первым бросил кости. Я даже смела надеяться, что мне удастся заманить сюда Пифию. Джамай заслужил мою благодарность.

Бойс холодно посмотрел на нее, достал кристалл и подкинул его на ладони.

– Надо полагать, Ирата, это он дает тебе власть надо мной. Что, если разобью?

– Как хочешь. – Она безразлично пожала плечами. – Без него ты не сможешь вернуться в свой мир. И моя власть над тобой не столь велика, как ты думаешь. – Она кивнула на короля. – Я способна уничтожить тебя в любой момент, да хоть сейчас. Но ты можешь понадобиться. Мою задачу ты выполнил. А еще узнал, что король, мой отец, мертв. И это должно оставаться тайной до тех пор, пока...

– Мертв?

– Он скончался много лет назад.

– После того, как тебя разделили надвое?

Ирата пристально посмотрела на Бойса:

– Так ты и это узнал. Полагаю, от Охотника, от Джамая. Да, нас разделили после того, как отец умер. Он попытался воспользоваться знанием, которое было доступно только колдунам. Это и стало причиной его смерти.

Но я тоже кое-что умею. Телом покойника, как и разумом, можно управлять извне. – Она снова улыбнулась. – Называй это гипнозом. Или считай, что на троне перед тобой робот. Он делает и говорит то, что мне нужно.

– Ты и сейчас им управляла? – спросил Бойс.

– Нет. Когда сюда входит кто-нибудь, король машинально произносит положенные слова и совершает определенные движения. Он же говорил с тобой, да? Будь ты человеком из Города, немедленно подчинился бы и поспешил прочь. Даже Джамай ни разу не осмелился приблизиться к королю.

– Ирата, я оставлю у себя кристалл. Я намерен вернуться назад при первой же возможности. Но держитесь подальше от моего разума! И ты, и Охотник.

Ирата повела стройными плечами:

– Джамай? Интересно, какие демоны им движут, кроме тех, что живут в его голове? Мне кажется, он сумасшедший. Когда мы с Пифией были единым целым, он любил меня. Любит и теперь, но этого ему мало. Знаешь почему? – Она с легкой улыбкой смотрела на Бойса.

Да, он знал. Ответ ему дали старые легенды об ангелах и дьяволах, сражающихся за человеческую душу. Аллегорическая история о Джекиле и Хайде и сотни подобных сказок.

Глава 14. Лед и пламя

Ирата была воплощением зла. Ее нельзя было назвать безнравственной, – напротив, она была полностью свободна от любых ограничений, как то: совесть, жалость или сочувствие. Она была аморальной в той же степени, что и нелюди, создавшие ее из обычной женщины.

Добро и зло, неразрывно связанные в человеческом сознании, уравнивают друг друга – и не могут существовать друг без друга. Их невозможно разделить иначе как с помощью магической силы, недоступной человеческому пониманию.

Но разделение произошло. Пифия – такое же чудовище, как и Ирата. Психиатрии известны случаи шизофрении, раздвоения личности, когда в одном разуме обитают два существа. Иногда одна из этих личностей чиста и непорочна, а вторая суть откровенное зло.

Однако в данном случае раздвоение было полным. Все положительное и отрицательное в разуме, душе и теле девушки разделилось надвое. Никто, подумал Бойс, не смог бы полюбить Ирату и не сойти при этом с ума. Ибо он знал бы, что в ней не осталось ничего человеческого.

– Да, – тихо сказал он, – мне известно, почему Охотник не может... Почему ему этого мало. Когда я любил тебя, Ирата, ты была не такая.

– Да, не такая. Иногда мы с Пифией ненадолго воссоединяемся, вновь становимся единым целым. Но я сохраняю мою силу. Я все равно главная, хотя и не во всем. И пока мы в одном теле, я не могу причинить ей вреда, не причинив вреда себе. Потом, разлучившись с ней, я на какое-то время впадаю в транс. Когда я прихожу в себя, она уже в Кераке и мне до нее не добраться.

Бойс кивнул:

– Значит, на Земле?..

– Мы были в одном теле. Я посетила многие миры – вместе с ней, поскольку она была мне нужна. Как я сказала, я не могу причинить ей вреда. И не потому, что Пифию защищает огненная клетка. Я не могу добраться до нее в Кераке.

– Ты хочешь ее убить?

Бойс заметил, что Ирата слегка побледнела.

– Нет. Она моя половина, даже когда мы в разных телах. То, что повредит ей, повредит и мне. Но... предположим, мы с ней воссоединимся навсегда? – Она подняла руку, не давая Бойсу сказать. – Нет! Я хочу остаться такой, какая я сейчас! Свободной! Делать все, что пожелаю! Открывать пути в другие вселенные, обладать властью, ни о чем не жалеть! Если мы с ней вновь сольемся, но я уже не буду главной... Если ее дурацкие чувства, ее пустая совесть не позволят мне жить по-своему... Нет! Здесь правлю я!

Я знаю, как навсегда заключить Пифию в темницу, где никто до нее не доберется и откуда она никогда не сможет мне помешать. До сих пор я не могла вызвать ее из Керака, если не считать периодов, когда мы были едины, – но тогда я не посмела бы хоть чем-то ей повредить.

– И она полностью подчинялась тебе. Понятно. Значит, это не тебя я знал на Земле...

– Ты знал нас обеих. В одном теле. Я обыскала множество миров, пытаюсь найти ключ к Кераку, к Пифии. Мне нужно было попасть туда и выведать кое-что из ее тайн. Узнать, как Танкред защищает ее и насколько сильной она стала. Сама я туда пойти не могла, даже вселившись в разум того, кто готов был мне помочь. Ведь Пифия может читать чужой разум. – Фиолетовые глаза с лукавым торжеством смотрели на Бойса. – Но я нашла способ, даже два. Мне в голову однажды пришла самая простая мысль: найти человека, которого она полюбит. Она полюбила тебя, Уильям Бойс. Я это знаю. Ведь мы с ней находились в одном теле, пусть и были наши разумы разделены навсегда. О, я знаю, о чем она думала! Что-то в конце концов тронуло ее ледяное сердце. Я оставалась в твоём мире, пока не убедилась окончательно, что она пойдет на зов своего любимого... своего мужа. – Ирата холодно рассмеялась. – Я оставалась

там, пока не поняла, что пробудила такое же пламя и в твоей душе. И пока не удостоверилась, что твой разум хранит знание о том, как попасть сюда. Но после... После, Уильям Бойс, все воспоминания пришлось стереть из верхних слоев твоей памяти. Ты понимаешь почему. Если бы ты отправился в Керак, зная то, что ты знаешь сейчас, Пифия поняла бы, какая опасность ей угрожает, и Танкред поступил бы с тобой так же, как и с моими прежними подсылами. Поэтому я призвала на помощь нелюдей. Знала, что одного их присутствия достаточно, чтобы загнать все воспоминания обо мне и о годе, проведенном нами, в недра твоего подсознания. Будь ты умнее, так и оставил бы их там! А теперь я добилась своей цели. Хотя Джамай обманул меня, и воспользовался кристаллом, который ты носишь, и проник в твой разум прежде меня, он все равно сделал за меня мою работу. Пифия слепо идет прямо ко мне в руки! Как же долго я этого ждала! – Ирата улыбнулась Бойсу и сменила тон на любезный. – Мне нужна твоя помощь. Я уже сказала, что время от времени мы с Пифией становимся единым целым. Раньше главной всегда бывала я, но она становится все сильнее. Возможно, когда-нибудь найдет способ меня победить, навсегда подчинить себе, оставив в одном теле с ней. Этого не должно случиться. Ты сможешь заточить ее в темнице, а взамен...

Под ее пристальным взглядом Бойс оперся на меч, с бесстрастным видом ожидая продолжения.

– Вместо белой статуи ты получишь кое-что получше. Настоящую Ирату, целостную личность, женщину, подобной которой нет ни в одном мире. А с этим ледяным изваянием ты бы замерз насмерть. – Ее веселый смех эхом отлетал от колонн. – В моих объятиях, Уильям Бойс, ты не будешь думать про лед!

Она приблизилась еще на шаг. Он продолжал стоять, опираясь на меч и вновь испытывая влечение к ней, воспринимая эротический зов стройного трепещущего тела.

– Джамай уже пытался, да? – тихо спросил он.

Ее губы дрогнули, в глазах мелькнул дьявольский огонь.

– Да, пытался, – ответила она. – Он любил нас обеих, когда мы были в одном теле, еще до того, как мой отец стал заниматься магией вместе с нелюдями. Было бы намного лучше, если бы я стерла память Джамаи так же, как стерла твою, ибо Джамай помнил меня прежней и продолжал меня любить, несмотря ни на что. А я... Кто я, Уильям Бойс?

Рукоять меча холодила его ладонь.

– Не знаю, – хрипло сказал Бойс. – Но я знаю, что подобные тебе не должны существовать. Человек... женщина несет в себе смесь добра и зла, если можно так выразиться. Наверное, крестоносцы были не столь уж суеверны, когда писали о ламиях, демонах-женщинах. Никто не смог бы полюбить тебя, Ирата, не сойдя при этом с ума. Если Пифия – лед, то ты – пламя, уничтожающее все, чего коснется.

– Значит, Джамай безумец, – кивнула она. – Возможно, его разум раздвоился, так же как мои тело и душа. Возможно, он пытался создать два своих «я», как это сделали со мной колдуны. Но лишь они обладают такой властью. Если разум раздваивается подобным образом, то это безумие. Иногда Джамай – Джамай, и он ненавидит меня, ненавидит Пифию и желает уничтожить нас обеих. Иногда он Охотник, и мы ему почти безразличны. Но он любил меня, прежде чем колдуны наложили свое заклятие, и он все еще привязан ко мне – к Ирате. Поэтому он должен умереть. Я не могу доверять безумцу. Она протянула руку и коснулась меча Бойса. – Ты мне сможешь. Разве я для тебя не желанна? Взгляни на свою ледяную возлюбленную – и реши.

Она вскинула руку. Взгляд Бойса проследовал за ее жестом.

Между длинными рядами колонн медленно шла к трону Пифия из Керака. Руки были сложены на груди, глаза закрыты, мраморные волосы спадали на мраморные плечи. Она шагала спокойно и уверенно, словно ведомая мысленным взором, заменявшим ей зрение.

Теперь он видел, что эти две женщины – на самом деле одна. Пламя и лед, добро и зло – и даже более того. Они воплощали в себе все положительное и все отрицательное, и добро выглядело куда более неземным, чем зло.

Пифия подошла к Бойсу и остановилась. И он впервые увидел, как дрогнули ее ресницы и поднялись белые веки. Глаза оказались голубыми, словно лед в толще айсберга. Но во взгляде был не только лед.

Бойс увидел разум, заключенный внутри ее, так же как ее тело было заключено в огненную клетку, пока он не позвал ее сюда, повинувшись воле Джамаи. И этот разум помнил.

Бойс был потрясен до глубины души. Он любил эту женщину, когда она была целостным существом. Теперь женщин было две. И он вдруг с изумлением осознал, что его влекут обе, но настолько по-разному, что кажется, будто он сам разделился на две половины.

Черный сад зла, полный ярких цветов... И эти цветы источают ядовитый аромат, сулящий исполнение невысказанных желаний, безумный экстаз, какого не знал еще ни один мужчина...

Богиня – сияющий кристалл, чистая и далекая, как звезды... Свет ее голубых глаз намекает на скрытую под ледяной оболочкой любовь...

Ты мой муж. Ты мой возлюбленный. Ты сочетался со мной браком, так же как и с этой ледяной богиней. Мы отправимся в путь по мирам, полным огней, красок и звуков, по морям безмянных планет, через врата пространства и времени. Смерть и безумие над нами невластны. Мы обретем беспредельное могущество и будем править мирами.

А искорки, тлевшие в ледяных глазах Пифии, ничего не обещали. И ни о чем не просили. Они говорили: «Я тебя люблю». И ничего больше.

Ирата увидела, как изменилось лицо Бойса. Он шагнул к ней, загоразивая собой Пифию. Ее губы исказила недобрая, горькая улыбка.

– Что ж, – тихо сказала Ирата, – мне грозит опасность, но поскольку помощи от тебя не будет, другого выхода нет. И это означает, что ты умрешь, глупец!

Взгляд ее устремился куда-то за спину Бойса. Она совершила быстрое замысловатое движение руками и напряглась, словно в тревожном ожидании, но тут же расслабилась.

– Колдуны идут, – сказала она. – Я призвала их раньше времени – до того, как завершился цикл. И это опасно.

Бойс поднял меч. Ирата рассмеялась.

– Меч – против колдунов?

– Нет, – сказал Бойс. – Против тебя, Ирата.

Он нацелил острие ей в горло. Она, похоже, ничуть не испугалась.

– И что тогда будет с твоей любимой? Ранишь меня, ранишь и ее. Убьешь меня, умрет и она.

Бойс опустил меч:

– Если только ты не лжешь.

– Попробуй – и узнаешь. Осмелишься?

– Нет, – сказал он. – Но я могу вернуться в мой мир – кристалл у меня. И могу забрать ее с собой.

– Что ж, попробуйся.

Он повернулся, и Пифия последовала его примеру, хотя ледяное лицо было по-прежнему лишено всякого выражения. Бросив через плечо взгляд на Ирату, Бойс увидел в ее глазах нечто такое, что заставило его остановиться.

– Подожди! – сказала она. – Кристалл...

Он быстро шагнул к ней, поднимая меч:

– Я совсем забыл! Ты пыталась управлять мной с его помощью, верно? Но... – Он поколебался. – Тебе это не удалось. Я прав? Ты потеряла свою силу!

– Пока ты жив – нет! – Глаза Ираты вспыхнули. – Я не настолько слаба!

– Ты пыталась подчинить мой разум, – сказал он. – Но не вышло. Почему?

– Что-то мешает... Кажется, с той минуты, как ты вошел в тронный зал, я... Слышишь?

Воздух вокруг них дрогнул. В ушах Бойса возник высокий звук – похожий на звон колокольцев, он становился все громче и отчетливее. Бойс ощутил дуновение холодного ветра, которое было ему уже знакомо.

– Они уже здесь! – воскликнула Ирата. – Раньше, чем я ожидала. Вам обоим грозит опасность, а мне – нет!

Она торжествующе рассмеялась, и Бойсу показалось, что в этом смехе слышится звон колдовских колокольчиков. И сам ее смех похож на голоса колдунов.

Пол покачнулся.

Ирата бросила взгляд на Пифию, которая по-прежнему стояла спокойно, сложив руки на груди и глядя на Бойса ледяными глазами, в которых мерцал едва заметный огонек, словно в замороженный разум постепенно возвращались воспоминания.

– Пока она здесь, связь между Кераком и Городом слабеет, – рассеянно проговорила Ирата. – Чувствуешь, под Городом будто волны катятся? Эта земля слишком долго была в оковах, пока Город плыл за Кераком на буксире. – Она снова беззаботно рассмеялась. – Представляю, какой поднимется внизу шторм, когда буксирный канат лопнет!

В зале начало темнеть. Сквозь большой стеклянный купол Бойс увидел, что в Городе возникла суматоха – люди искали убежища во дворцах, храмах и тавернах, освобождая улицы для колдунов.

– Наконец-то! – воскликнула Ирата. – Пришли те, кто разделил меня надвое. Они наденут магические оковы на мою половину, и она уже никогда не сможет подчинить меня себе.

Она подступила к Пифии, взгляделась в свое собственное лицо, застывшее под ледяной маской, и ее губы изогнулись в презрительной улыбке.

– Верила, что сможешь мной управлять? – тихо спросила Ирата. – О да, я всегда знала, что ты замышляешь, чувствовала, как в твоём мозгу, словно змеи, шевелятся предательские мысли. Ты хотела обрести силу, чтобы получить надо мной власть, когда мы снова соединимся. Это любовь пробудила в тебе зависть к моей силе. Любовь к нему. Но теперь он мой. Слышишь колокольчики? Идут те, кто разделил нас, и они поступят с тобой так, как я прикажу. Приготовься, сестра моя, – нет, больше чем сестра. Это твои последние мгновения. Ты готова превратиться в мраморную статую, которой сейчас лишь кажешься?

Глава 15. Возвращение

С выражением злобного торжества на лице она резко повернулась к Бойсу, взметнув черными локонами. В темноте и холоде зала вспыхнули фиолетовым пламенем ее глаза. Взгляды встретились, и Бойс осознал, как сам его разум испытывает непреодолимое влечение к ней. Мгла еще более темная, чем сгущавшийся вокруг мрак, на мгновение окутала мозг. А потом...
...в большом зале эхом раскатился чей-то смех.

Все повернулись на этот звук, даже Пифия. Бойс почувствовал, как разрывается мысленная связь между ним и Иратой, и у него закружилась голова. Вдали между колоннами кто-то шел. Прозвучал уже знакомый дикий смех, и Бойс увидел зверей Охотника, которые плавно двигались к нему, сверкая золотистыми глазами.

Позади них, удерживая туго натянутый поводок, шел Охотник в похожей на тигриную шкуру одежде. Бледное лицо было в крови, и Бойс вспомнил слова Ираты. Да, этот дикий безрадостный смех вполне может быть смехом безумца – но безумца, сознающего свою силу.

– Так, значит, это ты пытался мне помешать! – гневно воскликнула Ирата. – Как ты посмел, Джамай?!

Он приближался, издавая все тот же гортанный смех.

– Это был Джамай? А может, Охотник? У меня две личности, Ирата, так же как и у тебя. Странно, что ты этого не знаешь. Уильям Бойс, я тебе благодарен. Никогда прежде мне не удавалось найти тайный путь к трону. Пока я не заглянул в твой разум с помощью кристалла, я не ведал о том, что король мертв. Я не знал даже, что сам мертв!

– Джамай! – вскричала Ирата.

– Даже ты, Ирата, не бессмертна. И ты боишься. Все мы чего-то боимся – смерти, боли, магии. Страшно всем, кто в здравом уме – даже тебе, Ирата. Но я стал неуязвим. Раньше я этого не знал, а теперь знаю.

Как может человек полюбить добро и зло, пламя и лед и не тронуться рассудком? Ты поступила разумно, сделав свой выбор. Он означал смерть, но смерть лучше, чем жизнь. Мой выбор был иным. Я следовал за Иратой через все преисподние вселенной.

Под хрустальным куполом ступила тень. Прозрачное полушарие окутал белый туман, скрыв из виду лежащие внизу улицы Города. Далекий Керак исчез за бледной пеленой.

– Джамай! – снова воскликнула Ирата.

Он улыбнулся и тихо сказал:

– Нет, Ирата, это конец. Я люблю тебя, и я люблю Пифию. Я не хочу видеть ее рабыней твоей злой воли. Я знаю, какая жестокость таится внутри тебя. Но я также не хочу, чтобы Пифия обрела власть над тобой, ибо тогда она посмотрит на меня и увидит зло, что расцвело во мне с момента нашей последней встречи. Вы обе должны умереть, Ирата, – даже если все миры умрут вместе с вами.

Ирата презрительно скривила губы:

– Ты опоздал, Джамай, – я призвала колдунов.

Тень под хрустальным куполом напоминала грозовую тучу. Становилось все темнее. Джамай расхохотался.

– Пусть придут! – крикнул он. – Теперь я знаю ответ, и этот ответ – смерть! Убивай и будь убит! Я умнее вас всех, ибо я безумен, и я отвечаю вам: смерть!

В зале уже почти совсем стемнело, но Бойсу удалось разглядеть, как взметнулась полосатая рука и свистнул отпущенный поводок. И еще он увидел два метнувшихся вперед приземистых, могучих тела. Смех Охотника довел до безумия зверей, их яростный рев смешался с его диким хохотом. Бести рванулись к трону, на котором сидел мертвый король.

Словно в тумане Бойс увидел оскаленные морды, злобно сверкающие глаза – и прыгнул вперед, спеша заслонить собой Пифию.

Было слишком темно, чтобы разглядеть тварей, хотя они стремительно приближались. Было слишком темно, чтобы разглядеть двух девушек, трон и колонны. Во мраке продолжал звучать безумный хохот Охотника. Где-то поблизости зазвенели колокольцы...

Горячее дыхание ударило Бойсу в лицо. По каменным плитам застучали когти, и зверь прыгнул, метя в горло. Меч взмыл будто сам по себе, встретив сопротивление могучих мышц, а в следующий миг эта тяжесть исчезла, разваленная надвое клинком.

В воздухе резко запахло кровью, но Бойс ее почти не чуял. Парализующий холод окутал его тело и разум...

Порыв ледяного ветра распахнул перед ним темную завесу, и в проеме возникла облаченная в мантию фигура, в чьих движениях не было ничего человеческого.

Бойс увидел Ирату, которая стояла лицом к незнакомцу: руки воздеты; черные волосы рассыпаны по плечам, лицо ослепительно-белое. И еще он увидел вторую рычащую тварь, которая присела для прыжка, скаля кривые клыки и дико сверкая глазами.

Темнота снова сомкнулась, словно кто-то задернул завесу. Послышался пронзительный голос Ираты; она выкрикивала слова, которые казались Бойсу бессмысленным богохульством. Ни один человеческий язык не в состоянии породить подобных слов.

Ее голос набирал высоту, вонзаясь в уши и мозг Бойса, и даже вой ледяного ветра не мог его заглушить.

Холод теперь пробирал до костей. Казалось, руки, сжимавшие рукоять меча, скованы льдом. Услышав звериное рычание, он замахнулся мечом, и это потребовало невероятных усилий. На него навалилось гибкое, тугое тело, когти разодрали бедро, рык раздался возле самого уха. Бойс попытался отшвырнуть тварь, ударил мечом, но промахнулся.

Голос Ираты странно изменился, слившись с адским свистом ветра. Оцепеневший от холода и слабости, Бойс все же уловил какое-то новое движение в темноте, и его пробрала знакомая дрожь, подсказывая, что колдуны совсем близко.

Снова услышав рычание, он собрал остатки сил и поднял меч. На этот раз удар оказался удачен. Рычание превратилось в вой, послышался глухой звук падающего тела.

Зверь издох, но фигуры в мантиях смыкались вокруг Бойса в кольцо, и тот понимал: как только они до него доберутся, он умрет.

Но у него еще был выбор. Он не может приблизиться к Ирате и прекратить ее торжествующее пение, однако Пифия стоит у него за спиной.

И если ее убить...

По крайней мере, тогда она не окажется в плену у своей второй половины, у этого черного зла. А если умрет Пифия, возможно, умрет и Ирата.

Да, это акт отчаяния, и вероятность того, что задуманное получится, мизерна. Но если все же получится, так будет лучше для всех.

Девушка была совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Бойс дотронулся до нее – и сделал это впервые. Не раз он задавался вопросом, действительно ли она холодна и тверда, как мрамор. Но сейчас он не почувствовал холода. Это удивило его, но в следующий миг он понял. Бойс сам до того замерз в этой сверхъестественной ледяной мгле, что даже мрамор казался ему теплым.

Он обнял Пифию за плечи, потянул к себе – и вдруг ощутил, как ее тело медленно, словно с неохотой, поддается его усилию.

Он крепче сжал рукоять меча и приставил острое к ее горлу.

Она не дрогнула, но он услышал участившееся дыхание.

Очень осторожно Бойс наклонил ее голову, и поцеловал, и ощутил тепло ее губ. Пифия из Керака медленно возвращалась к жизни из туманной дали, в которой пребывала столь долго.

Ее губы пошевелились, сердце забилося сильнее. Мрамор в объятиях Бойса уступил место гибкой живой плоти. Невидимая связь между ними, созданная Иратой, неумолимо влекла Пифию через врата забытья и чар в мир живых. Она вздрогнула, вздохнула...

Чары развеялись!

Она высвободилась из рук Бойса и скрылась в темноте. Голос Ираты вдруг сорвался на середине фразы, лишившись уверенности. И Бойс все понял.

Ирата высосала из своей второй половины саму суть жизненной силы. И теперь эта сила возвращалась к Пифии. Вероятно, Ирата почувствовала, как слабеет, и испугалась.

Внезапно в ледяной тьме раздался новый голос. Он монотонно и отчетливо выговаривал богохульственные слова – те же, что произносила Ирата. Несколько мгновений два голоса звучали почти хором: один холодный, набиравший силу, другой высокий, полный страсти, но становившийся все тише.

Но это был не хор. Два голоса сражались друг с другом в выстуженном зале. И при звуках этого нового голоса холод постепенно отпускал. Бойс уже снова мог двигаться, хоть и с трудом. Он слепо шагнул вперед.

Теперь Бойс знал правду: у Ираты нет власти над колдунами. Она лишь половина существа, говорящего на их языке. Пифия тоже знает этот язык, и колдуны должны ей подчиниться.

Голос Пифии набирал силу, соперничая с голосом Ираты.

Шаря вокруг, Бойс коснулся кого-то – и даже в темноте безошибочно узнал, и схватил за руку. Пытаясь вырваться, Ирата умолкла. А голос Пифии вмиг окреп.

Женские ногти вонзились Бойсу в щеку, а он потащил Ирату наружу, удерживая ее руки и зажимая ладонью рот. Это оказалось ничуть не легче, чем тащить на поводке зверя. Она извивалась, пыталась ударить коленом в живот, и он сдавил ее так, что, казалось, еще немного – и треснут ребра. Но говорить она не могла.

Голос Пифии звучал теперь громко и ясно. В нем ощущалась власть – и угроза.

Темнота вокруг начала рассеиваться. За яростно дергающейся головой Ираты Бойс видел фигуры в мантиях, совершавшие замысловатый ритуальный танец вокруг беломраморной девушки, чей голос отдавался эхом от стен зала. Он стиснул зубы, перебарывая дрожь, которая охватывала его каждый раз при виде этих зловещих силуэтов.

Но сейчас происходило нечто странное.

Ирата вдруг застыла в его объятиях. Что-то пронеслось мимо, обдав Бойса ледяным дыханием, а затем на него навалилась слабость. В рассеивающемся мраке раздался громкий звон, словно кто-то ударил в гонг.

И Бойс почувствовал, как Ирата тает у него в руках...

Когда он снова обрел зрение, в зале было светло. Пол раскачивался под ногами, но Бойс не вполне это осознавал, потому что смотрел, как заколдованный.

И ему действительно казались колдовскими эти фиолетовые глаза и настоящая, живая улыбка на лице под железной короной.

– Теперь ты узнал меня, милый? Узнал?

Тело слушалось с трудом. Он двинулся вперед по шатающемуся полу, не в силах поверить глазам.

– Мы снова одно целое.

И он действительно вспомнил ее – такой, какой она была в другое время, в другом мире. С отчаянно бьющимся сердцем шагал к ней, шатаясь и протягивая руки.

Он ощутил прикосновение теплых пальцев. К нему склонилось настоящее, живое лицо Ираты. И в нем не было ничего зловещего.

Она упала в его объятия и откинула назад голову в короне, улыбаясь, как когда-то на Земле.

Да, теперь он вспомнил. Это его Ирата!

Пол вновь покачнулся, прервав их поцелуй. Ирата тревожно огляделась.

– Жаль, – сказала она. – Но если ты не хочешь остаться здесь навсегда, нужно уходить, и побыстрее.

Он проследил за ее взглядом. Сквозь хрустальный купол, который теперь был прозрачным, если не считать легкого тумана снаружи, виднелись крыши Города и склоны за ними, а еще дальше стоящий на вершине Керак. И замок медленно уплывал назад. Горы двигались... нет, не горы, а сам Город.

– Связь разорвалась, – сказала девушка. – Я больше не удерживаю Город на месте, и волна уносит нас. Что нам делать, Уильям Бойс?

Он коснулся пояса, на котором висел кристалл, чуть холодея тело сквозь одежду. Да, кристалл на месте.

– Возвращаемся, – сказал Бойс. – Если получится, на Землю.

Она кивнула:

– Да, пусть будет так. В этом Городе для меня больше нет места. Мое место рядом с тобой – если ты этого хочешь.

Он ободряюще улыбнулся и попытался ее поцеловать, но она мягко его оттолкнула:

– Потом, потом, милый. Смотри!

Он повернулся и ошеломленно проговорил:

– Джамай?

И все же в том, что Бойс увидел, не было ничего удивительного. Да, картина была жуткой и трагической, но не более странной, чем все остальное, что ему довелось здесь встретить.

На высокий трон короля Города Колдунов взобрался Охотник. Труп в желтой мантии лежал на шевелящемся полу. Охотник сидел, опустив голову, лицом к Бойсу и Ирате, но не видел их. В его широко раскрытых глазах не было ничего, кроме безумия.

Таким его и оставили – в обществе мертвых зверей и мертвого короля.

Они с трудом пробирались сквозь туман, и почва ходила ходуном, точно море в бурю. Перед ними разверзались и исчезали трещины, и где-то в недрах скрежетали камни. Казалось, стонет сама земля.

– Быстрее! – воскликнул Бойс, когда земля вздрогнула и вздыбилась гигантским валом, который осел, едва они начали подниматься по его склону. – Уже недалеко, я помню тот утес. Это через него я сюда пришел.

– Мне кажется, стало спокойнее, – тяжело дыша, сказала Ирата. – Здесь начинаются горы. Плывет только долина.

Чем выше они забирались, тем слабее шаталась земля под ногами. Наконец они остановились и обернулись. Вдали, ярко освещенный волшебными огнями, плыл колдовской Город, словно корабль в тумане, покачиваясь на волнах. А еще дальше виднелся Керак.

Высоко в горах стоял большой замок, над которым, словно язык пламени, развевалось красное знамя. Другим землям предстояло проплыть долиной мимо него. Другим городам и людям предстояло познакомиться с Танкредом и Гийомом дю Буа, который был далеким предком Бойса, но так об этом и не узнал. Керак, подумал Бойс, будет вечно стоять на утесе, а мимо него будут медленно проплывать земли, неся с собой неведомые приключения.

Бойс и Ирата возобновили восхождение.

– Здесь... нет, дальше. Кажется, тут.

Бойс тревожно разглядывал уступы. С трудом верилось, что под одним из них таится проход в его родной мир. Вдруг что-то блеснуло, и, приглядевшись, он воскликнул:

– Да, вот оно! Стекло, которое я тогда разбил.

Земля была усыпана осколками, они хрустели под ногами. Из кармашка в поясе Бойс извлек маленький кристалл, и тот обжег холодом ладонь.

– Подожди, – сказала Ирата. – Свет... – Она поколебалась, а потом улыбнулась. – Милый, я зареклась колдовать, но сейчас нам никак не обойтись без магии.

Она подняла руку и шелкнула пальцами раз-другой. Между большим и указательным пальцами вспыхнул крошечный огонек.

– Быстрее, пока горит!

Бойс поднял кристалл. Огонь пролетел сквозь него, рассыпался ярким узором по камню и исчез. На месте узора теперь виднелось отверстие – путь в другой мир.

Бойс оглянулся в последний раз. Город казался далеким пятном в тумане, его огни слабо просвечивали сквозь дымку. А незыблемый Керак мрачно возвышался над этим странным миром, где текло пространство, но не время.

Неизвестные зачарованные города будут снова и снова проплывать по этой долине среди бледного тумана. Но этих городов Бойс уже не увидит.

Взгляд его в последний раз задержался на Кераке, где жил человек одной с ним крови.

– Идем же! – сказала Ирата, взяв его за руку.

Перед ними среди камней возвышалось хрустальное окно, за которым мелькали едва заметные тени.

Послышался негромкий звон стекла...

На стенах покачивались призрачные гобелены, в их складках туманно сияли драгоценные камни. Но за гобеленами проступали голые запыленные доски.

Гобелены исчезли. Бойса и Ирату окружала пустая комната. Хрустальный узор исчез без следа.

Откуда-то издали донесся звук автомобильного гудка и голос мальчишки-газетчика.

Пират Перси

Было две причины, чтобы воскликнуть «ого!», когда Перси Кетч вошел в мой офис на студии «Солар филмз». Во-первых, этот высоченный чернобородый тип был самым знаменитым космическим пиратом во всей Системе. Во-вторых, Перси Кетч был мертв, поскольку его знаменитый корабль «Налетчик» год назад разнесли вдребезги где-то в окрестностях Цереры.

Потом я вспомнил. Пару недель я был так занят рекламой «Убийства на Марсе», что совершенно забыл о «Черном бродяге», нашем суперпроекте – космическом триллере, основанном на рассказах о подвигах Кетча. Лучше бы я о нем не вспоминал.

Барнаби, режиссер, чуть душу из меня не вытряс, требуя рекламы. Это был великий мастер, старой закваски. И сколько бы критика ни измывалась, фильмы Барнаби всегда делали сборы по первому разряду. А почему бы и нет?

Именно он притащил с Венеры людоеда-грилла, который во время съемок вырвался на свободу и которого пришлось расстреливать из лучевой пушки. Потом был астероид – Барнаби его построил, чтобы снимать продолжение «Грохочущей Луны».

Я сто раз говорил Барнаби, что не желаю раскручивать его чепуху – мне хватает и собственных нервных срывов. Так нет же, Великий Барнаби вбил себе в башку, что мы с ним излучаем одинаковые флюиды, и тем самым превратил меня в козла отпущения.

Итак, я прервал свои размышления и с усмешкой взглянул на парня, похожего на Перси Кетча.

– Мило, – сказал я. – Очень мило. Неплохой грим, честное слово.

Руперт Керриган дернул себя за бороду:

– Посмотри на эту люцерну, Джерри. Ты когда-нибудь видел на человеческом лице такие заросли?

– Конечно видел. У Перси Кетча.

– Чепуха! – сказал Керриган, как обычно, переигрывая. – Он заставил меня их отрастить!

– Ну и что? – спросил я. – Зато теперь все увидят, что ты достаточно взрослый, чтобы бриться.

Керриган сел и закурил голубую марсианскую сигару.

– А как же зрители? Женщины приходят в кино, чтобы полюбоваться моим лицом, а не этой черной чашей. Я романтический тип, Джерри.

– Кетч тоже был романтиком.

– Он был пиратом!

– Такова старинная традиция. Вспомни капитанов Кидда и Моргана, вспомни флибустьеров Карибского моря. Кетч же придал шика космическому пиратству. Взгляни на его «Налетчика». Необычный корабль! Если бы возле Цереры его случайно не обнаружили шесть патрульных судов, Кетч был бы сейчас жив.

– «Налетчик» был слишком тихоходным.

– А быстрота ему и не требовалась. В космосе он становился невидимым, имея черную обшивку из особого сплава. Корабль не замечали, пока он не заслонял собой звезды.

Керриган пожевывал черные усы. В офис ворвался толстый круглолицый человек со сверкающей лысиной и в роговых очках и тонким голосом заорал на Керригана.

– Не трогай бороду! – вопил Рекс Барнаби, размахивая руками. – Я трясся над каждым волоском! Через два дня мы начинаем съемки на Церере!

– Через два дня? – поспешно переспросил я. – Тогда я срочно берусь за релизы.

– У меня есть идея. – На розовом лице Барнаби появилось хитрое выражение. – И ты мне поможешь ее осуществить. Руперт, убирайся, мне нужно поговорить с Джерри.

– Как я буду целовать Мону с такой охапкой сена на лице? – не унимался Керриган. – Мои поклонники умрут от смеха!

– У твоих поклонников нет мозгов, иначе они не были бы твоими поклонниками. Ты слишком долго играл одно и то же, Руперт. Вот сыграешь Перси Кетча – получишь «Оскара», помани мое слово.

Керриган покинул офис с таким видом, будто продал бы душу дьяволу за простую бритву. Барнаби проводил его лучезарной улыбкой.

– Я бесплатно устраиваю ему новую карьеру, а он еще ерепенится! Да у меня бы и устрица стала кинозвездой, причем еще играла бы в столичном театре. Ну да ладно, хватит об этом. Слушай, Джерри, ты меня подвел. Твоя реклама не сработала.

Я выжидающе смотрел на него. Он отвел глаза.

– Я хотел сделать точную копию корабля Кетча – до последней мелочи. Мне не дали.

– Ты же знаешь, кто не дал, – сказал я. – Сам главный босс. Прикинь, чего стоит создать копию такой махины. Вот он и сказал «нет», и его можно понять.

Барнаби схватился за остатки своих волос:

– Но мне необходима достоверность, Джерри! Без этого я не чувствую атмосферы.

– Но ведь есть у тебя атмосфера. Ты воскресил подлинный «Налетчик», ты заново его построил.

Барнаби придвинулся ко мне:

– Все это сплошной блеф. Ничего я не строил – это настоящий корабль. Главный босс еще не знает.

– Подожди, скоро узнает, – грустно сказал я.

– Поэтому я и пришел к тебе, Джерри. Когда патрульные суда ушли из зоны Цереры, от «Налетчика» почти ничего не осталось. Мы отбуксировали его на Землю и восстановили. Пришлось повозиться, конечно, зато теперь «Налетчик» снова такой же, каким был при Перси Кетче.

– О боже! – простонал я. – Вы хоть не оставили на нем лучевые пистолеты?

– В том-то и загвоздка: я не смог найти к ним заряды. Государственный контроль и все такое. Нужно переправить наш «Налетчик» на Цереру. Съемки начинаются через два дня. Теперь дело за хорошей рекламой, Джерри.

– Укради где-нибудь лучевые заряды и расстреляй патрульный корабль, – предложил я.

– Не болтай. У меня другая идея. А что, если Перси Кетч не погиб?

– Но он погиб.

– Ну а если представить, что он жив? Перси узнаёт, что мы восстановили «Налетчик», прокрадывается на корабль и захватывает его.

– Один?

– С ним кое-кто из его команды. Мы зовем на помощь, прилетает патрульный корабль, а мнимый Кетч сбегает вместе со своей бандой в спасательной шлюпке. Детали обсудим позднее.

– Ага, включая вопрос: как патрульные смогут обнаружить «Налетчик»? Он же черный, ты не забыл?

– Наша звезда Керриган забаррикадируется в радиорубке и оттуда будет выходить на связь, по которой патрульный корабль его и найдет. Детские игрушки.

«Ну еще бы! – подумал я. – Раз это придумал ребенок». Но вслух не вымолвил ни слова. В конце концов, Барнаби мой босс.

– Итак, – сказал он, – ты просматриваешь картотеку и находишь кого-нибудь, похожего на Перси Кетча. Действуй, Джерри. Я тебе полностью доверяю.

С этими словами он выскочил за дверь, а мне оставалось лишь проводить его взглядом.

Итак, я занялся картотекой. Нашел одного парня, довольно похожего на Кетча, и позвонил ему, а также полдюжине других парней, с которыми можно было иметь дело. После этого договорился о встрече с Моной Айриш.

Мона была партнершей Керригана в фильме «Черный бродяга». Через полчаса на экране моего видеотелефона возникли ее плоский, как у мопса, нос и ярко-рыжие кудри.

– Джерри, – сказала она, – я вынуждена отменить встречу, извини.

– Жаль, – ответил я. – А что случилось?

– Барнаби говорит, что я должна обедать с Рупертом.

– С этим нытиком? – довольно поспешно спросил я. – Да пошли ты его подальше.

– Не могу. Ты же знаешь Барнаби.

– Ага, – ответил я и выключил экран.

В дверь позвонили.

Пришел парень, похожий на Перси Кетча. Не слишком похожий, честно говоря. Прежде всего, у него не было бороды, а это уже не тот Кетч. Парня звали Андервуд.

– Спрячься где-нибудь, – сказал я. – Начнешь действовать через день после нашего приезда. Керригану дашь запереться в радиорубке. Потом по моему сигналу сядешь в спасательную шлюпку и улетишь на планету Икс один сто восемь семь ви. Через некоторое время я отправлю за тобой корабль, и тебя привезут назад.

– Понял.

После этого я вызвал из коридора шесть остальных и повторил им свой план, предупредив, чтобы не болтали. Впрочем, парни и сами все понимали, да и кто станет разглашать подобную чепуху?

Потом я договорился насчет спасательного корабля и отправился в «Кольца Юпитера», где смог полюбоваться Керриганом и Моной. Вернувшись в офис, заскучал и спустился к себе в лабораторию; там возился с лакмусом и изотопами, пока меня не вызвали к видеотелефону.

Вылет должен был состояться на рассвете. Барнаби бодрым голосом поинтересовался, как идут дела. Когда я сказал, что все в порядке, он заявил, что, в сущности, мозгом всего предприятия является он. Я ответил ему долгим испепеляющим взглядом и отправился спать.

Рано утром я был уже на космодроме. «Налетчик» стоял на обугленной стартовой площадке и был ужасно не похож на остальные космические корабли. Пиратский корабль представлял собой скорее овоид, чем правильный эллипсоид, хотя именно эллипсоидная форма придает кораблю прочности.

В былые времена «Налетчик» легко принимал на себя удары и отражал их. А еще, обладая абсолютно черной и ровной обшивкой, мог мгновенно исчезнуть.

Теперь же он походил на старую дородную даму. И все же был великолепен. Иллюминаторов у него не было. Их заменяли крошечные «глазки», соединенные с видеоэкранами внутри корабля.

Вокруг трещали кинокамеры. Рекс Барнаби, сияя круглой, как миска, лысиной, носился возле корабля, отдавая приказы и распоряжения. Я взглянул на часы, окликнул его и направился ко входу на стартовую площадку.

В рубке управления Мона целовалась с Керриганом. Здесь камеры отсутствовали.

– А у тебя неплохо получается, Руперт, – сказал я, – и борода не мешает.

Они отскочили друг от друга, и Мона начала что-то объяснять, но я не стал слушать. Забравшись в свою каюту, я достал бутылку хорошего виски и как следует заправился. Вскоре мне стало все равно.

Примерно через несколько столетий в каюте показалась голова Барнаби. Посмотрев на меня, он спросил, чем я тут занимаюсь.

– Отгадай с трех раз, – ответил я. – Напиваюсь?

– Слушай, Джерри, Мона мне сказала, что...

– Знаю. Что она меня любит. И что это было помрачением, минутным помрачением. Ну и что?

– Джерри, так же нельзя. Нам нужно работать.

– Я уже все сделал. Больше я вам не нужен.

– Ненавижу, когда мужчина так падает духом из-за бабы.

– Просто мне нравится напиваться, – сказал я. – Мона здесь ни при чем.

– Ты без ума от нее, Джерри...

– Это ты без ума, – ответил я, чем, похоже, сильно его обидел.

Барнаби закрыл дверь. Я достал вторую бутылку и задумался, есть ли хоть один шанс у простого рекламщика, если в дело вступила кинозвезда? Через некоторое время я уснул.

Проснулся я ужасно голодным и сразу позвонил насчет еды. У кофе был странный привкус. Слишком поздно я это понял. Получив хорошую порцию нембутала, я вырубился.

Я пришел в себя с легкой головной болью и ощущением того, что что-то не так. Немного полежал не двигаясь. Из коридора доносились отдаленные крики и выстрелы.

Судя по настенному календарю, я проспал два дня и одну ночь. Вероятно, мы уже где-то возле пояса астероидов.

Бах! Бах! – раздалось в коридоре. Я встал и проверил дверь – она была заперта. Впрочем, замок оказался хлипким.

В коридоре один человек стрелял под ноги другому, загоняя его обратно в каюту.

– Эй! – позвал я.

– Ты тоже, – сказал стрелявший. – Убирайся отсюда, живо!

Он выстрелил под ноги и мне, и тогда я двинул ему в челюсть. Он грохнулся навзничь. Я забрал пистолет. Голова все еще немного кружилась.

– Ад вырвался наружу, – сообщил парень. – Это один из чертей. Кетч здесь, на корабле!

– Пошли, – сказал я и направился в рубку управления, откуда доносился самый сильный шум.

Космолетчик последовал за мной. Заворачивая за угол, я успел заметить Руперта Керригана, который, как и полагалось по плану, шмыгнул в радиорубку и запер за собой дверь.

В тот же момент к двери радиорубки подскочили четверо здоровенных парней и одним ударом сорвали ее с петель. Я решил, что это уже чересчур. Керриган должен был забаррикадироваться.

Внезапно правую руку обожгла боль. Я резко обернулся. Передо мной стоял человек с жесткими чертами лица и держал меня на мушке.

– Брось пистолет.

Я повиновался. Из радиорубки, волоча Керригана, вышла та четверка.

– Он передавал сигнал бедствия, – сказал один.

– Слушайте, – спросил я, – что происходит? Где Андервуд?

Парни с усмешкой переглянулись:

– Андервуд? Стало быть, ты Джерри Морс.

– Да. А тебя я не знаю.

– Узнаешь. Топай в рубку управления.

Под дулом пистолета, направленного в живот, меня повели навстречу моей судьбе; сзади тащили Керригана, пребывавшего в полуобморочном состоянии. Я уже догадывался, что происходит, хотя поверить в это было почти невозможно.

В рубке управления находились Рекс Барнаби и Мона Айриш, они сидели у стены, бледные как мел. Кресло пилота занимал какой-то незнакомый человек. Спинай ко мне, широко расставив ноги и разглядывая телекарту маршрута, стоял еще один широкоплечий парень.

– Андервуд! – рявкнул я.

– Ты Морс?

– Да!

– Андервуд не смог прийти. Ты хотел видеть Перси Кетча, не так ли? Что ж, смотри, сынок.

Бороды у него не было, но я попытался представить ее на лице этого сурового загорелого сероглазого человека.

– Ох!

– В чем дело, Джерри? – взвыл Барнаби. – Во что ты меня втянул?

– Заткнись, – сказал Кетч. – Ну что у тебя, Дженнингс?

Дженнингс показал моток радиопленки:

– Этот парень передавал наши координаты. Если бы патрульный корабль их принял...

– Хорошо, – кивнул Кетч. – Дженнингс, бери на себя рацию. Докладывай мне обо всем, что услышишь. Возможно, нам придется быстро сматываться. – Не обращая на нас внимания, он повернулся к телекарте и принялся ее изучать. – Хортон, астероид недалеко от нас.

– Понял, кэп, – ответил человек в кресле пилота.

– Поищи, где можно спрятаться, если потребуется.

– Слишком сильное отражение, – сказал Хортон. – Черный корабль будет светиться, как комета.

– Вода где-нибудь есть?

– Вроде есть.

– Нам уже доводилось прятаться под водой, – заметил Кетч. – Что, Дженнингс?

Радист держал в руке радиопленку.

– Патрульные корабли близко, пятьсот миль, быстро приближаются.

Кетч остался спокоен.

– Астероид, Хортон. На корабле есть лучевые пушки?

– Только пистолеты, – усмехнулся Дженнингс.

– Ладно, придется где-нибудь затаиться, пока не уйдет патруль. Потом потихоньку смоемся. Я знаю места, где можно раздобыть пушки и снаряды.

– Не имеете права! – внезапно завопил Барнаби. – Я Рекс Барнаби!

– А я Перси Кетч, – улыбнулся высокий пират. – Знаешь, мне было лестно, что ты снимаешь обо мне фильм. Но в конце ты все переврал. Я не погиб на Церере.

– Хотелось бы знать, что ты собираешься с нами делать, – сказал я.

– Подержу на борту, пока не получу выкуп. Но не всех. Остальных посажу в спасательную шлюпку и отправлю восвояси. Я убиваю только в бою, Морс.

– За мою шкуру не очень-то много выручишь.

– Хорошо, значит, тебя и отправим в шлюпке. А вот за Мону Айриш, Рода Керригана и Барнаби Великого я получу славный куш.

Я быстро взглянул на Мону. Она старалась удержать трясущуюся челюсть.

– Начинается, – сказал пилот. – Держитесь!

Корабль резко пошел вниз. На экране возник небольшой астероид. На его сверкающей медью поверхности поблескивали немногочисленные озера. К одному из них – маленькой площадке среди острых скал – мы и направились.

Мы приводнились с шумным всплеском, даром что пилот включил перед посадкой тормозные дюзы. Я надеялся, что нас заметят с патрульных кораблей, хотя и понимал, что это крайне маловероятно.

«Налетчик» накренился, сделал поворот вокруг своей оси и наконец замер на поверхности озера. Это очень меня удивило, поскольку огромным космическим кораблям требуется много места. Потом я вспомнил, что новые стальные сплавы легче даже алюминия, поэтому

удельный вес нашего корабля *in toto*² меньше, чем может показаться. Но как отлично был виден его черный корпус на сверкающей поверхности озера!

– Балластные резервуары! – скомандовал Кетч. – Погружаемся!

Пальцы Хортонга замелькали над панелью управления. На экране возникли мутные волны. Через минуту Кетч кивнул:

– Мы опустились на тридцать футов, этого хватит. Кстати, а что это такое? Вроде не вода. Дженнингс взял пробу.

– Сульфат меди, кэп. Ничего хорошего.

– Так. – Кетч обернулся ко мне. – Дважды я находил на астероидах золото; может, найду и на этот раз. Сядь, Морс. Давай-ка выпьем пива и поговорим. С тех пор как я потерял мой «Налетчик», я впервые могу расслабиться. Между прочим, благодаря твоей реставрации, Барнаби.

Барнаби застонал.

Керриган постепенно приходил в себя. Увидев меня, он возмущенно заявил:

– Они меня ударили!

– Ну и что? – хмыкнул я. – Зато ты успел отправить сообщение. Возможно, патрульные корабли нас найдут.

Кетч покачал головой:

– И не мечтай. Мы на глубине тридцать футов под яркой отражательной поверхностью.

Лучше выпьем пива.

Один из пиратов принес бутылки, и Кетч раздал их нам.

– Дженнингс, где остальные? – спросил он.

– Заперты на гауптвахте.

Кетч тихо рассмеялся:

– Вы и ее отремонтировали. Ты сделал мне великолепный подарок, Барнаби.

– Как тебе удалось выбраться? – спросил я, потягивая пиво.

– Помнишь, как нас расстреляли у Цереры? Но у меня было припрятано несколько запасных шлюпок. К тому же уцелел кое-кто из экипажа. Мы сбежали и хорошенько спрятались. Бороду я, естественно, сбрил.

– А как ты узнал о...

– Реклама, Морс. Твоя работа, не так ли? В газетах я прочел, что Барнаби занят восстановлением «Налетчика». Разумеется, я не надеялся, что корабль так отлично отремонтируют, но все же решил: попробую его угнать. Ты мне очень помог твоим рекламным трюком.

– Андервуд рассказал?

– Нет. Ты же нанял еще шестерых. В их числе был мой человек. Я созвал ребят, и мы убрали ваш экипаж, включая Андервуда. Потом заняли их места на корабле, и никто ничего не заметил. Ты единственный знал тех шестерых в лицо, поэтому пришлось тебя усыпить, чтобы все прошло гладко.

– Я с ума сойду, – простонал Барнаби.

– Подумай о рекламе, – улыбнулся Кетч. – Выкуп за тебя, признаюсь, будет не маленький, зато на своих фотографиях ты заработаешь уйму денег. Но что мы все о деле да о деле? Считайте, что вы у меня в гостях, джентльмены. И вы, мисс Айриш...

Мона встала.

– В таком случае я иду в мою каюту, – заявила она. – И если кто-то посмеет ко мне приблизиться, я буду кричать.

Кетч также встал:

– Ключ в двери. Если вам что-нибудь понадобится, звоните.

---

² Полностью (*лат.*).

Мона ушла. До меня вдруг дошло, что я обязан вытащить ее из этой передраги, ведь в какой-то степени виноват я сам. И уж конечно, я не намерен сесть в шлюпку и отчалить, оставив Мону в руках Кетча.

Если бы я мог подать сигнал патрульным кораблям...

Я хлебнул пива и задумчиво взглянул на Кетча:

– Мне тоже можно пойти куда захочу?

– Разумеется, – ответил он. – Будь как дома.

Его приглашением я воспользовался позднее, когда Кетч и Барнаби уселись играть в покер. Барнаби вдруг захотел, чтобы Кетч исполнил главную роль в «Черном бродяге». Фильм будет сниматься в тайне, а безопасность Кетча будет гарантирована – самим Барнаби.

Он всерьез пытался уговорить пирата принять участие в этом идиотском мероприятии! Кетчу удалось сдержать смех.

Керриган, похоже, снова почувствовал себя плохо, поэтому я отвел его в каюту. После этого пошел бродить по кораблю, по пути постучав в дверь Моны.

– Как ты? Это я, Джерри.

– Хорошо... О, Джерри...

– Выше нос, – посоветовал я и бодро зашагал дальше.

Пират в радиорубке извинился, что не может меня впустить. Я слонялся по кораблю в поисках изолированного провода.

Вспомогательный машинный отсек, где находился генератор, не охраняли. Я чуть приоткрыл подачу питания, надеясь, что никто этого не заметит.

Наконец я обнаружил скафандр. Баллона с кислородом не было. Кетч принял меры предосторожности.

Без кислорода не сбежишь. Зато можно недалеко отойти от корабля. Удастся ли вернуться, этого я не знал. И все же решил рискнуть. Взял провод, подсоединил его к генератору и протянул в одно из отверстий для ракетных капсул. Затем надел скафандр и выбрался наружу через обычный входной люк.

Думаю, Дженнингс меня видел, однако он знал, что далеко мне не уйти.

Гибкий трап, спускающийся из люка, оказался очень кстати. Найдя мой провод, торчащий из отверстия, я тщательно примотал его к трапу. К этому времени я уже практически задыхался.

Каким-то чудом мне удалось взобраться на корабль, хотя я почти потерял сознание. Ничего не видя перед собой, я заколотил в дверь кулаками, и вот наконец в легкие хлынул воздух.

Выбравшись из скафандра, я вернулся в рубку управления. Там Кетч потягивал пиво; увидев меня, он подмигнул.

– Ходил прогуляться? – спросил он.

– Катись к Плутону, – буркнул я.

– Слушай, – убеждал его Барнаби, – бросай ты эту канитель с выкупом, летим со мной. «Черный бродяга» с Перси Кетчем в главной роли! Патруль не хватится, пока наша киношка не выйдет на экраны.

– Если ты гарантируешь мне встречи со зрителями, то заметано, – сказал Кетч, подмигнув мне. – Морс, этот парень спятил. Он что, не понимает, что за такие штучки его приговорят к пожизненному?

– Очень на это надеюсь, – сквозь зубы процедил я.

– Заткнись, Джерри, – величаво приказал Барнаби. – Кетч понимает, что я дело говорю.

– Патрульные корабли перестраиваются, сэр, – сообщил появившийся в дверях Дженнингс. – Нас еще не обнаружили, но взяли в кольцо астероид.

– Отлично, можно поспать. Выстави охрану, Дженнингс. – Кетч зевнул. – Прошу прощения, джентльмены.

Он вышел. Бросив на Барнаби прощальный взгляд, я последовал за Кетчем.

Мы взлетели через десять часов, подняв фонтан брызг. Патрульные корабли отошли друг от друга на такое расстояние, что пиратское судно, созданное невидимым, легко проскочило между ними. Пиратам ничто не угрожало.

Мы все завтракали в рубке управления, когда к нам с дикими глазами ворвался Дженнингс.

– Кэп! – завопил он. – Нас обнаружили!

– Ты с ума сошел, – сказал пират, спокойно попивая кофе. – Они слишком далеко.

– Были далеко, а теперь совсем рядом. Они нас видят!

– Они не могут видеть черный корабль.

– Не могут, – вздохнул Дженнингс, – и все-таки видят. Нам приказывают остановиться.

Кетч повернулся к пилоту:

– Попробуй оторваться. Уйдем от погони. У нас получится.

Вместо ответа на панели замигал красный сигнал. Пилот чуть не вскрикнул.

– Тепловой луч направлен нам в нос, кэп.

– Уходи! Им не разглядеть черный корабль!

– «Налетчик» больше не черный корабль, – сказал я.

– Что?!

– Корпус не черный. Он покрыт медью. Отражает свет. Мы прекрасная мишень, и патрульные корабли смогут преследовать нас до самого Плутона.

Кетч осторожно поставил чашку на стол.

– Что ты болтаешь? Патрульные...

– Они видят «Налетчик» и смогут нас остановить огнем тепловых пушек, если потребуется.

– Медь?

– Вот именно. Мы плавали в растворе медного купороса. Скалы под нами были из меди. Я вывел на корпус изолированный провод от корабельного генератора и включил питание. Вот так-то. Корпус «Налетчика» – отполированный металл, Кетч, то есть хороший катод. Ты разве не знаешь, что происходит, если погрузить электроды в раствор сульфата меди и подать на них ток?

– Ты... гальванизировал корабль!

– Да. И вот результат – отличная медная поверхность, видимая для патрульных кораблей.

Кетч достал пистолет:

– Мы будем отстреливаться.

– У вас только пистолеты.

– Живым не дамся, – медленно произнес Кетч.

Я кивнул:

– Разумно. Если дойдет до abordaja, многие из нас пострадают. Но на корабле есть спасательные шлюпки. Они-то черные. И гораздо меньше «Налетчика». Можешь воспользоваться ими.

– Верно. И я прихватю с собой Барнаби, Керригана и девушку. Отказываться от выкупа не собираюсь.

Он что-то резко приказал Дженнингсу, и тот выскочил за дверь. На корабле зазвучал сигнал тревоги.

Пилот вопросительно взглянул на Кетча. Получив в ответ кивок, побежал за Дженнингсом.

Я рванулся к двери и успел выскочить в коридор до того, как она закрылась. Позади раздался хлопок, это стрелял Кетч. Дженнингс и пилот резко обернулись на звук, и я прижался к стене. Дверь рванули с той стороны, и на пороге показался Кетч с тепловым пистолетом в руке.

Дженнингс и пилот держали в руках оружие, но они не открыли огонь из боязни попасть в своего главаря. Я вцепился в руку Кетча, одновременно пытаюсь сделать ему подсечку.

Он упал – и пистолет оказался у меня!

Бах! Бах! Это стрелял Дженнингс. Но он целился мне в макушку, боясь зацепить Кетча, и промахнулся. А я успел заскочить в рубку и захлопнуть за собой дверь, которая сразу затряслась от ударов пирата.

Тепловым лучом я расплавил замок, превратив его в мягкую массу. Затем еще прочнее запечатал дверь, ведя лучом по ее периметру. Вскоре она полностью слилась со стеной. Барнаби что-то выкрикивал, но я не слушал.

– Мона! Брось мне вон тот стул! Рекс, стол! Тащите сюда все металлическое, что сможете оторвать. Скорее!

Они заметались по комнате, швыряя мне металлические предметы, которые попадались им под руку. Я нагромождал их перед дверью и сваривал друг с другом тепловым лучом. Пираты прожгли дверь, они плавил один предмет за другим, но я ставил на их пути все новые преграды.

Барнаби и Керригану удалось оторвать от пола тяжеленный ящик с инструментами – целую кучу металла. Рыча от напряжения и упираясь, они толкали его ко мне. Мы с Моной бросились им на помощь, и вскоре ящик заблокировал дверь. Я немедленно пустил в ход тепловой луч. Долго же пиратам придется разбираться с баррикадой!

В комнате больше не было ничего металлического. Теперь оставалось только ждать и слушать, как – бах! бах! – пираты пробиваются к нам.

Но этого не произошло. Вновь зазвучал сигнал тревоги. Это означало, что к нам подходит космический корабль и что он совсем близко.

Через две минуты я почувствовал, как «Налетчик» легонько содрогнулся, – это отчалили спасательные шлюпки.

На экране появились три крошечные капсулы. Они понеслись прочь, как черные рыбешки, и вскоре растаяли в космической тьме.

– Отлично, – сказал я. – Осталось дожидаться спасателей. Если Кетч уйдет и на этот раз, значит он того заслуживает.

– Джерри, – сказала Мона, – ты был великолепен. А я, кажется, сейчас упаду в обморок.

Что она и сделала. Осторожно оттолкнув Керригана, я успел подхватить ее на руки. Может быть, она и притворялась. Я решил, что поцелую ее и тогда выясню.

Но мне помешали. И вот почему, друзья мои, Рекс Барнаби больше никогда не позволит мне рекламировать его фильмы. Даже после того, как «Черный бродяга» имел колоссальный успех, а студия «Супер филмз» выплатила Барнаби весьма кругленькую сумму.

Я как раз собирался поцеловать Мону, когда Барнаби схватил меня за плечо:

– Вот что, умник, кто это надоумил тебя покрыть корабль медью? Если бы ты не лез не в свое дело, у меня в «Черном бродяге» играл бы сам Перси Кетч!

Вот тут я ему и врезал.

Прямо в нос. И после этого в сравнении с Барнаби даже Мона могла бы считать себя курносой!

Я – Эдем

Глава 1. Очарованный голландец

Теплый ветер, веющий над коричневыми водами Паримы, принес на открытую веранду свежий, резкий запах жимолости. Фергюсон, охваченный необъяснимым дурным предчувствием, внимательно следил за лицом голландца.

У Гроота вздрагивали ноздри. Он протянул усыпанную блестящими каплями пота толстую руку и взял стакан, однако пить не стал. Сделал глубокий вдох, закрыл глаза, и по большому рыхлому телу пробежала новая волна дрожи.

– Запах... Там был запах очень сильный, – сказал Гроот. – И деревья синие-синие... У них огромные гадкие шипы, вот такие... Нет, наверное, еще хуже. Но все цветы наблюдали. И пахли.

Темные глаза Фергюсона стрельнули в сторону бамбуковой ширмы, перегораживавшей веранду. Ему почудилось скрытое движение, и он исподтишка сделал предостерегающий жест. Возня за ширмой прекратилась. По счастью, Гроот был слишком пьян, иначе бы он наверняка услышал чье-то тяжелое дыхание.

– Ну-ну, цветы, стало быть, пахли, – подстегнул его Фергюсон. – Хотя на Амазонке вы должны были привыкнуть к запахам.

Гроот поставил стакан и потер смуглое лицо.

– Есть грехи и грехи, – произнес он. – Свою долю заповедей я нарушил, йа. Но там совсем другое. Я все время боялся, а на обратном пути страх был еще сильнее. У доктора свой научный интерес... Для него она только ценный экспонат. Но он тоже испугался. Я... почувствовал, как лес замер, когда мы схватили ее.

– Там были индейцы? – предположил Фергюсон.

Гроот вяло махнул рукой:

– Индейцы! Ну нет... не коричневые дикари. Я знаю их. Им не напугать меня так, чтобы я вспотел и ощутил, как внутренности проваливаются куда-то. Это было похоже на то, как жизнь останавливается, когда ударишь человека. Только она не совсем остановилась.

Новый порыв ароматного ветра заставил Гроота вздрогнуть. Фергюсон наполнил его стакан.

– Спасибо. Послушайте, ну... вы же ученый. Я – нет. Я просто шатаюсь по Бразилии туда-сюда. Я человек необразованный, но и несусеверный. Ходят слухи, что в лесу есть места, где кто-то обитает... ну, я иду туда, а там никого нет. Но об этом месте индейцы ничего не говорят и туда не ходят. Двадцать лет назад ходили. Потом вдруг что-то случилось. – Гроот нервно заерзал. – Не хочу я говорить об этом. И думать не хочу. Мне страшно. Мне все кажется... что я должен вернуться... чтобы помочь девочке. Понимаете, это тяжкий грех... Грех на моей душе. – Он с трудом поднялся. – Пойду-ка лягу. Не надо больше джина, нет. С меня хватит.

Фергюсон промолчал. Гроот осторожно спустился по ступеням, обернулся и сказал:

– Скалы дрожали. Я чувствовал, как земля уходит из-под ног. И эти цветы...

Он замолчал и пожевал нижнюю губу. Покачал головой, пожал плечами и покинул веранду. Джим Фергюсон проводил взглядом грузную фигуру, удаляющуюся в направлении селения. Допил джин и нахмурился, ощущая приторно-сладкий запах мадреселвы, речной жимолости, растущей по берегам Паримы. Наконец потер небритый подбородок и сказал:

– Выходите. Вы так шумели, что вспугнули голландца. Боялись, что я отправлюсь на поиски без вас?

Из-за ширм вынырнул Том Парри – худощавый, жилистый, насмешливый человек с ножевым шрамом на щеке.

– Может быть, – ответил он. – Я всегда не доверял джентльменам, и эта привычка никуда не делась.

– Польщен. – Фергюсон снова налил себе. – Где Сэмпсон?

– Здесь, – отозвался Сэмпсон, появляясь следом за Парри.

Этот приземистый смуглый человек говорил мало, но, похоже, слышал все. Он подтащил кресло, сел и потянулся за бутылкой.

Взгляд серых глаз Парри метнулся к Фергюсону.

– Ну?

Фергюсон усмехнулся:

– Что «ну»? Больше из Гроота ничего вытянуть не удалось. Теперь он просто повторяется.

Парри поморщился:

– В таком случае чего мы ждем?

– Ничего. Можем отправиться вверх по реке хоть завтра, если хотите.

– А как насчет защитных костюмов?

– У доктора Кейнса есть несколько. Он, должно быть, знал, чего ожидать. Просвинцованная одежда – то, что нужно. Однако нам не стоит задерживаться из-за этого. Чтобы спуститься к Манаосу и вернуться, потребуется пара недель, и у кого-нибудь могут возникнуть вопросы.

– Костюмы защитят нас от радиации?

– Да. – Фергюсон снова усмехнулся. – А вот от кое-чего другого – вряд ли. В этом таинственном лесу, возможно, есть особое излучение.

– Главное, там есть радий, – бросил Сэмпсон.

– Да, – согласился Парри. – Если Гроот не приведет нас туда, это сделает девчонка. Но чего голландец так испугался? Призраков?

– Собственной совести, – ответил Фергюсон. – У всякого своя ахиллесова пята. Моя, правда, несколько иного рода, но...

– Это из-за нее ты плаваешь по Бразилии с проходимцами вроде нас, а не занимаешься металлургией в Нью-Йорке, строя из себя важную персону? – язвительно спросил Парри.

Стрела не достигла цели. Фергюсон устремил на Парри спокойный взгляд темных глаз:

– Да. Вам повезло, что я в состоянии определить радий.

– Десять тысяч долларов, – намекнул Сэмпсон.

Парри усмехнулся:

– Мы можем получить десять миллионов. Кроме того, Гроот отдал камешек на хранение местному падре. Здесь, в лесах, это надежнее любого банка. Пусть себе лежит пока.

Это надежнее, да. Фергюсон предупредил священника, чтобы тот хранил радиоактивную руду в специальном свинцовом контейнере. Почему Гроот отдал образец на хранение, а не спустился с ним по реке до Манаоса или Рио? Вот над чем стоит поразмыслить. Как будто, подумал Фергюсон, какая-то неосвязаемая нить все еще связывает голландца с этой фантастической частью леса, где он увидел... то, что увидел.

Наблюдая за тем, как река медленно катит свои воды, Фергюсон вздохнул. Где-то в ее верховьях сейчас находится доктор Эндрю Кейнс, владеющий тайной, которую не смог раскрыть Гроот. Не смог потому, что испытал сильнейшее потрясение, получил психическую травму. Он запнулся на пороге неизведанного, едва заглянув туда, где земля уходит из-под ног, а скалы дрожат и цветы смотряют.

Ни одному человеку не дано наглухо запереть дверь в свое прошлое. Хотя Фергюсон вот уже пять лет плыл по течению, лишенный амбиций и надежд, сейчас к нему вернулось что-то от прежнего неумного любопытства. Описанное Гроотом месторождение радия – это, вероятно, целое состояние, однако тайна, скрывавшаяся где-то в верховьях реки, оттеснила в сознании

Джима Фергюсона возможность разбогатеть на второе место. И он уже был готов пуститься в плавание, подгоняемый знакомым зудом азарта.

Жаркий ветер Бразилии, насыщенный тошнотворным ароматом цветов, дул не переставая.

– Нужно прихватить побольше оружия, – произнес вдруг Фергюсон.

Парри удивленно посмотрел на него:

– Как скажешь. Но зачем? Думаешь, могут быть неприятности?

– Не знаю, – прошептал Фергюсон, и его снова охватило дурное предчувствие, вызванное словами Гроота. – Возможно, Парри. Все возможно. Понимаешь, Гроот рассказал не обо всем, что видел или... чувствовал. Я не психолог, но тут я не сомневаюсь. Его разум просто не в состоянии осмыслить некоторые вещи, происходящие там. И пока эти вещи не задевают его лично, он может делать вид, что их не было.

Парри выглядел сбитым с толку:

– Что-то я не понимаю.

Фергюсон кивнул в сторону затянутой туманом голубой стены гор, возвышающейся над полосой джунглей.

– Если съерра Параканья вдруг сдвинется с места, пройдет мимо нас и исчезнет за горизонтом, это будет настолько невероятно, что твой разум не позволит тебе признать, что ты видел это. Ведь если ты согласишься с тем, что горы способны ходить, то окажешься на грани безумия. Так действует защитный механизм подсознания.

– Горы способны ходить? – презрительно фыркнул Сэмпсон. – Это, похоже, джин в тебе говорит.

Однако взгляд Парри был по-прежнему настороженным.

– И что такого, по-твоему, Гроот там увидел? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Фергюсон. – Не знаю. Может, увидел, как... горы ходят.

Пять дней на каноэ, три пешком, и вот они уже на месте, у подножия могучего хребта Параканья. Гроот отправился с ними. Фергюсон полагал, что голландца заставили это сделать муки совести. Гроот почти все время молчал. Постоянное нервное напряжение сделало его раздражительным, одутловатое лицо заметно похудело. Странно, но у доктора Эндрю Кейнса, похоже, наблюдались те же симптомы, и это заставило мысли Фергюсона течь в новом направлении.

Кейнс ютился в развалинах экспериментальной станции. Местные рабочие подлатали постройку, и результат оказался лучше, чем ожидал Фергюсон. Однако над территорией станции повисло тягостное молчание, не было слышно обычного негромкого щебетания индейцев. Парри тоже отметил это и расстегнул кобуру на поясе. Сэмпсон решительно двинулся вперед – приземленный, лишенный воображения, он не ощущал даже намека на разлитую вокруг тревогу. По лицу голландца струился пот.

Дверь распахнулась; на пороге стоял высокий седоволосый мужчина в брюках из грубой хлопчатобумажной ткани и майке, с ружьем на изготовку. Фергюсон отметил, что при виде пришедших он заметно успокоился, хотя напряжение полностью не исчезло. Седой молча подождал, пока Фергюсон и его спутники приблизятся.

– Доктор Кейнс, – неуверенно заговорил Гроот, – я вернулся...

Седой взглянул на него:

– Она все еще тут, Ян.

– Э-э-э... осложнений не было, доктор?

Кейнс какое-то время разглядывал Гроота, затем повесил ружье на плечо стволом вниз.

– Заходите, – сказал он. – Внутри прохладнее. Пусть ваши друзья тоже войдут... Знакомьте нас.

В помещении, куда не проникало солнце, и впрямь было настолько прохладно, насколько возможно в здешних условиях. Кивнув на кресла, Кейнс занялся выпивкой. Проследив за взглядом Гроота, Фергюсон увидел тяжелую дверь с крепким засовом и новеньким висячим замком.

– Лда нет, – сказал Кейнс. – Двадцать лет назад тут был генератор, но индейцы давным-давно разобрали его. Между прочим, они уже неделю как сбежали, Ян.

– Понятно. Ну... это мистер Фергюсон, мистер Парри и мистер Сэмпсон. Они... они попросили меня проводить их... – Гроот запнулся.

В глазах Кейнса вспыхнули веселые искорки.

– По-видимому, я проявил излишнюю щедрость. Если бы я не дал вам тот образец радия... Но мне показалось, что вы так страстно желали заполучить его...

– Вы угадали, доктор, – сказал Парри. – Там, откуда этот образец, есть и еще?

– Есть. И я не заявлял права на месторождение.

– Почему? – спросил Сэмпсон.

Кейнс не отвечал. Голландец ткнул массивным пальцем в сторону запертой двери:

– Она там?

– Да, Ян. С тех пор как вы ушли, я держу ее на снотворном. Она в бессознательном состоянии.

– Она? – спросил Фергюсон. – Знаете, я человек любопытный. Кто она такая?

Кейнс протянул длинную руку, взял плоский металлический ящичек и открыл. Что-то вроде походной аптечки, вполне профессиональный набор.

– Рад, что вы пришли, – сказал он. – Я не спал уже несколько суток... даже, наверно, недель... точно не помню. Боялся, что придется убить ее, но не был уверен, что смогу. Поэтому не даю ей проснуться.

Он сунул ящичек Фергюсону, и тот машинально взял.

– Убить ее?! – в один голос воскликнули Фергюсон и Парри.

– Покажу вам, как делать подкожные инъекции... Я использую апоморфин, большую дозу.

– Я умею, – сказал Фергюсон.

– Хорошо, – не выказав ни малейшего удивления, пробормотал Кейнс. – Наберите вот столько... колите при первых признаках пробуждения... не позволяйте ей прийти в себя. Я должен немного поспать.

Внезапно стало ясно, до какой степени измотан Кейнс. Он обмяк прямо в кресле, как будто до сих пор держался исключительно на силе воли.

– Доктор? – окликнул Гроот.

– Потом, – прошептал Кейнс. – Все расскажу... потом. Только, Ян... не рискуйте. Держите ее на уколах. В последний раз... ошибка... нельзя...

Голос затих, врач уснул.

– Чистое безумие, – заявил Сэмпсон.

Фергюсон осмотрел флакон.

– Док израсходовал большую часть своего бензедрина. Интересно, сколько времени он не спал?

– Какая разница? – сказал Парри. – Лично меня интересует, нашел ли он еще радий. Вот что нам нужно!

Он шагнул к спящему доктору и начал обыскивать его.

– Он не стал бы хранить радий в карманах, – проворчал Фергюсон.

– Нет, но он может держать там ключ.

– Ключ в замке, – сказал Гроот.

Он уже стоял у двери, глядя на прочную деревянную панель так, словно надеялся про-
сверлить ее взглядом. Когда Парри взялся за ключ, Фергюсон ожидал, что голландец будет
возражать, однако тот не произнес ни слова, хотя дрожь сотрясла его крупное тело.

Парри открыл дверь, перешагнув порог... и замер.

– Какого черта! – слышался его голос. – Сэмпсон! Фергюсон! Идите сюда!

Глава 2. Бегство

Войдя, они оказались в тесной полутемной комнатухе с голыми стенами, где не было ничего, кроме кровати. Свет скупо проникал через грязное окно. На армейской койке лежала девушка, укутанная в старый фланелевый купальный халат. Тонкие запястья и лодыжки были связаны прочными веревками.

Она спала. Крошечные точки на голом предплечье указывали места, куда врач колол снотворное.

Это была не индианка. Ее волосы казались чистым серебром, но они были не седые, а шелковистые, гладкие, с блеском полированного металла. Даже связанная, она лежала в спокойной и естественной позе. У девушки была белая светящаяся кожа, под которой проступал более темный тон – как на тонкой слоновой кости, если держать ее против света.

– Чувствуете? – прошептал Гроот.

– Что? – резко спросил Парри.

– Ну... что-то особенное. Не знаю! Только это неправильно. Она не должна быть здесь. Это грех – забрать ее из леса. – Гроот тяжело шагнул вперед и замер, склонившись над девушкой. – Грех... Земля – ее мать... а мы отняли ее у земли. Проснись! – внезапно закричал он, обхватив большими руками плечи девушки. – Проснись! Ты лежишь здесь, как мертвая... Я не могу смотреть на это!

Ресницы девушки задрожали. Внезапно все стоявшие инстинктивно отпрянули – неподалеку раздался громкий крик. Он очень напоминал человеческий, но Фергюсону уже доводилось его слышать, и он знал, что это крик ягуара.

Снаружи на дверь обрушился сильный удар. За этим последовали скребущие, царапающие звуки и снова яростный вопль. С поразительной быстротой Сэмпсон метнулся в соседнюю комнату; сейчас он не казался неуклюжим коротышкой. Схватив ружье Кейнса, он исчез из поля зрения Фергюсона.

Девушка открыла глаза, очень-очень черные – зрачок сливался с темной радужной оболочкой.

Дверь снова содрогнулась, и раздался вой.

– Парри! – закричал Сэмпсон. – Тут еще две кошки на подходе!

Раздался выстрел. Предсмертный крик ягуара заглушили новые тяжелые удары в дверь.

– Они никогда так себя не ведут... если их не подстреляют. – Парри посмотрел на девушку, выругался и бросился к входной двери.

Девушка лежала и ждала – прекрасная, погруженная в себя. Ее лицо ничего не выражало. Гроот в отчаянии заламывал руки. Фергюсон посмотрел на него:

– Ян, перестаньте! Нужно прогнать кошек.

Гроот схватил Фергюсона за руку:

– Бесполезно. Она призовет новых.

– Вы с ума сошли!

– Не знаю, что делать, – трясясь, продолжал голландец. – Она... она убьет нас всех... Это она приманила сюда ягуаров.

– Как такое возможно?

– Спросите у него. – Гроот кивнул на дверной проем. – Спросите у него. Он знает!

Там стоял доктор Кейнс с мутными глазами, с полным шприцем в руке, обнажив зубы в безрадостном оскале.

– Не вовремя я уснул, – сказал он.

Ружье рывкнуло, ему вторил вой ягуара.

Кейнс торопливо подошел к койке, взял девушку за руку, сделал складку на бледной коже и вогнал туда иглу; девушка не смотрела на него.

– Вы убьете ее! – воскликнул Фергюсон.

– Нет, – ответил Кейнс. – Этим не убьешь. Просто поспит еще. Пока она бодрствует, нам угрожает опасность. Смотрите и слушайте.

Ружье бухнуло снова, затем последовал более резкий звук пистолетного выстрела. Вопли ягуаров зазвучали еще яростнее. Мощное тело врезалось в дверь, раскалывая дерево.

И вдруг вопли смолкли.

Фергюсон посмотрел на девушку. Ее глаза закрылись.

– Мы напугали этих тварей! – закричал Парри. – Они удирают!

– Она спит, – хрипло сказал Гроот.

– Это уже третий случай, – заметил Кейнс.

Фергюсон непонимающе посмотрел на него:

– Но кто она? Что она такое?

– Зовите ее Цирцеей³, – ответил Кейнс.

Пошатываясь, он вернулся в соседнюю комнату, рухнул на койку и уснул снова.

Так, не шевелясь, он проспал шесть часов. Фергюсон ждал с аптечкой наготове, но все было спокойно. В какой-то момент ему послышались звуки из-за двери, и он пошел взглянуть, но девушка не шевелилась. Парри и Сэмпсон спали, а Гроот никак не мог заснуть и все время невнятно бормотал.

Перед восходом солнца, в сероватом прохладном сумраке Кейнс и Фергюсон пили крепкий черный кофе и вели беседу. Парри и Сэмпсон лежали на койках, однако Фергюсон сомневался, что они спят.

– Я рад, что вы пришли, – говорил Кейнс. – Один я наверняка сошел бы с ума. Я имею в виду, наедине с ней. Что касается психической травмы, о которой вы упоминали... – (Фергюсон поделился с доктором своими соображениями по поводу возникшего у Гроота психического блока.) – Да, такое вполне возможно. В лесу происходили странные вещи, и я тоже помню далеко не все.

– Гроот говорил о цветах... и камнях.

– Да. Моя гипотеза такова... – Кейнс заколебался. – Это трудно объяснить. Больше двадцати лет назад сюда пришла группа ученых. Они пришли построили эту станцию... хотели проводить эксперименты с атомной энергией. Но ничего не вышло, и они вернулись. Только один остался, физик по имени Брюс Джеклин. К нему приехала жена. Спустя какое-то время они с несколькими индейцами ушли дальше в лес и уже не вернулись.

– Думаете, Джеклин нашел нечто ценное?

– Нет, – ответил Кейнс. – Думаю, он это создал. Даже сейчас нам не так уж много известно об атомной энергии. По-моему, Джеклин наткнулся на что-то совершенно невероятное. Я даже предположить не могу, что это было... или есть. Но некоторые результаты видел. Сила, которая может творить туманности в космическом пространстве, может рождать жизнь или развивать ее, – такая сила способна на любые чудеса. Мистер Фергюсон, вы знаете, что вызывает мутации?

– Ну, высокая радиация, к примеру.

– Воздействуя на зародышевую плазму. Однако представьте себе нечто в миллион раз более мощное, активирующую силу, заключенную в атомном ядре, волшебную палочку, которая заставляет мутировать не только людей, но и...

Он замолчал, и Фергюсон закончил за него:

---

³ В греческой мифологии волшебница, владычица острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней.

– ...Растения?

– Камни. – В глазах Кейнса появился безумный блеск. – Не могу вспомнить... сейчас... хотя раньше помнил. Мне довелось это увидеть. Суперраса... Нет, не совсем так... Не знаю. – Его взгляд погас. – Я нашел дневник. Джеклин оставил его здесь, когда уходил с женой в лес. В дневнике мало записей, но кое-что важное я узнал: его жена ждала ребенка.

Фергюсон бросил взгляд на запертую дверь:

– Так вы думаете...

– Она не индианка. Сейчас я вообще не уверен, человек ли. Была мутация. Может быть, это самое высокоразвитое человеческое существо, когда-либо рождавшееся на Земле. Вы видели, какой властью она обладает над животными. По-моему, на это способен только организм высшего порядка.

– Однако управлять людьми она не может.

– Нет. Хотя... Вообще-то, может немного. Понимаете... это такое тонкое, неуловимое чувство. Я не раз испытывал почти непреодолимое желание отпустить ее. Отчасти из-за этого вынужден держать ее в одурманенном состоянии – я не доверяю себе.

– Но нельзя же держать ее здесь вечно. И как насчет правового аспекта? Не говоря уже о моральном!

Кейнс насупился:

– Если сейчас дам ей уйти, она никогда не вернется. Мы с Гроотом поймали ее, потому что она этого не ожидала. Второй раз такой номер не пройдет. Фергюсон, я не расскажу вам даже о малой толике могущества, которым она обладает, – вы мне просто не поверите. Отпустить ее – это преступление.

– А не преступление – томить ее взаперти?

Кейнс, казалось, не слышал.

– Если мне удастся вернуть ее к цивилизации, увезти подальше от этих зверей, к которым она так привязана, научить английскому, мы узнаем много интересного. Уверен, она достаточно умна. Что бы Джеклин ни обнаружил, это не должно остаться потерянным для мира. Метод искусственных мутаций... может быть, новая раса сверхлюдей... Ну подумайте сами, если бы вы нашли источник молодости, неужели не захотели бы рассказать о нем всему миру?

– Возможно, – ответил Фергюсон. – Вы не помните, что еще там случилось?

Доктор потер лоб.

– Не уверен... – Он поднялся. – Поговорим об этом позже. Пойду поищу Гроота. – И он вышел.

– Чокнутый, – подал голос Сэмпсон.

Фергюсон улыбнулся:

– Думаешь? Еще остался кофе. Хватит притворяться. Что такого особенного вы рассчитывали подслушать?

Сэмпсон и Парри встали с коек и взяли из рук Фергюсона чашки с кофе.

– Ты образованный человек, – сказал Парри. – Полагаю, он говорил больше для тебя, чем для нас.

Сэмпсон осмотрел свой пистолет.

– Это были голодные ягуары. И они почуяли еду.

Парри, однако, не был в этом уверен.

– Фергюсон, как, по-твоему, в том, что сказал Кейнс, есть смысл?

– Честно говоря, не знаю. Он ведь даже не в состоянии описать, что именно видел. Там было что-то настолько невероятное, что подсознание не позволяет ему вспомнить.

– Думаешь, он догадывается, зачем мы сюда явились?

Этот вопрос заставил Фергюсона улыбнуться.

– Конечно. Он же не дурак. Просто его не интересует радий. Это не его сфера деятельности.

– Могут возникнуть осложнения?

– Кейнс нам не мешает, я уверен.

– Я тоже так думаю. – Сэмпсон спрятал пистолет в кобуру.

Однако не успел он застегнуть клапан, как в комнату ворвался Кейнс с белым как мел лицом.

Он ринулся к двери и принялся дрожащими руками отпирать ее. Парри с Фергюсоном недоумевающе переглянулись, встали и подошли к нему. Сэмпсон остался на месте, холодно наблюдая за происходящим.

Наконец Кейнс справился с дверью. Через его плечо Фергюсон увидел пустую койку и лежащие на одеяле разрезанные веревки. Окно было открыто.

Кейнс сразу обмяк. Фергюсон хотел поддержать его, но доктор усилием воли взял себя в руки.

– Сумасшедший голландец! – процедил он сквозь зубы.

– Что случилось? – спросил Фергюсон, хотя уже понял.

– Я вышел и заметил, что окно открыто, – ответил Кейнс. – Это Гроот постарался сегодня ночью. Девушка проснулась. Если он без защитного костюма, ему конец. Чертов идиот!

Кейнс вышел в соседнюю комнату. Парри наклонился к Фергюсону:

– Значит, голландец удрал? Вместе с девчонкой?

– Похоже на то.

– И кто теперь нас поведет?

Не ответив, Фергюсон последовал за Кейнсом. Доктор открыл высокий шкаф и принялся разглядывать висящие там темные балахоны.

– Он взял костюм, это хорошо. Но ничего у него не получится, пусть и не мечтает! Подумать только, самое крупное открытие из всех, когда-либо сделанных человеком, из-за чьей-то сентиментальности будет потеряно навсегда! Проклятье!

Кейнс достал из шкафа бесформенный плащ и принялся тщательно складывать его.

– Что вы задумали? – спросил Парри.

– Найду его! – рявкнул Кейнс. – И приведу девчонку обратно!

– Тогда захватите снотворное, – посоветовал Сэмпсон, кивнув на аптечку.

– И не забывайте, что у Гроота пистолет, – добавил Парри.

– У меня тоже, – проворчал Кейнс.

– Не возражаете, если мы пойдем с вами? – спросил Парри. – Вам может понадобится помощь.

Доктор колебался, в его глазах застыла тревога.

– Ладно, – наконец заговорил он, – можете идти, если хотите. Радий там, мне он не нужен. Мне нужна девушка. Только имейте в виду, это очень опасно. Защитных костюмов хватит на всех, но радиоактивные ожоги – не единственное, что может случиться. Решайте сами.

Взгляд Фергюсона скользнул по лицам. У Парри и Сэмпсона они выражали лишь алчность и настороженность. Кейнс, казалось, ни о чем не думал, кроме достижения заветной цели, но за его одержимостью прятался глубокий страх. Из всех четверых только доктор побывал там, куда они направлялись. И не мог отчетливо вспомнить, что он видел.

– Нужно поторопиться, – сказал доктор. – Какое-то время Грооту наверняка придется нести девушку на себе, я дал ей очень большую дозу. Но когда она проснется, нам придется туго. – Он взял аптечку. – Вы не передумали?

– Нет. – Сэмпсон встал.

Парри просто кивнул. Кейнс посмотрел на Фергюсона:

– А вы?

– Я с вами, – ответил тот, непроизвольно дернув уголком рта.

Пока шли сборы, он все еще сомневался. Слишком богатое воображение – вот что его беспокоило. Годы бесцельных скитаний не до конца притупили острый ум; в глубине души Фергюсон оставался ученым, специалистом своего дела. В безопасной асептической обстановке лаборатории непредсказуемых событий обычно не происходит. Ну, уравнение не решается или там химического компонента недостает. Однако по большому счету в лаборатории все под контролем. Здесь же, на таинственном краю мира, события случаются бесконтрольно, они протекают сами по себе, словно огромные реки, берущие начало где-то на вершинах Анд.

Да, неизвестность пугала его. Но любопытство разыгралось так сильно, что поздно было поворачивать назад.

С собой взяли только легкие походные рюкзаки. И двинулись на север, в сторону высоких голубых утесов сьерры. Но не сумели догнать Яна Гроота.

Глава 3. Фантастический край

Когда его нашли, это был уже не Ян Гроот. Было утро второго дня пути. Кейнс с каждым шагом становился все беспокойнее – как человек, приближающийся к чему-то непостижимому, что было стерто мудрым сознанием из его памяти.

– Я не уверен, – сказал Кейнс, когда лагерь свернули и двинулись по еле заметной тропе через джунгли, – но мне кажется, что мы почти на месте. Ничего больше не вспоминается. Я думал, что знаю дорогу... Все так неопределенно. – Он покачал головой.

Сэмпсон упрямо продолжал шагать, а Парри бросал на доктора холодные, подозрительные взгляды. Здесь, в джунглях, Фергюсон стал лучше понимать своих спутников. Обычные авантюристы, не обремененные моральными нормами, поскольку на Амазонке это создало бы ненужные сложности. Парри, как человек с воображением, более опасен; Сэмпсон обладает целеустремленностью и упорством, и сбить его с толку нелегко.

Если бы на кону стояло меньше, Фергюсон, возможно, принял бы меры предосторожности, но здесь богатства хватит на сотню людей. Достаточно ли радия, спрашивал он себя, чтобы наполнить собственноручно изготовленные им контейнеры с защитой из свинца? Хотя, даже если загрузить их наполовину, и этого хватит за глаза.

Опять же, не придется извлекать элемент из руды. По словам Гроота, радий пластами лежит прямо на скалах. Невероятно... Но Фергюсон собственными глазами видел образец, принесенный голландцем.

Его охватило возбуждение. С тех пор как он отдался на волю судьбы, это первая реальная возможность заполучить по-настоящему большие деньги. На этот раз он не упустит удачу.

Кейнс задал вопрос, и Фергюсон прервал затянувшееся молчание:

– У вас наука, доктор, а у меня бизнес. Меня интересует только он. Мне нужен радий, и ничто не помешает мне добыть его.

– Ничто? Вы испытываете судьбу.

– Я слишком хорошо понимаю, как важны в жизни деньги, – играя желваками, с расстановкой произнес Фергюсон. – Они важнее всего на свете. Если понадобится, я готов встретиться лицом к лицу хоть с самим дьяволом. Я хочу вернуться в Нью-Йорк и... Да мало ли чего я хочу!

– Вы специалист... металлург. Вы не можете не понимать, что деньги – это далеко не главное, Фергюсон.

– Только не для меня. Богатство – это все.

Они продолжили путь в молчании, постоянно настороже, ощущая на себе взгляд джунглей. Понимающий взгляд. Это было очень странное чувство, прежде Фергюсон никогда такого не испытывал. Как будто деревья и скалы, мимо которых они проходили, были почти разумными; как будто лес знал, куда и зачем эти люди идут, и не желал их вторжения.

Фергюсону не раз приходилось слышать жалобы особо впечатлительных людей на полное безразличие леса к человеческому присутствию. Он не предполагал, что такое вообще возможно – идти по лесу, от которого исходит столь явственная угроза, пробираться по дикой местности, которая слышит без ушей и наблюдает без глаз за теми, кто посмел нарушить ее покой.

Запах дикой жимолости стал невыносимым.

Гроота нашел Кейнс.

Голландец лежал на тропе, по которой они шли, спеленатый лианами. Зелень так плотно покрывала его тело, что только острый глаз доктора сумел разглядеть в ней голубую рубашку.

Они попытались освободить Гроота от лиан, хотя по тому, как безвольно перекатывалось при этом тело, было понятно, что он мертв.

– Он связан, – сказал Сэмпсон. – Она связала его лианами и сбежала.

– Она – вот этими лианами? – спросил Кейнс. – Не может быть. Вы только взгляните. –

И он приподнял листья.

Все посмотрели, и Фергюсон присвистнул, а Парри, который не верил в такие вещи, вынужден был отвернуться и немного отойти назад по тропе.

Гроот был раздавлен. Как будто над ним потрудился боа-констриктор, огромный удав Амазонки, который может заключить в свои чудовищные кольца человека и превратить его в кровавый комок. Однако Гроота задушили зеленые кольца лиан, это не вызывало сомнений. Стебли в руку толщиной и тонкие, как трава, щупальца – все они оплели человеческое тело, глубоко впились в плоть и сжимались, сжимались, пока не лопнули кости и не прекратилось дыхание.

Кейнс отпустил запястье Гроота.

– Еще теплый. Похоже, это случилось совсем недавно. Не больше часа назад, даже с учетом жары.

– Он умер до того, как за него взялись лианы, – медленно проговорил Сэмпсон, глядя в одутловатое лицо Гроота. – Иначе и быть не может! Как он мог обрасти всей этой дрянью, пока был жив?

– Надеюсь, вы никогда этого не узнаете, Сэмпсон, – ответил Кейнс.

Фергюсон посмотрел на него:

– Вы, похоже, не слишком удивлены. Это одна из тех вещей, о которых вы... забыли?

– Возможно. – Кейнс поднялся, оглядывая лес вокруг. – Да, вполне возможно.

– Эти лианы... Они что, падают с деревьев? И много их тут? Мы должны знать, чего следует остерегаться.

– Это зависит от того, насколько близко мы подошли к долине. Не думаю, что сейчас нам угрожает какая-то опасность. Такие вещи случаются, только когда девушка рядом. – Кейнс посмотрел вниз и грустно добавил: – Бедный сентиментальный дурак! Я предупреждал, что ей нельзя доверять.

К ним подошел Парри.

– Смотрите, – сказал он, – лиана...

Одна из лиан, обвивших мертвое тело, шевельнулась. Фергюсон выхватил пистолет. Это и впрямь выглядело довольно жутко – как будто Гроот понемногу возвращался к жизни в петлях, которые убили его.

Однако стрелять было не в кого. Да, лиана шевелилась. Из листьев плавными, похожими на змеиные, движениями поднимался зеленый бутон на тонком стебле. Затем второй, третий, и еще, и еще.

Первый бутон развернулся, явив изумленным взглядам голубой цветок в зеленом обрамлении. Затем начали раскрываться остальные. Люди стояли и смотрели, как расцветает лиана. Весь процесс занял не более десяти минут. И вот на них глядит множество цветов, голубых, с белой каймой... ну, в точности голубые глаза. Голубые, как у Гроота...

Фергюсон почувствовал, как под рубашкой струится пот. Возникло отвратительное, совершенно необъяснимое чувство, что, будь у Гроота глаза карие, цветы были бы коричневыми с белой каймой.

– Вот мерзость! – воскликнул Парри и пнул лиану.

Листья отпрянули от тяжелого ботинка, а некоторые усики стали раскручиваться и слепо ощупывать воздух, словно щупальца.

Фергюсон нашел место, где коричневый стебель уходил под землю. Грубо оттолкнув Парри в сторону, он двумя ударами мачете перерубил корень. Лиана извивалась, точно змея; отрезанная от источника жизни, она почти мгновенно начала вянуть. Листья сворачивались,

лепестки медленно складывались. Глядя, как закрываются эти невероятные, такие знакомые голубые глаза, Фергюсон испытал смутное чувство вины, будто не лиана, а он убил Гроота.

Голландца похоронили рядом с тропой.

– Ну что, пойдете дальше? – спросил Кейнс.

Остальные ответили «да» и продолжили путь сквозь джунгли. Люди, обуреваемые желанием разбогатеть, бывают очень упрямыми...

– Это здесь, – заявил на третий день Кейнс, останавливаясь у входа в маленькую долину и отводя рукой ветку, мешавшую обзору. – Ваш радиий там, и моя... моя девушка тоже.

В его голосе отчетливо прозвучали ненависть и страх.

Они осторожно спускались по травянистому склону в узкой расщелине, не зная, чего ожидать. Лиан, падающих с деревьев, точно змеи? Ягуаров, с ревом выпрыгивающих из зарослей? Неведомой опасности, которая может появиться неизвестно откуда?

Однако ничего подобного не происходило. Долину со всех сторон закрывали низкие холмы, и путь в нее выглядел как сводчатый вход в пещеру. По ту сторону короткого тоннеля зеленела трава с пятнами солнечного света.

– Долина Джеклина? – спросил Фергюсон.

– Да, – кивнул Кейнс. – Это я помню. До этого места ничего ненормального нет. Джеклин с женой нашли долину и построили здесь станцию. И... дикие джунгли... Они... – Его лицо исказилось от усилия вспомнить. – Нет, забыл. Но я все равно должен пойти туда. Если кто-то из вас передумал, сейчас самое время вернуться.

Не дожидаясь ответа, он поправил рюкзак и с почти сомнамбулической целеустремленностью двинулся вперед. Фергюсон шагал сразу за ним, хотя живот у него свело от нехорошего предчувствия, а кожа приобрела неестественную чувствительность, как будто пыталась вырастить глаза везде, где только можно, чтобы смотреть сразу во все стороны. Пустое. Имей человек целую тысячу глаз, это не обеспечило бы ему здесь безопасности.

Начинаясь от выхода из пещеры, мощенная плитами широкая дорога тянулась среди цветущих деревьев к далекому дому, наполовину скрытому в зелени. Долина, если смотреть на нее отсюда, выглядела как чаша с отлогими склонами, позади которых поднимались покрытые буйной растительностью холмы. Если не считать дороги и дома, никаких признаков человеческого присутствия не наблюдалось. Однако сама долина выглядела странно. Фергюсон прищурился. Она выглядела... неправильно. В его взгляде появилось легкое изумление. Ветра не было, однако джунгли шевелились – мягко, волнообразно, как не могли бы двигаться от ветра.

И еще звуки... Они становились все громче – Фергюсону прежде не доводилось слышать ничего подобного.

Тонкие, нежные, звенящие трели, напоминающие мягкое щебетание, почти складывались в мелодию. А потом по джунглям эхом прокатился низкий резонирующий звук, от которого, казалось, завибрировала земля под ногами. Так мог рычать ягуар, но возникло ощущение, будто это сама земля заговорила гулким голосом, отдающимся в самой ее глубине.

– Что это? – спросил Парри.

– Эхо, – ответил Фергюсон, поскольку Кейнс промолчал. – А может, большая кошка.

– Ты рехнулся, – заявил Парри. – Я знаю, как орет ягуар. Это что-то совсем другое.

Фергюсон пожал плечами.

– Вон где мы с Гроотом стояли, – показал Кейнс. – Я сейчас вспомнил. По этой дороге мы шли, когда обнаружили... ее. Джеклин построил и дорогу, и дом. Со своими индейцами... много лет назад. Она, скорее всего, ждет нас.

– Откуда ей знать, что мы пришли? – спросил Фергюсон, глядя на далекий дом.

Кейнс усмехнулся:

– Откуда вы знаете, что ушибли ногу? Долина... Эта девушка – часть ее. Я помню! – Сейчас его голос зазвучал иначе. – За пределами долины она может призывать животных. Ближе к дому способна разговаривать с деревьями и лианами. А здесь...

Он бросил на Фергюсона странный невидящий взгляд и, не закончив фразы, зашагал по дороге.

Фергюсон пошел следом, размышляя о мутациях. Ученый Джеклин, работая с силами слишком мощными и непостижимыми, чтобы подчинить их себе, выпустил на волю неизвестное излучение, которое затопило окрестные джунгли. Отражаясь от окружающих долину холмов, это излучение возвращалось обратно, пока вся долина не пропиталась энергией до такой степени, что смогла воздействовать на зародышевую плазму и создать... что? Да что угодно. Ожившие лианы... или... или растения, которые ведут себя как животные!

Что стало с Джеклином, его женой, его индейцами? Сильное излучение могло убить их. Возможно ли, что ребенок, девочка, выросшая в самых недрах этой плавильной печи, где буйствовали непостижимые силы, оказалась единственным выжившим человеческим существом? И если да, то какие изменения эти силы произвели в ней? Не только внешние – ее волосы, глаза, кожа цвета слоновой кости выглядели достаточно странно, – но и внутренние, в том числе и умственные или какие-нибудь еще, которых даже не вообразить?

Маленькое животное спрыгнуло с дерева и побежало по дороге перед людьми. Похоже, оно нисколько не боялось.

Оно напоминало белку, хотя, когда ветер ерошил мех, в нем проглядывало что-то зеленое.

Сэмпсон вытащил револьвер, легкое и точное оружие, и выстрелил в зверька. Пуля попала в цель, заставив «белку» перекувырнуться через голову.

– Свежее мясо, – отрывисто произнес он.

Однако в следующий миг – у Фергюсона глаза полезли на лоб – животное вскочило, как ни в чем не бывало тряхнуло хвостом и заторопилось дальше, не обратив никакого внимания на людей. Ошеломленные, те стояли тесной группой и смотрели, как зверек подскочил к лежащей поперек дороге лиане. Блеснули острые зубки. Зверек вгрызся в лиану, из дырочек выступил молочный сок. «Белка» принялась жадно сосать его.

Лиана конвульсивно дернулась, один из ее побегов, свившись в огромное кольцо, вынырнул из зелени, опустился почти до земли и стиснул «белку» в змеином объятии. Когда оно разжалось, зверек уже не двигался. Зато ожила другая ветка, украшенная чашевидными цветами, которые сразу присосались к пушистому тельцу.

Люди осторожно подошли поближе. Лиана лишь слегка шелохнулась. Фергюсон наклонился с мачете в руке. Дрожь пробежала у него вдоль позвоночника, но он заставил себя дотронуться до шкурки зверька.

И тут же дыхание у него перехватило. Невозможно, невысказано!

Парри уставился на него:

– Что такое?

– Трава, – севшим голосом ответил Фергюсон. – Клянусь, это трава, не мех.

Кейнс издал мрачный смешок:

– Ну да, я помню. Обратили внимание на хвост? Это тоже не шерсть, это папоротник. По крайней мере, так видится и ощущается – большой пучок папоротника, каким-то образом измененного. Никакая это не белка. Это вообще не животное. Это подделка, что-то вроде в миллион раз усовершенствованного перекати-поля. Растение, питающееся соком других растений – если повезет. Неудивительно, что выстрел не причинил ему вреда! У существа нет нервной системы. Один бог знает, как устроен этот организм и как он функционирует.

– Пошли к дому, – мрачно сказал Фергюсон.

Здание в конце дороги утопало в зелени. Подойдя ближе, они поняли, что дом каменный. Каменные столбы окаймляли небольшую галерею, а стены были сложены из огромных блоков. Самой любопытной приметой дома была тонкая резьба в виде листьев, усиков и цветов, ажурными узорами украсившая колонны, стены и оконные проемы.

– Работа индейцев? – спросил Парри. – Я про резьбу.

Кейнс хрипло рассмеялся и пнул что-то на дороге, по которой они шли.

– Посмотрите. Вот еще... резьба. – Последовал новый пинок.

Поперек дороги тянулась длинная гирлянда цветов, на вид искусно выточенных из камня. Кейнс растерзал ее ногами и отбросил обрывки в сторону.

– Эта штука растет.

– Растет? – переспросил Фергюсон. – Но... это же камень.

– Знаю. Камень, превратившийся в растение, или, может, растение, превратившееся в камень. Так или иначе, оно живое. Мы с Гроотом...

Посмотрев вверх, он резко оборвал фразу. Проследив за его взглядом, Фергюсон лишился возможности дышать. Хотя почему? Он нисколько не испугался, это точно.

В дверном проеме, под узорной аркой, взирая на них блестящими черными глазами, стояла девушка.

Глава 4. Поющие растения

Ее лицо ничего не выражало. С одинаковым безразличием она смотрела на людей, на деревья, на дорогу. Здесь, у себя дома, она выглядела... еще более необычной. Ее аура, которую Фергюсон ощущал с самого первого мгновения, окрепла.

В солнечном свете волосы мерцали серебряным огнем. Девушка слегка переменяла позу, таким плавным движением, словно ее мышцы обладали текучестью воды. У Фергюсона мелькнула мысль, что она отличается от той, лежавшей без сознания на постели, как ягуар в естественной среде отличается от ягуара в клетке. Хотя такое сравнение подходило лишь отчасти – девушка не была похожа на дикого зверя.

Она была спокойна... Только сейчас Фергюсон понял, что отличает ее от людей. Совершенно невозмутима, абсолютно уверена в себе, и никакие мелкие тревоги, снедающие любого человека – будь то великий ученый или невежественный дикарь, – ее не проймут. Так могла бы выглядеть богиня, неуязвимая богиня, получившая могущество из рук самого Юпитера.

Нет, она не Цирцея. Потому что человеческие существа ее абсолютно не интересуют. Она не стала бы тратить силы, превращая их в свиней. На миг поймав равнодушный взгляд, Фергюсон с досадой подумал, что девушка вообще не воспринимает его как существо, принадлежащее к одному с ней виду. Впрочем, она, скорее всего, и не принадлежит к его виду. Человек не может слиться воедино с лесом и землей.

Богиня у себя дома.

С бледным, почти как у девушки, лицом Кейнс медленно двинулся вперед. Она безучастно взглянула на него, словно он был псевдобелкой, снующей в траве на зеленых, лишенных всякой чувствительности лапках. Неторопливо выйдя из дверного проема, девушка ласково провела пальцами по украшенным «резьбой» дверным косякам. У Фергюсона появилась безумная мысль, что дом ощущает ее прикосновения и реагирует на них.

Она направилась в сторону джунглей. Парри шагнул было следом, но Кейнс остановил его:

– Осторожно! Вспомни Гроота!

– К черту девчонку, – проворчал Сэмпсон. – Нам нужен радий.

Однако Кейнс уже раскрыл свой рюкзак.

– Снотворное. Помогите мне, Фергюсон. На этот раз я не потерплю неудачу. Я выясню... – Он умолк.

– Выясните что? – спросил Фергюсон.

– Странно. – Кейнс недоуменно посмотрел на Фергюсона. – Казалось, я знаю, но теперь, когда я вернулся сюда, в голове пусто. Мне необходимо вспомнить что-то важное. – Он наморщил лоб. – И я должен, должен увести ее из этой долины! По крайней мере, это я помню твердо!

Тем временем его руки деловито собирали и наполняли шприц. Когда он закончил, девушка почти скрылась из виду – только блестящее пятно волос мелькало среди деревьев. Кейнс бесстрашно бросился за ней, остальные, настороженно оглядываясь, двинулись следом. Фергюсон хмурился, ему было очень тревожно.

Заметив их приближение, девушка на секунду остановилась, а потом побежала. Она двигалась легко, грациозно, и деревья расступались перед ней.

– Постой! – закричал Кейнс. – Подожди!

Она рассмеялась: тонкий, мелодичный, нечеловеческий звук, напоминающий журчание воды по камням.

А лес зашевелился. Он словно проснулся от ее голоса!

У Фергюсона на миг возникло впечатление, будто деревья тяжело наклоняются, преграждая ему дорогу. Земля впереди вздыбилась, как замедленная волна, образовав такой кру-

той подъем, что вскарабкаться было практически невозможно. Эта стена защищала девушку. Земля содрогалась под ногами горстки людей, словно чудовищный зверь, пытающийся стряхнуть их с себя.

Угодив в вихрь листьев и веток, хлеставших по лицу, Фергюсон не удержался на ногах. Бешено колотилось сердце, в горле пересохло от ужаса. Он сильно ударился и не пытался подняться, ощущая, как земля содрогается под ним.

Потом все стихло. Лес успокоился. Фергюсон на пробу коснулся рукой влажной земли и поднялся.

Кейнс уже стоял чуть в стороне, Парри и Сэмпсон, бледные от страха, тоже неуверенно вставали. Лес что-то шептал; были слышны и более резкие звуки, негромкие, но вполне различимые: откуда-то сверху доносились мурлыканье и вой.

Фергюсон сел на камень и дрожащими пальцами достал сигарету. Лишь после второй затяжки он заговорил.

– Это землетрясение? – Вопрос был обращен к Кейнсу.

Тот разглядывал чудесным образом уцелевший шприц.

– Я должен найти ее, – тупо повторил он.

– Это было землетрясение?

Глаза Кейнса вспыхнули.

– Откуда мне знать? – взорвался он. – Думаете, это легко – когда совсем не помнишь, что тебя ожидает? Я как слепой! Я же вас предупреждал: возвращайтесь, пока не поздно! Впрочем, вы и сейчас можете уйти... Убирайтесь все!

Сэмпсон пробормотал что-то неразборчивое.

– Однако вы побывали здесь и вернулись целым и невредимым, – заметил Парри.

Фергюсон задумчиво посмотрел на свою сигарету.

– Он сумел выбраться, это правда. Но он ничего не помнит. И мы не знаем, что еще может тут случиться.

– Ну, подумаешь, землетрясение, – сказал Сэмпсон. – Как насчет радия?

Парри беспокойно заерзал, а Кейнс ответил:

– Не знаю. Не знаю. Может быть...

– Все может быть! Может, даже если мы захотим, нам уже не выйти отсюда, – проворчал Фергюсон.

Кейнс, притенив глаза ладонью, вглядывался в лес.

– Я знаю, куда она пошла. Она... она и в первый раз туда уходила. Я помню. Если идти в сторону холмов, будет пещера. Наверно, это была лаборатория Джеклина, под землей. Радий там везде, сразу за входом в пещеру. А что еще, кроме радия, не могу сказать. Девушка... – Он помялся. – Короче, она была там, когда пришли мы с Гроотом.

Фергюсон встал. Вероятно, он лучше остальных осознавал сверхъестественность происходящего. Со всех сторон им грозят опасности, предусмотреть которые, не зная их причин, невозможно. Как ни странно, эти мысли укрепили его дух. Единственное, за что он мог сейчас надежно уцепиться, это холодная, мрачная, самоотверженная решимость исследователя. По крайней мере, этого качества он пока не утратил.

– Ладно. Джунгли вроде успокоились. Может, нам удастся добраться до пещеры.

– Нет, – сказал Парри. – Даже если там радий – нет.

– Что?

– Я не пойду, – дрожащим голосом ответил Парри. – Даже ради всего радия на свете. Я смываюсь отсюда. Тут даже камни... Смотрите! – Он указал на валун, с которого Фергюсон только что поднялся.

Камень был невысокий, серый, округлый, и по всей его поверхности, словно вены, извились темно-красные линии. Прямо на глазах у людей он, освободившись от тяжести Фергю-

сона, медленно накренился в сторону, и «вены» начали пульсировать глубоким, темно-красным цветом. Камень едва заметно дышал.

Сэмпсон стиснул плечо Парри:

– Радий.

– Я не пойду!

Флегматичное лицо Сэмпсона омрачилось.

– Нужно держаться вместе. И лучше вчетвером, чем втроем.

– Отпусти меня! – дернулся Парри.

Сэмпсон не шелохнулся.

– Ты долго командовал, а я подчинялся. Пусть так будет и дальше, только возьми себя в руки. Нам нужен радий.

Парри освободился от его хватки:

– Дурак! Просто ты слишком тупой, чтобы понимать, что тут творится. Землетрясение...

Ха! Да я буду счастлив, если сумею выбраться отсюда живым!

– Делайте что хотите, – сказал Кейнс. – А я иду за девушкой.

Сэмпсон стоял, не сводя тяжелого взгляда с Парри.

Через некоторое время Парри сник и покорно побрел за Кейнсом.

– А ты, Фергюсон? – спросил Сэмпсон. – Что, у тебя тоже полно мыслей в голове?

– Мыслей хватает. Но твоя нравится больше всех. Четверо лучше, чем трое. Нужно держаться вместе, так безопаснее.

– Тогда вперед.

Они настороженно шли сквозь шепчущие джунгли, вокруг витал сладкий запах жимолости.

– Знаете, – заговорил Кейнс, – похоже, я ошибся насчет здешних мутаций. Вы видели удивительную смесь животного с растением и растения с камнем. Я считал это результатом случайных изменений. Однако теперь мне кажется, что тут проглядывает какой-то умысел. Не исключено, что Джеклин действовал с определенной целью. Может, мы найдем объяснение в пещере, в его лаборатории. – (Фергюсон проворчал что-то невразумительное.) – Синтез, понимаете? Попытка объединить растения, млекопитающих и камни в некую неразделимую общность. Если Джеклин преуспел в этом, можно лишь гадать, какой получился результат.

– Но зачем? – спросил Фергюсон. – Он что, с ума сошел? В подобном эксперименте нет никакого смысла.

– Ну почему же? Вот вам хотя бы один резон: прекращение военных действий. Вы отдаете себе отчет в том, что жизнь на нашей планете – это вечная война: зверей с людьми, людей с лесами, растений со скалами? Нет... нет никакой системы. Все разобщено. Снежный обвал может стереть с лица земли целую деревню, и один человек способен взорвать гору. Корни дробят скалу. Однако, если растения, животные и минералы тесно взаимосвязаны, подумайте, что это может означать.

– Мир? – В голосе Фергюсона прозвучала ирония. – Что-то непохоже, что белка с хвостом из папоротника курила трубку мира со змееподобной лианой, которая задушила ее. И как насчет Гроота?

Ученый мрачно закивал, признавая весомость аргумента.

– Я не говорю, что эксперимент оказался полностью удачным. И... Допустим, Гроот был чужаком, он вносил диссонанс в гармонию этого мира. Но вы заметили, какая мирная аура окружает девушку? Она знает, что ничто не может причинить ей вреда.

– Treuga Dei, – неожиданно вмешался в разговор Парри. – Перемирие Божье⁴. Когда случается наводнение, животные собираются на островах, но не убивают друг друга. Тапир, анаконда, пекари – никто никого не трогает, пока ни схлынет вода.

– Да, но всем им угрожает гибель, – сказал Кейнс. – Хотелось бы знать, здесь вода тоже опасна?

– Для нас? – со смешком спросил Фергюсон. – Не забывайте, о чем вы только что говорили. Мы чужаки, мы вторглись сюда. Мы фальшивая нота в этой симфонии.

– Единение камней, деревьев и зверей – это немыслимо! – воскликнул Парри. – Это святотатство!

Кейнс пожал плечами:

– А какая, собственно, разница? В своей основе все они похожи... Это разные формы одной и той же энергии. Думаю, для эксперимента следовало взять в качестве основы атомную структуру. И если Джеклин так и сделал...

Он смолк, не закончив.

Люди продолжили путь, и джунгли наблюдали за ними. То там, то тут среди листьев попадались похожие на глаза цветы, которые поворачивались на стеблях, когда путники проходили мимо.

– Они следят за каждым нашим шагом, – с кривой ухмылкой подумал вслух Фергюсон.

Он вслушивался в сопровождавший их рокот, тихий, почти на грани слышимости. Каков его источник, догадаться было невозможно.

– Думаю, это она за нами наблюдает, – сказал Кейнс.

Парри так и подскочил.

– Она убила Гроота! Ведь она может и нас прикончить так же?

– Может, надо полагать, – ответил Кейнс. – Мы не способны предугадать ее реакцию. Ведь она на самом деле не человек. Забрав ее отсюда, я провел небольшое исследование.

– Стоило ли рисковать шкурой, забирая какую-то девчонку из места, которое она считает своим домом? – грубовато спросил Фергюсон.

Ученый споткнулся на ровном месте.

– Я... знал. Но сейчас... нет. Воспоминания...

– ...ускользают? – спросил Фергюсон.

– Нет. Скорее, возвращаются.

Крик позади заставил их резко обернуться. Парри стоял, рассматривая что-то в кронах. Странно, но в его голосе был не страх, а ликование.

– Вы только взгляните! Ну и чудеса!

Они медленно, осторожно вернулись. Парри подпрыгивал, силясь дотянуться до ветки.

Тонкие ветки высокого дерева были увешаны невероятными плодами; собранные в гроздь, те радужно переливались в лучах солнца. Драгоценные камни, вот что это было. Огромные, чистые самоцветы: прозрачные, точно бриллианты, зеленые, как изумрудные виноградины, красные, словно рубины.

Парри ухватился за ветку с бриллиантами, попытался оторвать. Дерево покачивалось и клонилось, драгоценности ослепительно сверкали, и наконец ветка, жалобно хрустнув, поддалась. Гроздь драгоценных камней упала в ладонь Парри. Из сломанной ветки на него брызнул кроваво-красный сок.

– Сотрите его с меня! Он разъедает кожу!

Остальные поспешили очистить его лицо и руки. Сок не только выглядел, но и пах, как кровь. Парри скрипел зубами от боли. Сэмпсон не сводил с него презрительного взгляда.

---

⁴ Прекращение враждебных действий в установленные церковью дни (*лат.*).

– Мы ищем радий, – сказал он. – Бриллианты не растут на деревьях. Это фальшивка, иначе и быть не может.

– Кровь из деревьев тоже не течет, – заметил Фергюсон. – Я, по крайней мере, о таком не слышал.

Он закончил стирать красный сок с кожи Парри, заметив, что кое-где остались небольшие белые пятнышки, холодные и твердые на ощупь.

– Вроде обошлось. – Парри испуганно разглядывал собственные руки.

– Просто в этом соке есть кислота, – высказал предположение Кейнс. – Мы все счистили, так что, будем надеяться, опасность миновала. Но не советую больше ломать ветки. Что вы собираетесь делать с этими вашими... бриллиантами?

Парри сердито посмотрел на Сэмпсона:

– Они и есть бриллианты.

– Ну, я не был бы так уверен. Выглядят похоже, да.

– Пошли, – грубовато бросил Сэмпсон. – Мы теряем время.

Они двинулись дальше. По мере их приближения к краю долины цветы росли все гуще. Пышные, с мясистыми листьями, похожие на клочья бархата самых удивительных форм и расцветок, они гирляндами свисали с деревьев, ковром расстилались под ногами, обвивали толстые стволы.

Сладкий аромат по-прежнему стоял в воздухе, но теперь к нему примешивался другой, отдающий горечью, крепкий, напоминающий запах крови.

Среди зелени порхали бабочки; то ли насекомые, то ли ожившие цветы, не разберешь.

В какой-то момент Фергюсон услышал идущие снизу очень высокие, пронзительные звуки. Обшарив взглядом подлесок, он заметил несколько крошечных орхидей, растущих на ветвях. Их пятнистые глотки пульсировали; при этом мембраны, растягиваясь, издавали те самые звуки.

Цветы пели – и наблюдали за людьми.

Глава 5. Человек, который слишком много видел

И вот перед ними в склоне холма открылся огромный зев пещеры. Внутри было темно, но темнота не была непроглядной. Стены испускали слабое мерцание.

– Радий? – спросил Фергюсон. – Это же опасно!

– Наденьте защитные костюмы, – приказал Кейнс. – Да, это радий. Именно отсюда был взят образец, который я дал Грооту.

Они облачились в эластичные костюмы, собирающиеся тяжелыми складками, и начали неуклюже подниматься по склону к пещере. Стекло лицевой пластины ограничивало обзор и слегка искажало картину из-за высокого содержания свинца. Однако приходилось делать поправку не только на зрительное искажение: отдельные части склона на пути явно слегка смещались.

Фергюсон отметил, что земля под ногами вздымается и опадает медленными, ритмичными волнами... будто дышит. И хотя никаких растений тут не было, прямо из каменной поверхности росли крошечные кристаллические «цветы», а кое-где скала была покрыта узорами вроде тех, которые он видел около дома Джеклина, – лианы и листья, более бледные по сравнению с каменным фоном, на котором они были «вырезаны».

В темном проеме, бесстрастно глядя на приближающихся людей, стояла девушка.

Бледное, неземное мерцание радия окружало ее незащищенную фигуру призрачным ореолом, а волосы, казалось, испускали собственный свет. Когда люди подошли ближе, она повернулась и двинулась вглубь пещеры.

– Вы правы, Кейнс, – сказал Фергюсон. – Она не человек. Будь она человеком, сильная радиация давным-давно убила бы ее.

Не слушая, Кейнс вошел в пещеру.

– Кейнс! – окликнул его Парри. – Пойдите! Что там, внутри?

– Не знаю, – не оборачиваясь, ответил тот. – В прошлый раз мы так далеко не заходили.

Из темноты доносился глухой рокот. Люди уже слышали его прежде, когда стояли у входа в долину, – угрожающий звук, казалось, отдавался эхом от подземных пустот.

Теперь он слышался несравненно громче, изливаясь на них, словно непостижимая река, и едва не сбивая с ног. И было件нятно, что издает его не животное. Просто на свете не существует животного, чья глотка способна исторгать столь мощный, глубокий вибрирующий звук.

Нечеловеческий бессловесный крик усилился до ужасающего крещендо; он перекачивался, затапливая долину, отражаясь от окружающих ее холмов; наконец он заполнил все вокруг и даже, казалось, само небо. А потом ослабел, упал до шепота, смолк, но стены пещеры еще долго вибрировали.

Сквозь искажающее стекло своей лицевой пластины Фергюсон видел напряженное, бледное лицо Кейнса.

Фергюсон задал безмолвный вопрос, и Кейнс ответил, опустив голову в капюшоне и возобновив движение по наклонному полу пещеры. Фергюсон так и не понял, что заставило его, почти вопреки собственной воле, последовать за ученым. Возможно, это было простое любопытство – сила, многократно в истории человечества доказавшая, что способна двигать горы. Он знал, что просто не способен остановиться на пороге удивительной тайны, возможно величайшей из всех когда-либо существовавших на земле или под землей.

Вот почему он медленно зашагал за Кейнсом. Парри с Сэмпсоном, которым было страшно оставаться у входа в пещеру, в окружении холодного трепещущего сияния радия, тоже пошли.

Коридор, полого поднимаясь, уходил во мрак. Вслед за Кейнсом Фергюсон прошел между блестящими пятнами, дававшими чуть больше света. Девушки он не видел.

Зато увидел свет впереди, радужный свет, льющийся по склону, словно вода. Закутанная в плащ фигура Кейнса исчезла; Фергюсон свернул за угол и остановился рядом с ним у входа в огромный пещерный зал. Потолок над ними терялся, но не во тьме, а в сиянии настолько ярком, что смотреть прямо на него было невозможно.

Перед Фергюсоном высилась сверкающая стена, которая изгибалась в его сторону и вверх. Полупрозрачная эта поверхность лучилась собственным сиянием, а не отраженным светом какого-либо источника. Будто сделанная из гигантского алмаза, она обладала той чистотой, в которой столько же от света, сколько и от тьмы; кристальной чистотой, из беспредельной глубины которой исходили пылающие лучи.

По ту сторону самоцветной стены среди листьев и высоких стеблей рос огромный цветок. Живой цветок, поднявшийся из живого кристалла, не меньше шести футов в поперечнике. Он начал раскрываться. Лепестки отгибались книзу, обрамляя золотистый зев, точно насмешливо улыбающиеся губы.

Цветок имел тигриную окраску, его лепестки, толстые и мягкие, напоминали мех. Это и был мех; цветок-тигр, в котором в одно прекрасное, ужасное, удивительное целое слились растение и зверь. И прямо на глазах у Фергюсона в глубине пятнистого зева произошло какое-то движение, порождая... звук.

Слабое подобие того рева, от которого сотрясались скалы, прокатилось по пещере. Как крошечные орхидеи в джунглях, которые пели свою пронзительную гудящую песнь, этот кристаллический титан здесь, в пещере, разговаривал с людьми – негромко, почти шепотом, напоминающим, однако, раскаты далекого грома. Этот звук исходил из зева цветка, очень похожего на разверстую тигриную пасть.

Опушенные мехом лепестки задрожали, свет в пещере замерцал. Девушка, стоявшая неподалеку от огромного цветка, тоже задрожала всем своим бледным телом; ее светящиеся волосы раскачивались, как будто звук был ветром и шевелил похожие на металлические пряди.

Она медленно двинулась в сторону цветка.

Тот почувствовал ее приближение. Узнал ее и наклонил свой мощный стебель, нижними лепестками коснувшись пола. Девушка обеими ногами встала на цветок.

И он властным движением начал смыкать вокруг нее венчик. Девушка оказалась в самом сердце огромного цветка и на мгновение исчезла из виду, когда бархатные лепестки тигровой окраски сложились полностью.

Когда они снова раскрылись, девушка лежала в центре цветка, опустив голову на изгиб лепестка. Серебряные волосы потоком спадали на цветоножке, черные глаза были закрыты. Верхний лепесток изгибался над ней, словно ухмыляющаяся губа. Девушка казалась бледной тычинкой в чаше цветка-тигра. Она и цветок стали единым целым.

Цветок и сверкающая бриллиантовая стена тоже были соединены. Кристалл, цветок и девушка были одним организмом – живым, наблюдающим, понимающим!

По пещере прокатился низкий гул, от которого задрожала земля. Когда он смолк, губы девушки зашевелились. Звучание ее голоса убедительнее, чем что-либо другое, подтверждало факт синтеза, о котором говорил Кейнс. Поскольку речь вела не только девушка.

Чистый бесстрастный тембр ее голоса мог бы принадлежать и цветку, испускающему сладкий, пряный запах жимолости. Однако было в этом голосе что-то еще, более холодное и одновременно более пылкое, что-то, чего не соотнести ни с цветком, ни с человеком. Возможно, это была модуляция, внесенная в голос триумвирата кристаллом.

Цветок, пылающий кристалл и женщина – все они слились в рокошущем бесстрастном звучании.

– Мы одно целое, – произнес голос, и в бриллиантовой стене вспыхнули и погасли огни.

У Фергюсона перехватило дыхание. Он не мог произнести ни слова, лишь заметил, как зашевелилась рядом закутанная в плащ фигура доктора.

– Вы пришли, чтобы уничтожить нас, – продолжал голос. – Мы знаем это и все же говорим с вами, поскольку никогда прежде не беседовали с разумными существами. Чего вы от нас хотите?

– Ничего, – ответил Кейнс глухим, дрожащим голосом. – Мы уйдем.

Цветок затрепетал:

– Нет, вы не уйдете отсюда.

– Ради всего святого, что это за штука? – воскликнул Парри.

И голос ответил:

– Я – Эдем. – последовала пауза, после чего голос повторил: – Я – Эдем. Я – рай земной. Я – новый Эдем. Но пока мир не должен знать о моем существовании. Здесь, в долине, будет положено начало новой расе, что является конечной целью существования Земли. Однако этот шаг еще не совершен, хотя в разуме нашей триады уже содержится вся необходимая мудрость. Проведав об этом, ваша раса попыталась бы уничтожить нас.

– Нет, она не проведает! – воскликнул Кейнс.

– Зачем в таком случае вы пришли сюда?

Последовала долгая пауза.

Цветок плотнее сомкнулся вокруг девушки, укрывая ее бахромой золотистых лепестков. Потом лепестки снова разошлись, открыв тычинку из слоновой кости, служившую ему языком.

– Зачем ты пытаешься разрушить собственное творение?

Потрясенный происходящим, ослепленный яростным светом кристалла, Фергюсон едва расслышал вопрос.

– ...свое собственное творение? – повторил цветок.

– Я... не... создавал тебя, – прошептал Кейнс.

– Вспомни, – приказал голос.

И снова кристалл воспламенился. Едва огонь погас, Кейнс заговорил; голос дрожал и вообще звучал как-то необычно:

– Я... помню. Да, теперь я вспомнил. Но я по-прежнему хочу уничтожить вас и понимаю, что должен сделать это. Мир еще не готов. Я уничтожу вас, если смогу.

– Джеклин? – пролепетал Фергюсон. – Так вы Брюс Джеклин?

Кейнс кивнул.

– Теперь я вспомнил, как меня зовут. Там, за пределами долины, я забыл. Я все еще многого не помню. Силы, которые я освободил в этой долине, слишком могущественны. Это нанесло мне психическую травму. Но сейчас... – Его голос окреп. – Да, я вас создал. Я сделал ваше существование возможным. Третий член триумвирата – мое дитя. И все равно я постараюсь вас уничтожить.

Тишина. По стене скользили яркие вспышки света; огромный цветок покачивался на своем стебле, девушка вместе с ним, ее волосы колыхались. Фергюсон затаил дыхание.

Потом цветок слегка зашевелился, и в его зеве заклокотал странный звук. Он становился все громче, и в такт ему цветок раскачивался все сильнее. Он... смеялся!

Впоследствии Фергюсон не мог отчетливо вспомнить, как он и его спутники покидали пещеру, неуклюже ступая в тяжелых просвинцованных плащах. Мерцающие стены источали смертоносную радиацию, взрывы смеха подгоняли их, точно дующий в спину ветер.

Оказавшись снаружи, они стояли, глядя друг на друга и вслушиваясь в низкий нечеловеческий смех, который все еще раздавался в пещере.

Потом они направились к каменному дому Джеклина. Кейнс, то есть Джеклин, молчал и лишь покачивал головой, когда Фергюсон пытался вывести его из мрачной задумчивости. Сэмпсон и Парри были слишком потрясены, однако Фергюсон прямо-таки сгорал от любо-

пытства. К нему вернулась одержимость ученого, которую он считал утраченной, и он начисто забыл о ради, горя желанием выведать секреты затерянной в джунглях долины. Секреты, которые Кейнс, то есть Джеклин, наверняка знал.

«Зачем ты пытаешься разрушить собственное творение?»

Нечеловеческий, бесконечно чужеродный голос, задавший этот вопрос, снова и снова звучал в сознании Фергюсона, когда тот пробирался через насыщенные ароматом джунгли. Все вокруг дышало и непрерывно двигалось, хотя ветра не было. Из темноты за людьми наблюдали глаза на стеблях; чуткие уши камней и лиан ловили каждое слово и, возможно, понимали услышанное.

Ну, если разобраться, ничего особенно фантастического здесь нет. Глаза-цветы – это просто растительная ткань с высокоразвитой светочувствительностью; а ведь известно, что даже обычные растения в какой-то степени обладают этим свойством – могут реагировать на солнечный и лунный свет и другие виды излучения. Многие растения обладают подвижностью, пусть и очень ограниченной. Вот камни – другое дело. Здешние камни способны двигаться!

Мысль о кристаллах, которые могут формировать себя самостоятельно, создавая причудливые конфигурации, наполняла Фергюсона благоговейным страхом.

Надвигалась ночь. По счастью, светила полная луна. В этом лесу, где деревья истекали жгучим соком, набрать дров для костра оказалось делом трудным и к тому же опасным. Ничего, есть фонарики на батарейках. С едой тоже проблем не будет, и фляги почти полны. Ведь кто знает, что за ручьи текут в этой запретной долине?

Так, по-прежнему в тягостном молчании, люди подошли к каменному дому и устало остановились на пороге. Глядя во тьму, Фергюсон положил руку на пистолет.

– Кейнс... то есть Джеклин?

Ученый словно проснулся:

– Что, Фергюсон?

– Внутри может быть какая-то опасность?

– Не знаю. Тут все опасно.

Джеклин перешагнул через порог, Фергюсон пошел за ним, вглядываясь во тьму прищуренными глазами.

– Вроде здесь все так, как я оставил много лет назад, – сказал Джеклин.

Тихо, спокойно; вокруг знакомые вещи; как будто яростная кутерьма взбесившейся жизни из долины не осмелилась проникнуть в каменный дом. Грубо оструганный стол, полотняные кресла; повсюду валяются книги и посуда. В другой комнате видна постель, на ней скомканые одеяла. Но что-то с ними не так...

У Фергюсона перехватило дыхание, когда он вошел в комнату и осторожно прикоснулся к одеялам.

Они были каменными.

За спиной Фергюсона взад-вперед расхаживал Джеклин, тяжело топал Сэмпсон. Фергюсон вернулся в первую комнату. Парри все еще стоял на пороге, его силуэт отчетливо вырисовывался на фоне лунного света.

– Ничего не изменилось, если не считать того, что все окаменело, – сказал Джеклин. – В точности так, как я оставил. Посмотрите сюда. – Он показал на лежащую на столе открытую Библию. – Моя жена часто читала ее. – Он попытался перевернуть страницу, но книга тоже превратилась в камень.

Однако шрифт остался различим. Фергюсон негромко прочел:

– «Небо откроет беззаконие его, и земля восстанет против него»⁵.

---

⁵ Иов. 20: 27.

– Земля восстанет! – прошептал Джеклин и рухнул в кресло, когда-то полотняное, а теперь каменное. – Так и произошло, Фергюсон. Да, я помню. – Его голос зазвучал сильнее. – Даже Адам не видел того, что видел я. Ведь Бог создал Адама на шестой день, после земли, и небесного свода, и подземных вод... Но я... я видел, как происходило творение!

Глава 6. Мраморный человек

Каменные узоры и барельефы в виде лиан и цветов вились по стенам. Фергюсон подумал, что цветы и здесь наблюдают за людьми. И что-то – может быть, сами стены – вслушивается в каждое слово. Он сел в кресло, а Сэмпсон и Парри остались на ногах, глядя в осунувшееся лицо Джеклина.

– Не знаю как, но этот... триумвират... вернул мне память. Он... они обладают необыкновенной силой.

– Значит, правда, что вы создали эту штуку? – дрожащим голосом спросил Парри.

– самого триумвирата я никогда прежде не видел. И все же именно я несу ответственность за его возникновение. Я освободил силы, которые его породили. Здесь, в этой долине, много лет назад... – Усталый голос Джеклина наполнился силой. – Когда мы с Моной впервые пришли сюда, это было прекрасное место. Индейцы заботились о нас, я занимался экспериментами, и никакие темные силы не портили общей картины. Я нашел ключ к тому, что человечество искало веками, – к управляемому расщеплению атома. Здесь есть элемент, которого, возможно, нет больше нигде на Земле, – элемент, имеющий достаточно большую и в то же время достаточно простую структуру, чтобы можно было изучать его в управляемых условиях. Я искал универсальное средство, а нашел новый вид энергии. Ее мощи хватило, чтобы пропитать всю материю и стимулировать рост энтропии.

– Ничего не понимаю, – сказал Сэмпсон.

Но Джеклин продолжал, не обращая на него внимания:

– Мона ждала ребенка. Я хотел отправить ее вниз по реке в Манаос, но она отказывалась. Я настаивал и был уже готов, если потребуется, применить силу, но начались преждевременные роды. Пришлось импровизировать. Ну, у меня все-таки медицинская степень... И ребенок родился, и Мона осталась жива, но... прожила недолго.

Я восстановил в памяти основной принцип, хотя тут мои воспоминания путаются. Возможно, это они... это триумвират не желает, чтобы я вспоминал. Наверно, я никогда не смогу повторить эксперимент, даже если бы захотел. Но я и не хочу. Хватит того, что я один раз открыл дверь Творению.

У Джеклина отлила кровь от лица.

– словно огненный вихрь пронесся по долине. Невидимый вихрь. Я был на охоте, когда это произошло. Воздух дрожал, земля ходила ходуном. Я... чувствовал, как первобытная всепожирающая энергия хлынула наружу из своей фокусной точки, словно Бог наклонился и дотронулся пальцем до этой проклятой долины.

Это и было Творение.

Сначала был хаос. И лес, и земля, и само небо – все дрожало. Я видел... Нет, это невозможно описать! – Содрогаясь, Джеклин прижал ладони к глазам. – Как сейчас вижу: Мона бежит ко мне, и тут земля разверзается, точно пасть, и... поглощает ее.

А потом – тьма. словно кто-то дочиста стер все из моей памяти. Наверное, мне как-то удалось сбежать из долины. И спустя много лет обрывки воспоминаний, сохранившиеся в глубине разума, снова привели меня сюда, хотя я не понимал зачем – и придумывал этому всякие рациональные объяснения. Да, именно утраченная память притянула меня обратно.

И все эти годы моя дочь жила здесь, в новом Эдеме. Но радиация, которую я освободил, преобразила ее. Помнится, я собирался связать между собой все виды материи. Ну что ж, это мне удалось. Камень, растение и человек слились воедино, результат этого синтеза вы видели в пещере.

Триумвират. Три в одном, один в трех лицах. И поскольку единение распространяется на все, это Эдем.

Весь Эдем – одно огромное живое существо, синтез камня со всем остальным. Земля у нас под ногами живая. Частью этого триумвирата стала моя дочь... – Джеклин запнулся и неожиданно громким, напряженным голосом закончил: – И все равно это проклятое создание нужно уничтожить!

Фергюсон не отвечал, пристально рассматривая ковер, на котором стоял. Внезапно до него дошло, что это никакой не ковер. «Это» росло прямо из каменного пола, хотя травой его тоже назвать было нельзя.

Это был мех, как у огромного плотоядного зверя.

– Вы с ума сошли, Джеклин, – сказал Парри. – Уничтожить такое создание? Да оно сотрет нас в порошок.

– Мы пришли за радием, – проворчал Сэмпсон. – И почему не набрали его, когда были в пещере? Вот идиоты!

Фергюсон посмотрел на него:

– Не уверен, что смогли бы. Стены там движутся. Они живые. А вдруг им не понравится, если кто-то начнет ковыряться в них?

Сэмпсон и Парри посмотрели на Джеклина, рассчитывая услышать его мнение; однако тот был погружен в свои мысли.

– Эдем! Да, это Эдем. Однако даже в первом Эдеме был змей.

– Змей? – переспросил Фергюсон.

– Погубивший первый эксперимент, который проводился с человеческим родом, еще до его завершения. Не исключено, что именно змеи – рептилии – правили на земле, прежде чем появились люди. Пройдет еще две тысячи лет, и, возможно, возникнет легенда о новом Эдеме, история, которую будет рассказывать раса нелюдей, зародившаяся в этой долине. Синтез. Триумвират.

– А яснее?

Джеклин перевел на Фергюсона задумчивый взгляд.

– Змей был послан, чтобы испытать первого человека. Предположим, нас послали испытать триумвират. Мы, представители предыдущей расы, вторглись в Эдем.

– Что толку в оружии? – спросил Парри. – Такого монстра не застрелить из пистолета. Он слишком силен для нас.

«Змей был самым хитрым из всех животных», – подумал Фергюсон.

Да, триумвират силен. Но, кроме силы, есть и другое оружие. И в этом Эдеме... разве не люди выступают в роли змея?

Медленно тянулись ночные часы. Парри разглядывал белые пятна на руках и лице, там, куда попали брызги красной древесной крови. Пятна расползались. Они были твердые, белые и холодные, и плоть в этих местах утратила всякую чувствительность.

Наконец усталые люди заснули, и джунгли снаружи тоже спали, настороженно шевелясь во сне. Ничто не тревожило сон людей, хотя стены всю ночь наблюдали за ними, а в окна время от времени влетали ночные бабочки, испускающие запах роз. Фергюсон мельком подумал, что цветок в пещере, наверное, тоже спит, а вместе с ним и девушка, которую он убаюкал в своей тигриной пасти. Возможно, даже кристаллы спят – благодаря обретенному ими сходству с живыми созданиями.

Однако наступление утра принесло с собой новые страхи.

В долине как будто ничего не изменилось. Прекрасный рассвет дышал прохладой, сверкал яркими красками. Деревья потягивались, выпрямляя ветки, – словно животные, расправляющие мышцы после долгого сна; повсюду зевали цветы.

Фергюсон проснулся первым. Джеклин караулил – сидел на пороге и смотрел наружу. Фергюсон посмотрел на спящего Сэмпсона, заглянул в открытые глаза Парри и... обмер.

Глаза Парри изменились. Они больше не были темными, они стали прозрачными, бесцветными и пугающе блестящими.

– Парри! – воскликнул Фергюсон.

Его возглас разбудил Сэмпсона. Джеклин обернулся. Они мгновенно заметили перемену. Стекланный взгляд скользнул по ним без всяких эмоций. Похоже, Парри не осознавал, что с ним что-то не так.

– Он... весь белый, – прошептал Сэмпсон, протянув дрожащую руку к Парри.

Лицо у того было бледное как мрамор и такое же твердое на ощупь. Сквозь прорехи в рубашке проглядывало испещренное мраморными прожилками тело.

– Это распространяется. Он...

– И глаза... – сказал Фергюсон. – Они похожи на драгоценные камни. Парри! Ты не спишь?

Сощурив бесцветные блестящие глаза, Парри удивленно смотрел на спутников. Все его лицо, даже брови и ресницы побелели, и шевелюра казалась каменной, как у статуи. Однако черты лица не утратили подвижности. Он замигал каменными веками... И как только они сохранили способность шевелиться?

– Конечно не сплю, – ответил он странным, безжизненным голосом. – В чем дело?

Казалось, было слышно, как мраморный язык, ворочаясь во рту, дотрагивается до мраморных зубов.

– Ты превратился в камень! – истерически завопил Сэмпсон. – Не прикасайся ко мне! Ты каменный!

Парри недоуменно опустил взгляд. Поднял белые руки к лицу, с трудом согнул пальцы. Резким движением сорвал с себя рубашку, и взгляду остальных предстал мраморный торс, точеный, как у изваяния. Кое-где еще оставались пятнышки живой плоти – как вчера на коже белели пятна. Однако прямо на глазах участки живой ткани сокращались. Мрамор неумолимо распространялся по телу.

Парри поднял сверкающие глаза, в которых теперь полыхал дикий ужас.

– Это все дерево! – воскликнул он. – То дерево с драгоценными камнями! Его сок...

– Неудивительно, что цветок смеялся, – мрачно сказал Джеклин. – Он знал. Никто не может проникнуть в эту долину и жить здесь, не изменившись. Порча распространяется. И вы первый, Парри. Но не последний!

Их взгляды обшаривали лица друг друга, опасаясь увидеть пятна на коже.

– Не прикасайтесь ни к чему, – сказал Сэмпсон. – Не прикасайтесь к Парри.

– Он способен дотянуться до нас через землю, – заметил Джеклин. – И он сделает это. Сделает.

– Кто? – казалось, каменному языку Парри все труднее ворочаться во рту. – Кто сделал это со мной?

– Триумвират, надо полагать, – ответил Фергюсон. – Та штука, которая говорила с нами. Может, долина и представляет собой единое целое, но правит здесь цветок.

Парри поднялся пошатываясь.

– Цветок! – произнес он хрипло. – Цветок сделал это! Превратил меня в камень.

Он ринулся вон из комнаты, что-то выкрикивая. У него был очень необычный голос – так, наверно, говорил бы камень, если бы умел.

Сэмпсон в ужасе отпрянул с его дороги. Миг – и белая фигура в рваной одежде замелькала среди деревьев.

– Он нападет на цветок... Нужно остановить его! – воскликнул Джеклин. – Это же центр долины, ее мозг.

– Прекрасно, – холодно ответил Фергюсон. – Мы не в силах одолеть цветок, но Парри-то почти каменный. И ему цветок уж точно не сможет причинить вреда.

– Ты нарочно навел Парри на мысль, что в его беде виновен цветок? – спросил Сэмпсон.

– А разве это неправда? Все равно Парри уже почти мертв. Или, возможно, он будет существовать вечно, как каменная статуя. И если он уничтожит цветок, с него не убудет.

– Цветок – не единственная часть триумвирата! – воскликнул Джеклин. – Есть еще кристалл и моя дочь. Парри может убить и ее.

А ведь правда; Фергюсон как-то позабыл об этом. Даже понимая, что девушка больше не человеческое существо, он не раздумывая устремился за Джеклином. Сэмпсон последовал за ними, задержавшись лишь на миг, чтобы прихватить снаряжение.

Они бежали что есть сил, и это была ужасная погоня по пробуждающимся джунглям за маячившей впереди белой фигурой. Деревья время от времени протягивали ветки, пытаясь задержать преследователей, но Парри они не мешали.

– Теперь он тоже часть долины, – задыхаясь, сказал Джеклин. – Деревья ему не враги.

Пятна солнечного света ложились на траву, в лесу пробуждались нечеловеческие голоса. Люди приблизились к темному, излучающему смертоносную радиацию зеву пещеры как раз вовремя, чтобы увидеть, как Парри исчезает внутри, и услышать его душераздирающий крик.

Фергюсон схватил Джеклина за руку, остановил.

– Радий! – закричал Фергюсон. – Нам нельзя туда без...

– Я взял костюмы, – раздался позади голос Сэмпсона.

Он бросил костюмы спутникам. Джеклин, хоть и был встревожен до крайности, понимал, что входить в пещеру без защиты было бы самоубийством. Он тоже облачился.

Один костюм оказался лишним.

– Оставь его здесь, – мрачно сказал Фергюсон. – Парри он больше не понадобится.

Сэмпсон кивнул, взял выложенный свинцом ящик и вслед за Фергюсоном вошел в пещеру.

Они успели вовремя.

Все трое замерли у входа. Огромный цветок тигриной расцветки раскачивался на своем стебле, едва не касаясь хрустальной стены. Позади него стояла девушка с серебристыми волосами, глядя на быстро приближающегося каменного человека.

– Парри! – закричал Джеклин.

Все помещение пронизывал трепещущий свет. Ноги Парри громко топали по каменному полу. Цветок наклонился, распахнул лепестки и заревел.

Словно ныряльщик, Парри вытянул каменные руки вперед и прыгнул прямо в разверстый зев.

Глава 7. Эдема больше нет

То, что случилось дальше, вспоминалось потом Фергюсону как ночной кошмар. Огромные полосатые лепестки, точно хищные зубы, сомкнулись на белом теле Парри; приглушенный дикий рев эхом отдавался от стен. И тут закричала девушка.

Закрывшийся цветок яростно мотался на стебле. Крики Парри слились с его ревом. Потом послышались треск и хлопанье; опущенные мехом лепестки вывернулись наружу. Хлынула золотистая кровь. В глубине виднелись каменные руки Парри, рвущие полосатую плоть цветка.

Яростный рев все нарастал. Позади цветка что-то зашевелилось. Из листьев показался сложенный бутон на высоком стебле и начал медленно раскрываться. Цветок призвал на помощь своего преемника.

Раскрывающийся бутон наклонился к Парри...

Фергюсон вышел из ступора. Он выхватил из кобуры револьвер и открыл огонь по второму цветку.

Тот отпрянул, затем поник. Однако позади него уже раскрывался следующий бутон.

Голос Парри – в нем уже не осталось ничего человеческого, такой гулкой резонирующий звук мог бы издавать камень – перекрывал вопли разрываемого цветка, и в крике Парри тоже слышалась мольба о помощи.

Этот призыв не остался без ответа. Пока раскрывались все новые и новые бутоны, пытаясь дотянуться до Парри, за спиной Фергюсона послышался звук, заставивший его резко обернуться. Он увидел, как Джеклин отскочил в сторону и как Сэмпсон, нелепо выглядящий в своем тяжелом костюме, неуклюже попятился, потому что в помещение проникла каменная лиана.

За ней последовала другая, и еще, и еще – огромные извивающиеся лианы, словно змеи, вползали в комнату. Живые камни Эдема откликнулись на призыв каменной плоти о помощи в борьбе с врагом.

Ударяясь друг о друга, они устремились вперед. Не такие гибкие, как цветок, но зато каменные и, следовательно, более тяжелые. Одна обвилась вокруг огромного склонившегося бутона и сжала его в мраморном объятии, заставив закрыть зев; остальные вступили в схватку с раскрывающимися цветками.

Все еще удерживая Парри, огромный растерзанный цветок пронзительно вопил, истекая золотистой кровью. Фергюсон распластался на дрожащей стене, сжимая бесполезный револьвер. От нечеловеческих воплей ломило уши. Раненый цветок призывал на помощь всю долину.

И джунгли откликнулись.

По всему Эдему прокатилась новая волна чудовищного рева. В сводчатую пещеру хлынул поток живых лиан. Из их колец, из клубков зелени свирепо выглядывали цветы, похожие на змеиные глаза, – алые, голубые, пурпурные, солнечно-желтые, аметистовые. Бледные каменные плети яростно схлестнулись в борьбе с живыми плетями, и все вместе они вопили пронзительнее, чем цветок, сжимавший каменное тело Парри.

Пытаясь перекрыть этот шум, Джеклин что-то кричал, обращаясь к неподвижно стоящей дочери, которую чудом не затронуло развернувшееся вокруг сражение.

И она услышала. Впервые она слушала человеческими ушами, а не органами слуха триумвирата. Она повернула голову на отца, и в черных глазах затеплились жизнь, ужас и мольба.

Она закричала без слов, но Фергюсон понял, что даже сам ее голос звучал теперь иначе. Это был человеческий голос, освободившийся от полной власти растения и камня. И прямо через кишение змееподобных лиан она ринулась к людям.

Джеклин распахнул просвинцованный плащ и старательно укрыл девушку.

– Фергюсон! Помогите! Нам нужно выбраться отсюда и ее увести!

– А как же Парри? – закричал Сэмпсон. – Не можем же мы его бросить!

Не успел он договорить, как огромный цветок-тигр, изнемогая в борьбе с каменным человеком, взвился на своем стебле, словно атакующая змея, на мгновение замер... и с оглушительным воплем врезался в хрустальную стену вместе со своим противником.

От удара каменные конечности Парри разлетелись на мелкие осколки.

Стена застонала. По ее блестящей поверхности побежали зазубренные трещины, и она обрушилась сверкающим дождем.

Стены пещеры дрожали, двигались, дышали. Фергюсон с трудом оторвал зачарованный взгляд от этого зрелища и подтолкнул Джеклина к выходу. В сопровождении Сэмпсона они побежали прямо по извивающимся живым лианам, которые продолжали сражаться с каменными.

И снова окунулись в солнечный свет. Склон холма сотрясался от ритмичного дыхания. Шатаясь, спотыкаясь, они пробирались вперед, преследуемые звуками сражения, в котором скалы и растения в безумной ярости рвали друг друга.

Джунгли тоже словно обезумели. Мозга триумвирата больше не существовало, и поддерживаемое им тонкое равновесие Эдема рушилось. Погибая, мозг испускал в пространство дикие, свирепые мысли, и джунгли, воспринимая их, тоже остервенели. Лишившись управляющей силы, в слепом гневе все сражались со всеми.

Вдруг Фергюсон заметил отсутствие Сэмпсона. Он остановился, обернулся и увидел внутри пещеры, поблизости от входа, закутанного в защитный костюм человека с блестящим зубилом в одной руке и свинцовым ящиком в другой. Фергюсона замутило, когда он понял, чем занимается Сэмпсон.

Тот яростно колотил зубилом по мерцающему радио, покрывающему стены пещеры.

– Сэмпсон! – попытался Фергюсон перекричать взбесившийся Эдем. – Дурак! Прекрати!

Сэмпсон продолжал трудиться, не реагируя на призывы Фергюсона. Наверное, он не замечал, как стена вздрагивает под ударами зубила. Скорее всего, не понимал, что скала живая и, следовательно, способна чувствовать.

Зев пещеры задрожал и... начал уменьшаться!

Только теперь Сэмпсон заметил опасность, выронил зубило и бросился бежать, однако лианы, на которые он наступал, всячески мешали ему. Он споткнулся и...

Зев пещеры закрылся с грохотом раскалывающегося камня.

Испытывая тошноту и головокружение, Фергюсон повернулся и увидел лежащий рядом с тропой защитный костюм Джеклина. Торопливо сорвав свой, он бросился вслед за ученым и его дочерью. Вопли леса оглушали. Повсюду камни сражались с живыми лианами. Из вен валунов во все стороны брызгала густая алая кровь.

Деревья, сплетаясь ветвями, пытались выдрать друг друга из земли, разорвать визжащие от ужаса корни.

Дерево с коричневой корой выбросило в сторону своего противника длинную ветвь, и Фергюсон разглядел, что та состоит из сочленений – в точности как рука; из-под коры торчала сломанная кость. Мелькнула жуткая мысль, что это, возможно, и есть ответ на вопрос, почему исчезли индейцы Джеклина.

Догнав ученого, Фергюсон помог ему вести задыхающуюся девушку. Земля вздрагивала под ногами, цветы тянули к людям жадные рты. Однако в основном джунгли были заняты внутренней борьбой; растения и камни уничтожали друг друга, не замечая ничего вокруг.

Наконец, измученные и оборванные, задыхающиеся и истекающие кровью, но живые, люди добрались до расселины. Здесь, как и везде, скалы тяжело дышали, содрогались в мучительных конвульсиях. Выход то почти закрывался, то раздвигался снова.

Фергюсон посмотрел на девушку. Она была почти без чувств, – наверное, то, что творилось в Эдеме, страдальческим эхом отдавалось в ее мозгу.

Фергюсон закричал, указывая на расселину; его голос почти утонул в общем шуме. Джеклин понимающе кивнул. Девушка попыталась вырваться. Фергюсон обхватил ее за талию и силой заставил продолжить путь.

Скалы по сторонам прохода застонали и начали сближаться. Фергюсон едва успел проскочить между ними, отделавшись лишь ссадиной на плече.

За его спиной расщелина с грохотом сомкнулась.

Послышался новый вопль, и проход открылся снова.

Повернувшись, Фергюсон в последний раз взглянул на Эдем.

Джеклин стал свидетелем творения райского сада, Фергюсон видел его конец.

Земля разверзлась.

В центре Эдема образовалась яма. Расширяясь во все стороны, она поглощала лес и вопящие камни – все, что находилось в этой удивительной долине, где зародилась и нашла свой конец новая раса.

И земля поглотила Эдем.

Откуда-то из неведомых глубин донесся звук мощного взрыва, оглушительный гул, как будто там рушились миры. В небо вонзилось копьё алого света.

Проход в скале с грохотом закрылся. На этот раз навсегда.

Шатаясь, Фергюсон сделал несколько шагов, глядя на Джеклина и девушку. Она изменилась. Нечеловеческая бледность покинула ее, и чужеродная тьма больше не смотрела из глаз.

– Она человек, – прошептал Джеклин. – Фергюсон, она возвращается. Мутация не изменила ее необратимо.

Фергюсон не мог оторвать взгляда от пылающего алого копья, которое медленно таяло в небе над холмами. Его губы безмолвно шевелились:

– «И поставил на востоке у сада Едемского... пламенный меч... чтобы охранять путь к дереву жизни...»⁶

---

⁶ Быт. 3: 24.

Полдень

Когда он отвлекся от созерцания пруда, сад выглядел... иначе. В воде Уэстон видел отражение синего неба и облаков в лучах заходящего солнца, а еще тень пролетающего самолета. Гул двигателя вдруг стих. Только что был закат, и вдруг наступил полдень, и Уэстон уже не в Версале, а...

Где?

На подготовку ушли месяцы, но просто чудо, что это вообще случилось. Многие ищут чудес, но редко их находят. А вот Джон Уэстон, человек свободный, праздный и достаточно состоятельный, чтобы потакать своим капризам, явился сюда в поисках иллюзии и нашел ее. Данн был прав. Теория серийного времени выдержала проверку на прочность, и рассказы свидетелей о темпоральных видениях в садах Версаля оказались не выдумками.

Едва очутившись здесь, Уэстон уловил в атмосфере своеобразное движение. Ощущение тотчас исчезло, но краткого мига оказалось достаточно, чтобы Уэстон заглотил наживку и остался бродить по древним тропам. Слабо верилось, что он снова увидит лицо, на мгновение явившееся ему в мерцающих водяных брызгах. Путешествие во времени не поддается каталогизации, его невозможно взвесить и проанализировать. Оно или было, или нет.

И теперь оно было.

Уэстон не шевелился, лишь посматривал по сторонам. Деревья стали другими, а неподалеку возникли невысокие голубые домики с коническими крышами. Вместо травы земля покрылась густым пружинистым мхом. Пруд же остался на месте, у самых ног Уэстона.

Когда схлынула волна скептического изумления, он зашагал к голубым постройкам.

Тут произошло второе чудо. Из ближнего домика вышли трое и направились навстречу Уэстону. Одна из них – девушка, чье лицо он уже видел. Остальные двое – худощавые юноши в зеленых с бронзовым отливом туниках, таких же как у девушки. Вся троица лучилась исключительной жизненной силой.

Глядя на них, Уэстон окончательно понял, что переместился в далекую эпоху, в совершенно иной мир. Люди здесь поразительно стройны, в их фигурах нет никакой угловатости, а худые, с заостренными подбородками лица не кажутся грубыми.

Уэстон открыл было рот, но спохватился: нет уверенности, что он сумеет наладить контакт. А бронзово-зеленые глаза смотрели на него.

– Привет, – брякнул Уэстон наобум.

Все трое улыбнулись и дружелюбным эхом повторили приветствие. Слегка ошалевший, Уэстон рискнул продолжить разговор:

– Где я? Что это за место?

– Это Джекира, – ответила девушка.

– Да?.. А который нынче год?

Они по-прежнему улыбались, но теперь явно чего-то ждали. Было очень тихо, лишь шелестела где-то листва. Один из юношей развернулся и ушел, неторопливо и бесшумно.

– У него дела, – объяснила девушка. – А ты, как вижу, на время отошел от дел. Меня зовут...

Прозвучало имя, похожее на «Серена».

Уэстон не ожидал столь невозмутимого приема. Начал объясняться, сыпать вопросами, но девушка перебила его:

– Мне тоже пора заняться делом.

Она отвернулась. Уэстон бросил растерянный взгляд на второго юношу и понял, что помощи от него ждать не стоит.

В полном смятении он последовал за Сереной. Девушка скрылась в одном из домиков. Удивительное место, подумал Уэстон: коридоры, разновеликие комнатухи, этажи-балконы, полупрозрачные стены – что внутри, что снаружи. Освещение зеленое, темно-синее и фиолетовое, напоминает океан на закате дня.

Догнав девушку, Уэстон увидел у нее в руках стеклянную сферу. Лишь когда они вышли на дневной свет, стало видно, что сфера наполнена дымом: тот сочился из отверстия наверху и растворялся за плечами у мерно ступавшей Серены.

Она опустила сферу на мох, не обращая внимания на Уэстона. Под ее пальцами вспыхнули огни – Уэстон не понял, в чем тут фокус, – а потом Серена уселась и стала рассматривать язычки пламени. Вот, похоже, и все ее дела.

Дважды Уэстон пробовал заговорить с девушкой, но та не отвечала. Тогда он отправился на разведку, но прогулка по поселку не дала новых знаний, и двое юношей не попались ему на глаза. Чего бы ни ожидал Уэстон, его ожидания расходились с реальностью.

«Почему они не удивились? – думал он. – Неужели путешествия во времени стали настолько обыденными? Или ответ кроется в чем-то другом?»

Всю вторую половину дня до наступления голубых сумерек Уэстон призраком шнырял по этим странным местам, чуждым и совершенно непостижимым. Наконец он увидел Серену и юношей: те сидели на мху возле одного из строений. Уэстон подошел и увидел, что они ужинают. Присоединился к трапезе. Это был невероятный ужин, ибо Уэстону прислуживала сама земля. У его ног появилось отверстие, в точности похожее на разинутый рот, наполненный чем-то желеобразным. Глядя на остальных, Уэстон зачерпнул эту массу ладонью, попробовал на вкус. Вполне съедобно.

Затем вокруг отверстия проклюнулись зеленые ростки – с почками, но без цветков; прямо на глазах воздушными шариками наливались плоды. Серена сорвала один и съела. Решив, что сейчас не время для вопросов, Уэстон последовал ее примеру.

Когда ужин подошел к концу, отверстие сомкнулось, а крошечные растения рассыпались по мху ярко-розовой пылью. Не обращая внимания на Уэстона, местные завели непринужденную беседу.

– Огни сегодня горели хорошо, – сообщила Серена, – и глина была податливой.

– А у меня не все так гладко, – проворчал один из юношей.

– Когда вы закончите? Скоро? – спросил Уэстон, и все трое воззрились на него со странным блеском в глазах.

– Я – да. Думаю, что да, – ответила Серена. – Ну а ты? Далеко продвинулся?

– У меня нет никаких дел, – услышал Уэстон собственный голос. – Я из другого времени. Это вообще не мой мир. Я... Я...

Он умолк, потому что собеседники теперь смотрели на него как на пустое место. Мгновением позже они возобновили разговор – с таким видом, будто Уэстон не сказал ни слова.

Темнело. В этом мире время текло иначе. Уэстон покинул Версаль на закате, а здесь оказался в полдень. Наконец Серена встала и проводила всех в рощицу высоких деревьев, к четырем поникшим ветвям, увенчанным четырьмя огромными закрытыми цветами. Цветы медленно раскрылись.

Серена приблизилась к цветку, ступила в мягкую чашу, легла и вытянулась во весь рост. Лепестки сомкнулись, ветвь поднялась. Двое юношей расслабленно улеглись в такие же фантастические гамаки.

Одиноким в сгущавшемся сумраке, Уэстон растерялся. За время пребывания в этом мире он не получил ни одного удовлетворительного ответа. Его попросту сочли за своего. Сам мир безболезненно принял его, и теперь в рощице четыре цветка – а вчера вечером, наверное, их было три.

Серена и юноши, скрытые в цветочных ложах, покачивались у него над головой. Уэстон глубоко вздохнул, развернулся и ушел к пруду – portalу, ведущему в его прежний мир, – но что-то помешало ему сделать последний шаг. Ведь такая возможность выпадает раз в жизни! Уэстон получил, что хотел. Он оказался в другом времени, в другом мире – да еще в каком! Кстати говоря – в каком? Вот бы это выяснить...

В конце концов он вернулся к ветвям и улегся в четвертый цветок. Над головой сомкнулись лепестки, пахло чем-то сладким и прохладным, колыбель легонько закачалась – и все, больше Уилсон ничего не помнил.

На следующий день юноши попытались его убить.

С первыми лучами рассвета цветки раскрылись, и все четверо искупались в озере, полном сверкающей шелковистой воды, после чего во мху разверзся миниатюрный кратер-кормилец. Потом, игнорируя вопросы Уэстона, Серена ушла по своим делам. Юноши с холодным интересом смотрели, как Уэстон следует за ней.

К тому времени он уже понял: надо уходить отсюда, причем незамедлительно. А значит, у него остался последний шанс разгадать загадки этого мира, иначе они так и останутся загадками. Поэтому он не отставал от Серены ни на шаг, выпытывал, чем она занимается, что собой представляет ее мир и так далее, – задавал тысячи вопросов, но они, по всей очевидности, не имели для девушки никакого смысла. Иногда она откликнулась, но по-настоящему полезный ответ дала лишь однажды:

– Об этом спроси у Знания.

И объяснила Уэстону, куда идти. Быть может, лишь для того, чтобы избавиться от его надоедливого присутствия.

Он последовал указаниям Серены, чувствуя себя невежественным ребенком в храме непостижимой взрослой мудрости. Но слово «Знание» звучало ободряюще. Наверное, это библиотека с говорящими книгами и картинами. Или радиоатомный мозг. Испытывая нарастающее волнение, Уэстон бродил по округе в поисках названного Сереной места.

Задача оказалась не из легких, поскольку у комнаты был самый обычный вид – конечно, если эти цветные комнаты, залитые прохладным светом, можно назвать обычными. Но через некоторое время один из юношей скользнул мимо Уэстона в дверной проем, пересек комнату и стал у дальней стены.

На ней проявился сияющий овал. Юноша всмотрелся в него, прислушался, потом развернулся и бесшумно вышел в другую дверь. Овал померк.

Уэстон приблизился к стене, и панель ожила снова. Да, вот оно, Знание. Эквивалент громадной библиотеки. Машина с радиоатомным мозгом, механический коллоид, наивысшая ступень развития мыслящих машин из времени Уэстона. Знание умеет отвечать на вопросы. Серена и ее соплеменники не могут обойтись без радиоатомного мозга, потому что давным-давно лишились одной из характерных человеческих черт.

Они утратили рассудок.

Они сохранили инициативность – способность к самостоятельным действиям, – но пользовались ею бездумно, словно растения или цветы. Знание поведало все это Уэстону, отвечая на его безмолвные вопросы.

Но Знание было всего лишь машиной. Оно не ведало всего, чем интересовался Уэстон. Он понял, чего не хватает в общении с этим нечеловечески мудрым устройством: человеческого понимания. Дружелюбия. Но искать его в сияющей панели было попросту нелепо. Радиоатомный мозг, запрограммированный на выполнение определенных функций, но лишенный инициативности, предназначался лишь для того, чтобы снабжать людей информацией. По мере необходимости.

Так или иначе, Уэстон получил свои ответы.

Через некоторое время он вышел наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Он увидел, как Серена и остальные возятся с загадочными огнями, а над головой у них сияет солнце. Долгий полдень человечества.

Да, полдень. Уже тысяча лет, как здесь полдень.

Трудно сказать, что Уэстон рассчитывал найти в будущем – но никак не то, о чем сообщило ему Знание. Он стоял, обливаясь потом и удивляясь своему нежеланию двигаться. Из близлежащих мхов донеслось шуршание. Уэстон услышал рев пламени, а потом два глубоких вздоха, похожих на первые вздохи новорожденного великана.

Полдень. Вот тебе и ответ. Уже тысячу лет, а то и миллион тут полдень. Уэстон пытался уложить это в голове, но не мог, ибо привык к традиционному течению времени. Объять концепцию идеала – точки, из которой нет пути ни вперед, ни назад, – оказалось весьма проблематично.

Серена и ей подобные достигли совершенства и застыли в зените человечества. Не будет ни сумерек, ни вечера. Но, мрачно подумал Уэстон, в конце концов наступит ночь.

Ведь так бывало и раньше. Фоссилизированные муравьи и пчелы – окаменелости, чей возраст насчитывает миллионы лет, – в точности повторяют очертания современных насекомых. Самый обыкновенный таракан не менял своей формы вот уже сотню тысяч миллениумов. Достигнув совершенства, в полной мере адаптировавшись к окружающей среде, он застыл в развитии. Теперь же застыло человечество.

Полдень...

Уэстон поискал Серену. Ему все еще не верилось, что она... что она такая. Наконец он увидел: девушка занималась своими делами и двое юношей тоже, а из пляшущих огней вздымается гигантская фигура. Уэстон окликнул ее.

Полдень!

Теперь до него дошло, что у них за работа и почему они настолько увлечены ею. Они создавали жизнь, создавали ее бесконечно и безнадежно; творили ее в нестабильных формах, и недоделанная жизнь угасала или распадалась, едва успев выйти из языков пламени. Уэстон знал, что эти трое провели неисчислимое множество бессмысленных экспериментов. И пожалуй, понимал, зачем они это делали. И почему у них ничего не выходило.

Достаточно провести аналогию, и станет ясно, что случилось с человечеством за время, прошедшее с родной эпохи Уэстона.

Вскоре он снова отправился искать Серену: хотел взглянуть в ее вибрирующее неземное сияние и убедиться, что она та, кем является.

Он уже понял: в этой девушке есть что-то гипнотическое. Ослепительное совершенство, невероятная уверенность в каждом действии, ни единого лишнего движения, ни мгновения раздумий. Ну конечно, для нее это в порядке вещей – настолько же, насколько неестественно для обычного человека, – потому что Серена такова, какова она есть.

Он нашел ее, занимающуюся своими делами в обществе юношей, и в языках пламени увидел нависшего над троицей неподвижного гиганта.

– Серена! – позвал он и подумал: «Если объяснить ей, что произошло, объяснить так, чтобы поняла... Быть может, тогда она меня заметит?»

Она шагнула вперед, сбрасывая с пальцев пламя, словно стряхивая капли воды. Ее лицо сияло ярче прежнего.

– На сей раз мы преуспели, – сказала она, и Уэстон похолодел. – Теперь, когда ты здесь, нам стал доступен новый фактор. Ты. Нам нужен ты. Знание только что известило: если вооружиться твоим разумом, шансы на успех увеличатся.

Он заглянул ей в глаза и прочел в них пустоту. Ее рука вдруг сжала его запястье. Серена оказалась чудовищно сильна. Юноши отвернулись от огней и гигантской фигуры. Они направлялись к Уэстону.

Он вырвался и побежал по мшистому полю, помчался сломя голову к порталу у пруда под застывшим в полуденном безвременье ярким небом.

Во мху снова зашуршало, и Уэстон вдруг обнаружил, что его схватили за ноги. Схватили и не отпускают. Он упал ничком и проехался по земле.

Сел, обернулся и увидел, что его окружают крошечные существа – не люди, не животные, не насекомые, а ярко окрашенные создания, чьи контуры лучатся неестественным свечением. На глазах у него двое существ исчезли: попросту испарились. Остальные стояли во мху и сверлили Уэстона бриллиантовыми глазами.

Эксперименты. Неудачи. Он зацепился за эту мысль. Над ним в вежливой позе застыли Серена и двое юношей. Они чего-то ждали. «С нетерпением ждут того момента, – подумал Уэстон, – когда бросят меня в огонь, превратят мою плоть в...»

Серена с улыбкой потянулась к нему.

Если бы только он мог все ей объяснить!

Уэстона сковала ледяная паника. Надо выиграть время! Он справится, ведь эти люди лишены рассудка. Теперь он в этом не сомневался.

– Погодите, – сказал он, выпрямляясь. – Я пойду с вами, но сперва надо во всем убедиться. Ошибок и без того предостаточно. Позвольте мне обратиться к Знанию и послушайте, что оно ответит.

Они охотно сопроводили Уэстона, а следом катился выводок малышни: яркий, сверкающий, нереальный. На ум Уэстону пришли райские кущи. В стене проявилось овальное окно, Уэстон задал вопрос, и в сознании – его и всех присутствующих – обрел форму неожиданный ответ.

– Да, – говорило Знание, – в твоём разуме имеется фактор, коего недостает для успеха. Тот фактор, что я чувствовало лишь в Золотом Сиянии, а Золотое Сияние – квинтэссенция совершенства. Но в разуме присутствующей здесь женщины сей фактор выражен еще сильнее, хотя у тебя он доминирующий, а у нее – рецессивный.

– Золотое Сияние? Что это? – спросил Уэстон, чтобы выиграть время.

– Я не способен ответить на твой вопрос. Сие мне неведомо.

Но Серена не слушала.

– Преуспеем ли мы, если я воспользуюсь собой как материалом для работы? – спокойно спросила она.

– Серена, так нельзя, – сказал Уэстон.

Она не услышала. Развернулась и вышла. Юноши последовали за ней. Один скользнул взглядом по Уэстону, и в глазах больше не было смертоносного холода. Уэстон стал неинтересен и ему, и остальным.

Опасность, грозившая лично Уэстону, миновала. Теперь он мог беспрепятственно проследовать к порталу, но не сделал этого. Необходимо было увидеть, что станет с Сереной, и он отправился следом за троицей.

Теперь Уэстон как следует рассмотрел фигуру, которую вылепили в пламени. Человек, выше восьми футов, божественно красивый и вибрирующий от полуразумной жизни. В глазах у него было пусто.

Трое людей хлопотали возле только что разведенных костров. Уэстон стоял и смотрел, как они заканчивают приготовления. Поддерживаемая одним из юношей, Серена приблизилась к одному из костров и замерла в позе сосредоточенности – она явно намеревалась войти в огонь. Уэстон кинулся вперед, и как раз вовремя.

Схватил ее за плечи, оттащил от костра. Юноши глядели на Уэстона спокойно, равнодушно. Костер разгорался.

– Серена, нельзя! – сказал Уэстон. – Я не позволю!

Она не ответила. Его слова не имели никакого значения. Уэстон чувствовал неослабевающее напряжение ее мышц. Девушка упорно клонилась к костру: как только Уэстон уберет руки с ее плеч, она шагнет в огонь.

Один из юношей схватил его за запястье, пытаясь освободить Серену. Уэстон даже обрадовался этому поводу для эскалации конфликта. Он замахнулся и от души ударил юношу в челюсть. Телосложение у противника было хрупкое, поэтому он опрокинулся на землю. Лежал, глядя на Уэстона без удивления или гнева, но явно что-то замышляя.

Уэстон подхватил Серену на руки и грузно побежал прочь. За домиками остановился, оглянулся. Юноши вернулись к первому костру, где высилась гигантская фигура, и занялись своим делом – искусно, проворно, без единого лишнего движения. Дважды они указали на Уэстона.

Он опустил Серену на землю, но продолжал держать ее за руку. Девушка не противилась, хотя однажды, когда Уэстон разжал пальцы, немедленно отправилась назад, к кострам. Уэстон снова поймал ее и торопливо потащил к воротам, ведущим в Версаль и двадцатый век.

Но не нашел их, а вскоре из-за увенчанного куполом домика появился великан. Шагая, он не сводил глаз с Серены. «Идет неровно, – подумал Уэстон, – потому что создан совсем недавно, но непреклонен».

Гигантские руки нежно обхватили Серену, забрали ее у Уэстона и понесли к ожидавшим у костров юношам.

Уэстон прыгнул на великанию спину и взял шею противника в дзюдоистский захват. Гигант выронил Серену, но, как оказалось, Уэстон не мог ему навредить: вместо того чтобы вступить в драку, великан стремился лишь уйти прочь, и был он невообразимо силен. Чувствовалось, что под бледной бархатистой кожей – не обычные человеческие мышцы; они похожи на более прочные мышечные ткани сердца. Справиться с этим монстром можно лишь потому, что он еще не научился координировать движения.

Уэстон понимал, что у великана лишь один побуждающий мотив – доставить Серену к кострам. И ничто на свете не заставит его отказаться от этой затеи.

А Серена уже сама возвращалась к огням, и все происходящее казалось форменным кошмаром.

Отцепившись от великана, Уэстон догнал девушку и снова подхватил ее на руки. Серена обмякла в его объятиях. Сейчас не было смысла искать врата времени, и Уэстон побежал куда глаза глядят, а великан не спеша следовал за ним.

Уэстон понимал: надо увеличить разрыв, а потом сделать круг и поискать портал, прежде чем гигант сообразит, что к чему. Жарил полдень. Казалось, само время играет с Уэстоном в замысловатую игру. Через какое-то время он поставил Серену на ноги, но не отпустил ее запястье, чтобы у нее не сработал инстинкт возвращения домой, хотя костров уже не было видно.

Спустя несколько часов Уэстон окончательно заблудился. Мир этого времени являл собой бескрайний парк. Ничто не менялось. В сущности, весь мир оказался высокоточным механизмом для поддержания человеческой жизни.

Когда Уэстон хотел есть, его кормил мох. Когда он испытывал жажду, перед ним появлялись лужицы питьевой воды. За время отчаянного бегства, пока великан маячил на горизонте, Уэстон не обнаружил ничего, кроме поросших мхом волнообразных холмов.

Холмы, холмы... И кое-что еще.

Золотое Сияние.

Уэстон поначалу не понимал, что это впереди. Сообразил, лишь когда выбился из сил. Серена была неутомима. Он пытался говорить с ней. Девушка реагировала, когда Уэстон задевал нужные струны, и у нее всегда готов был совершенно бессмысленный ответ.

Но невозможно было отделаться от мысли, что, если достучаться до нее, объяснить, какие абсурдные побуждения движут ее жизнью, она проснется.

Великан выигрывал. Теперь их разделяло не больше полумили. Садилось солнце. Скоро стемнеет.

Здесь не бывает полутонов, думал Уэстон. Только жаркий дневной свет, а потом тьма. Вот какая судьба ждет человечество!

Он заговорил:

– Серена, послушай меня. Знание поведало мне... Послушай! Знаю, ты лишена рассудка, тобой руководит инстинкт, но все-таки постарайся понять...

Они брели, не останавливаясь, и он поглядывал на ее прекрасное умиротворенное лицо.

– Это явление называется тропизмом. То, благодаря чему растения поворачиваются к свету. А еще есть таксис, направляющий насекомых. У насекомых по-своему идеальная жизнь. Инстинкты говорят им, как поступать в тех или иных ситуациях, и противиться этим инстинктам – все равно что противиться самой жизни. Насекомые получают раздражитель и действуют по велению таксиса. Ты слушаешь? Именно это произошло с человечеством! С твоим родом! Вы лишены рассудка; подобно механизмам, вы откликаетесь лишь на определенные стимулы. Как само Знание. Если я задам вопрос, на который ты запрограммирована отвечать, ты ответишь. Спрошу о чем-то еще, и ты даже не услышишь. А сейчас? Сейчас ты слышишь меня?

Темнеет. Луны не видать, но на горизонте брезжит золотистый свет. Уэстон свернул к нему. В сумерках не определить, далеко ли великан, но он мог запросто набрать темп, ведь тут повсюду пружинистый ровный мох и никаких препятствий.

Они приближались к источнику сияния, которое становилось все ярче, но Уэстон страшно устал. В голове крутились одни и те же мысли. Через какое-то время он вновь заговорил с Сереной:

– Ты не человек. Ты утратила человечность миллион лет назад. Само совершенство – да, ваш народ достиг его, но расплатился гуманизмом. Теперь вам не нужны машины. Давным-давно вы обуздали динамику природных процессов, научились выращивать все на свете, отшлифовали этот навык до идеала. Ты владеешь этим навыком, да, Серена? Я видел, как ты им пользуешься.

Поэтому рассудок вам больше не нужен. Вы обрели рай и подстроили под него свой разум. Вот он, ответ на все вопросы: стагнация – бездуховность – тропизм. Разве ты не понимаешь, Серена, что человечество не было готово к такому совершенству? У него еще имелись дела. Не знаю какие, но точно говорю: имелись. Праздная жизнь в раю – это ад, и, чтобы вытерпеть такую пытку, вам пришлось пожертвовать рассудком.

Он снова глянул на ее полускрытый спокойный профиль. Ноль реакции.

– Ты должна понять. Кое-кто уже понял, причем давным-давно. Об этом мне поведало Знание. Жил на свете великий ученый, и занимался он психобиогенетикой. Этот человек пришел к выводу: если человечество обретет райскую жизнь, прежде чем заслужит ее, то... оно будет обречено на гибель. И он надеялся, что другие продолжат его исследования.

Он поставил перед человечеством задачу: создать жизнь. Вот он, твой тропизм, Серена. Вот он, твой таксис. Род людской проклят и обречен, Серена, но ты инстинктивно пытаешься создать новую расу, чтобы она подхватила флаг, который выронили предки. С помощью динамики природных процессов и костров жизни уже много тысяч лет ты и тебе подобные, ведомые слепым инстинктом, силитесь создать высшую расу.

Муравьи, пчелы... это чужие миры! Мне не понять ни тебя, ни твой мир, ни твой народ. Ведь я всего лишь человек разумный!

Но услышь же меня, Серена! Я не могу допустить, чтобы ты покончила с собой. Не могу допустить, чтобы ты, подчиняясь тропизму, влетела в костер, словно мотылек. Ох, Серена, Серена!

Он шагал как во сне, и вдруг впереди – рукой подать! – вспыхнуло Сияние.

Высокий дрожащий столб холодного тусклого огня – словно Зевс, явившийся Данае в образе золотого дождя. Эти замшелые руины – все, что осталось от храма, выстроенное вокруг высокого, в человеческий рост, огня. Должно быть, когда-то этому свету молились прихожане. И вот он снова здесь: мерцает, ждет.

Невыразимо уставший Уэстон понимал, что впереди последняя битва. Вернее, позади, ибо во тьме звучали тяжелые шаги, от которых подрагивала пружинистая земля. Наконец из мглы явилась новая форма жизни – новейшая из всех, что были созданы человеком.

Уэстон заслонил собой Серену и стал ждать, наблюдая, как отблески Золотого Сияния играют на мертвенно-бледном теле гиганта.

Великан шагал вперед.

И – прошагал мимо.

Не обращая внимания на Уэстона с Сереной, великан шествовал на свет! Уэстон даже рот раскрыл от изумления. Вот монстр неуверенно протянул лапищу, чтобы коснуться сияния, но та уперлась в невидимый барьер. Великан повторял свои бесплодные попытки. Уэстона для него не существовало.

Рука Серены выскользнула из ладони Уэстона, и девушка ушла во тьму, следуя инстинкту, влекущему ее к далеким кострам. От усталости у Уэстона кружилась голова. Он последовал за Сереной, то и дело оглядываясь. Великан, словно под гипнозом, пялился на Сияние и тщетно пытался коснуться его.

За людьми он не пошел.

Уэстону не запомнился обратный путь. Должно быть, он задремал на ходу, шаркая по мху, держась за руку Серены, которая увлекала его к ожидавшим ее кострам. Шли небыстро; терпение девушки оказалось до жути бездонным.

Поздним утром вышли к голубым домикам. Юноши на мгновение отвлеклись, а затем снова склонились над фигурой, которую лепили из глины.

– Уже почти готово, – промурлыкала Серена. – Значит, время не потрачено впустую. Скоро... Наверное, уже скоро!

Держать ее за руку стоило немалых усилий. Уэстон искал врата, но глаза слипались. Сонливость накатывала неумолимо, будто океанский прилив. Очнувшись, Уэстон увидел, что Серена идет к кострам. Еле перехватил.

Возможно, с течением времени врата переместились, или Уэстон просто забыл их точное местоположение. Он долго искал, и все мышцы ныли от изнеможения, а кругом стоял вечный полдень человечества – человечества, обреченного на вечную ночь и пытающегося уничтожить себя.

Работа у юношей спорилась. Слепой тропизм, древний врожденный инстинкт... Уэстон, спотыкаясь, сонно бродил вокруг пруда, тащил за собой Серену...

...И вдруг он очутился в Версале, на знакомом месте. В небе гудел самолет. Уэстон по-прежнему держал Серену за руку. Протащил ее сквозь время, из полудня в вечер.

И это стало его проклятием. Проклятием для них обоих.

К югу от Сувы есть коралловый остров, а вокруг – только океан. Когда-то тут обитали туземцы-канаки, но больше не живут. На острове заброшенный дом и обнесенный стеной сад;

в саду разрослись одичавшие панданы и лишайники, а буйные тропические лозы взялись пожирать и тех и других. И кое-что еще, чужеродное и вечное, стоит вопреки ревущим круглый год пассатным ураганам, что всей яростью обрушиваются на островок.

Капитанам немногих торговых судов известно, что раньше усадьба принадлежала Джону Уэстону. Они привозили сюда провиант, инвентарь и предметы роскоши, от которых незачем отказываться состоятельному человеку, даже если он обосновался в тихоокеанских южных широтах. Но суда больше не встают здесь на якорь. Что же до канаков, никто не слушает их пьяные рассказы. Канаки не планируют возвращаться. Им страшно.

Уэстон прожил на острове почти тридцать лет.

Как вы уже поняли, он влюбился в Серену. Влюбился в абсолютное совершенство рода человеческого. Всякий стремится к совершенству, и Уэстон возжелал Серену по-своему – возжелал, чтобы она всегда была рядом, чтобы он мог нежиться в излучаемом ею живом сиянии.

Понять ее он не мог, но не мог и расстаться с ней. Серена не ведала сомнений, отчаяния и горя. Вернувшись из Версаля, Уэстон понял: нет иного способа быть рядом с Сереной, кроме как увезти ее на тихоокеанский остров. Он разбил на острове сад и обнес его стеной. Благодаря врожденному умению управлять природой Серена вырастила мхи и деревья. Она снова разожгла костры жизни – и занялась своим делом.

Уэстон наблюдал за Сереной и боготворил ее. Смотрел, как она создает жизнь – создает, а потом уничтожает. Год за годом она следовала велениям таксиса. Отвечала, когда ей задавали правильный вопрос, но настоящей связи с ней Уэстон так и не добился, слишком уж глубока была пропасть между ними. Серена была само совершенство, а Уэстон не мог похвастать ничем, кроме ума.

Иногда он подумывал, не вернуть ли Серену в родной мир. Но знал, что никогда не сделает этого, ведь там ее ждут двое юношей, там ее ждут костры, и Серена с готовностью принесет себя в жертву, чтобы создать новую расу, которая займет место человечества...

Без малого тридцать лет. Она не старилась. В отличие от Уэстона. А однажды наступила долгожданная развязка.

Он отпер дверь, ведущую в сад, вошел и позвал Серену по имени. Раньше она всегда откликалась, но сегодня ответом ему была тишина.

Уэстон прошагал по извилистой тропинке и в ее конце увидел неземной цветок пламени. Высокий, тускло-золотой, он покачивался на огненном стебле; он жил, горел, ждал. Уэстон сразу все понял. Серена по-прежнему в саду, но больше ему не ответит.

Это и есть успех, к которому так долго стремились она и ее народ. Новая раса. Серена, обладавшая нужным качеством – каким бы оно ни было, это качество, – вывела точную формулу новой жизни. Сама стала этой жизнью. Ее частицей.

Уэстон смотрел на пламя. Помнил, что уже видел такое далеко в будущем, где оно пылало среди замшелых холмов. Вот почему великан забыл про Серену и пошел к Золотому Сиянию. Этим Сиянием была Серена, отдавшая себя рождению новой расы – шагу за пределы человечества, шагу, который она сделала за миллионы лет до своего рождения.

И миллионы лет ее народ ложился костями, чтобы достичь результата, уже достигнутого Сереной в далеком прошлом!

В будущем Сияние обнесено барьером. А сейчас? Появился ли он сразу, этот барьер?

В зеленоватых сумерках пылал новорожденный огонь. Совсем скоро он озарит свою первую ночь, но умом не объять бесчисленного множества ночей, кои ему предначертано озарить. Миллионы дней и миллионы ночей, пока приливы и отливы времени стирают с планеты океаны и континенты, а люди ищут рай, находят его и сползают в бесконечный и до жути идеальный полдень человечества.

А потом – как-нибудь, когда-нибудь – этот огонь непременно проснется, ибо он – первенец сверхчеловеческой, нечеловеческой расы. Проснется и придет за человеком, а Серена будет частью этого огня.

– Серена! – выдохнул Уэстон.

А потом шагнул вперед – с сияющим лицом, с горящим взглядом, – шагнул в самую сердцевину живого пламени.

Сад опустел, если не считать огненного столпа, озарявшего ночь своим загадочным сиянием. Никому из людей не узнать секрет этого огня, не понять, что за чуждая жизнь дремлет в нем, еще не готовая проснуться и унаследовать планету, из обреченного полудня человеческой расы увести ее в блистающее утро невообразимого будущего.

Сад стих. Людей не осталось. В ночи пылал цветок Золотого Сияния.

Осталось подождать миллион лет.

Среди чудес прекрасных

Глава 1. Трансмутация

Бельгиец с кофейником в руках шаркающей походкой вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, Слейд вопросительно посмотрел на Миллера. Тот пожал плечами.

– Похоже, сумасшедший, – сказал Миллер.

Слейд изогнул в надменной гримасе тонкие губы:

– Возможно. Но не забывайте: у меня имеются и другие источники информации. Я уверен, что на Пике Семьсот что-то есть. Нечто весьма ценное. И вы должны найти это для меня.

– Почему я? – мрачно спросил Миллер.

– Не беспокойтесь. В любой момент, как только захотите, можете вернуться в Штаты. – В голосе сквозила угроза.

– Ну конечно, – хмыкнул Миллер. – А потом вы пошлете несколько телеграмм... и будет красивая подстава. Обвинение в убийстве...

– Что ж, – прервал его Слейд, – как говорится, ничего личного. Надо же мне как-то подстраховаться на случай, если вы вдруг захотите свидетельствовать в пользу государства.

– Я делаю для вас грязную работу уже десять лет, – проворчал Миллер. – Спорить с вами слишком поздно. Но мы оба виновны в убийстве, Слейд, – в убийстве парня по имени Миллер, который десять лет назад был честным адвокатом. Мне искренне жаль беднягу.

Слейд отвел взгляд. Его лицо оставалось суровым.

– Преимущество всегда на стороне вооруженного. Где-то на Пике Семьсот есть самое мощное оружие в мире, – по крайней мере, я в это верю. Оно испускает смертоносные лучи, внушающие ужас. Я не ученый, но на меня успело поработать немало яйцеголовых. Если мне удастся завладеть этим... оружием с Пика, я смогу диктовать мои условия.

Миллер с любопытством посмотрел на собеседника. В силе и воле Слейда невозможно было сомневаться. В течение десяти лет возглавляя относительно криминальную и абсолютно беспринципную политическую империю, пытаясь дотянуться до новых миров, которые можно завоевать, Слейд становился все более своенравным.

Слухи об источнике энергии, находящемся на горной вершине в Аляске, звучали фантастически даже в Штатах, но, похоже, они разожгли азарт в Слейде, который мог позволить себе любые прихоти. Точно так же он мог позволить себе доверие к Миллеру – до определенного предела. Миллер был полностью в руках Слейда и знал об этом.

Оба посмотрели на бельгийца, вернувшегося с непечатой бутылкой виски. Ван Хорнунг был пьян и прекрасно это осознавал. Он устался на них из-под огромной меховой шапки, которую не снимал даже в помещении.

– «Коль был бы пьян я вечно от драк, любви, вина...» – процитировал он Альфреда Хаусмена, отодвигая ногой стул. – А впрочем, не важно. Выпейте, джентльмены.

Миллер бросил взгляд на Слейда, затем наклонился через стол.

– Вернемся к Пику Семьсот, – сказал он. – Мне бы хотелось...

Бельгиец хлопнул пухлой ладонью по столу.

– Вы меня спрашиваете про Пик Семьсот? Что ж, слушайте. Раньше я не стал бы рассказывать, поскольку не желаю вам смерти. Но сейчас я пьянее обычного и потому, возможно, умнее. Мне все равно, жив человек или мертв. Двадцать лет я не был ни живым, ни мертвым. Я не думал, не чувствовал, не существовал как человек. Я лишь ел, пил и пытался забыть. Если хотите отправиться на Пик, я укажу дорогу. Вот только смысла в том никакого нет.

Он выпил. Миллер и Слейд молча переглянулись.

– Если вы туда пойдете, – сказал Ван Хорнунг, – то оставите здесь свою душу, как это было со мной. Вся штука в том, что мы вовсе не господствующая раса. Мы пытаемся достичь вершин, но забываем, что на этих вершинах уже могут обитать другие. Да, я расскажу вам, как добраться до Пика. Но если уцелеете, вас ничто больше не будет интересовать.

Миллер снова посмотрел на Слейда, который нетерпеливо махнул рукой.

– Рискну, – сказал Миллер бельгийцу. – Объясните дорогу.

В полумраке арктических сумерек Миллер шел следом за проводниками-эскимосами по заснеженным склонам в направлении Пика Семьсот. Поход длился уже много дней; они все больше углублялись в сухую морозную тишину. Проводники нервничали. Они знали, что их северные боги ненавидят пришельцев, вторгающихся в священные земли, к которым принадлежал Пик Семьсот. Раскосые глаза недоверчиво наблюдали за Миллером из-под меховых капюшонов.

У того на поясе висел пистолет. Двое эскимосов уже сбежали, скрывшись во мраке долгой ночи. Двое оставшихся шли с ним лишь потому, что боялись пистолета больше, чем богов Пика Семьсот. Пока еще боялись.

Крутые склоны Пика почти нависали над головой. Нигде не было видно пути, по которому можно было бы на эту гору взобраться. Но эскимосы спешили так, словно уже заметили четкую тропу. Миллер ускорил шаг; его все сильнее охватывало беспокойство.

Шедший впереди эскимос вдруг упал на колени и стал рыться в снегу. Миллер закричал, слыша, как его голос глухо отражается от каменных стен. Но когда он добрался до проводников, один из них обернулся и, мрачно улыбнувшись, произнес на своем родном языке длинное слово, которое могло быть и целой фразой.

– Ариартокасуаромаротит-тог, – сказал эскимос. – Ты тоже скоро уйдешь.

В голосе слышалась смесь угрозы, предостережения и удовлетворения. Проводник похлопал меховой перчаткой по снегу.

Миллер наклонился. Сквозь снег проглядывала сверкающая лента, которая огибала уступ и исчезала из виду. Грубая кристаллическая поверхность отбрасывала красные и голубые тени. Здесь, в белом безмолвии горных вершин, она выглядела необыкновенно красиво. Миллер присел и провел по ней рукой в перчатке, чувствуя даже сквозь мех легкое покалывание...

– Борнит, – пробормотал он и улыбнулся.

Медь, а может быть, даже золото. Причем обнажение было старым. Судя по цвету, оно подвергалось воздействию света и воздуха уже давно. В том, что в горах обнаружилась жила борнита, не было ничего странного – скопления проросших друг в друга кристаллов октаэдрической формы в некоторых горнодобывающих районах встречались достаточно часто. И все же эта жила казалась чересчур геометрически правильной. И еще это странное покалывание...

Лента выглядела как тропа.

Эскимосы выжидающе смотрели на Миллера. Осторожно шагнув вперед, он поставил ногу на поверхность жилы. Та оказалась неровной, и трудно было сохранять равновесие. Он сделал еще два-три шага по блестящему пурпурному склону, и вдруг...

И вдруг он почувствовал, что плавно поднимается, словно увлекаемый неодолимой силой, и ощущает все то же покалывание, но теперь уже в ступнях. Горный склон скользил назад и вниз вместе с одетыми в меха людьми, под ногами разворачивалась, уходя вдаль, сверкающая извилистая лента.

«Я сплю!» – вот первое, что пришло в голову.

Закружилась голова, он пошатнулся, но не упал. Зуд в ногах был не просто нервной реакцией – он явно распространялся по ним, проникая в мышцы и кости.

«Трансмутация!» – подумал Миллер, отчаянно цепляясь за ускользящую нить здравого рассудка. – Тропа движется, – как можно спокойнее сказал он себе. – А я каким-то образом на

ней держусь. Почему я подумал про трансмутацию? Не могу пошевелить ногами – они будто в камень превратились... В тот же минерал, из которого состоит жила».

Превращение одного вещества в другое – свинца в золото, плоти в камень... Эскимосы знали об этом. Миллер видел вдали уменьшающиеся пятнышки, его проводников, пока те не скрылись за поворотом. Он беспомощно замахал руками, чувствуя, как тяжелеют уже они, – диковинная трансмутация распространялась по его телу все выше.

Наконец он понял, что сопротивление бесполезно. Нечто, намного превосходящее его силой, держало мертвой хваткой – похоже, с некой целью. Оставалось лишь ждать и...

Думать становилось все труднее. Наверное, изменения добрались до мозга. В угасающем сознании родилась вялая мысль: похоже, это конец.

Родилась и сразу умерла.

В его голове отдался эхом негромкий смех.

– Мне просто скучно, Ци, – произнес мужской голос. – К тому же ему это особо не повредит. И даже если повредит, какая разница?

Миллер парил в черной бездне. В голосе, который он слышал, чувствовалось нечто неуловимо чуждое. Потом ответила женщина, и ее тон оказался удивительно похож на тон мужчины.

– Не надо, Бранн, – сказала она. – Можно ведь найти и другие... развлечения.

Снова раздался смех.

– Такие, как он, нам еще не попадались. Должно быть интересно.

– Бранн, пожалуйста, отпусти его.

– Замолчи, Ци. Здесь хозяин я. Он уже очнулся?

Последовала пауза.

– Еще нет.

– Можно и подождать. – Мужчина вздохнул. – Так или иначе, надо кое-что подготовить.

Идем, Ци.

Наступила тишина.

Миллер понял, что плавает в пустоте. Он попытался пошевелиться, но не смог. Тело все еще держали невидимые путы, но разум был свободен и работал на удивление четко и ясно. Казалось, будто загадочная трансмутация изменила сам мозг, превратив его в нечто совершенно новое и чудесное.

«Трансмутация, – подумал Миллер. – Свинец в золото... плоть в камень... именно об этом я размышлял, прежде чем... перестал думать. Трансмутация – это изменение в структуре атомов: одно вещество превращается в другое. Тот зуд при моем прикосновении к тропе, – может, он именно это и означал?»

Но Миллер сразу понял, что ответа на этот вопрос нет. Ведь еще никто прежде не ощущал, как в его собственном теле происходит превращение плоти в кристаллы.

Если действительно все произошло именно так, то должна существовать сила, подобная силе Кулона, которая срастила Миллера с движущейся тропой, – грандиозная сила, способная удерживать электроны на своих орбитах и скреплять все сущее воедино.

И что теперь?

«Есть два вида трансмутации», – подумал он, лежа в темноте и пытаясь найти хоть какое-то объяснение случившемуся.

«Рассуждай здраво, – казалось, говорил его разум, – иначе сойдешь с ума от полной неопределенности. Делай выводы из того, что знаешь. Химический элемент определяется количеством электронов вокруг ядра, и если изменить это количество, изменится сам элемент. От заряда ядра зависит, сколько электронов это ядро способно удержать. Заряд ядра может меняться, но кристаллическое состояние остается прежним. Если же меняется кристаллическое состояние, то можно предположить, что жила испускает элементарные частицы и эта бом-

бардировка выбивает электроны из любого вещества, которое касается тропы, или, наоборот, привносит их. Новое состояние не может закрепиться, так как заряд ядра остался неизменным. Через какое-то время либо будут выброшены лишние электроны, либо захвачены недостающие; баланс восстановится – и я снова стану нормальным. Наверняка все так и есть, – подумал Миллер, – поскольку Ван Хорнунг прошел этим же путем и вернулся назад – нормальным человеком. Или... ненормальным?»

Вопрос остался без ответа. Миллер еще немного полежал, а потом снова попытался пошевелиться. На этот раз ему это удалось...

Казалось, прошло еще немало времени, прежде чем он обнаружил, что может открыть глаза. Очень осторожно он огляделся.

Глава 2. Ци

Он лежал на чем-то твердом и плоском. Над головой возвышался прозрачный купол, не слишком высокий, – в сущности, Миллер покоился в хрустальном ящике.

«В гробу», – мрачно подумал он и осторожно сел.

Мышцы подчинялись с трудом, словно его плоть все еще была наполнена веществом, из которого состояла сверкающая тропа.

Купол, похоже, обладал некими странными свойствами, поскольку все, что Миллер сквозь него видел, выглядело размытым и окрашенным в столь яркие цвета, что больно смотреть.

За стеной росли золотые деревья, на них шевелились сверкающие листья, постоянно меняя цвет. Среди деревьев медленно клубился интенсивно окрашенный туман, чей цвет невозможно было определить сквозь купол. Еще никто не видел подобного оттенка и не дал ему названия.

Поверхность, на которой Миллер сидел, так же блистала пурпуром, как и тропа. Если это тропа принесла его сюда, возникает вопрос, почему он не продолжает двигаться, а лежит в хрустальном гробу. Да, очевидно, это конец пути, и столь же очевидно, что сила, удерживавшая Миллера на нем, теперь исчезла.

Нестабильные атомы, возникшие под действием этой загадочной силы, вновь сделались нормальными, вернулись в исходное состояние. Миллер вновь стал собой, хотя мускулы одеревенели, голова кружилась и он не был уверен, что голоса ему не приснились. Если приснились, то это был кошмарный сон. Он содрогнулся, вспомнив нечеловеческий смех и обещание проделать с ним нечто ужасное.

Очень осторожно он поднялся на ноги и огляделся. Насколько он мог видеть сквозь искажающий хрусталь, поблизости никого не было. Гроб стоял в небольшой роще, и вокруг, если не считать тумана и мерцающих листьев, ничто не двигалось. Подняв руку, Миллер опасливо коснулся хрустального потолка.

Рука прошла насквозь. Послышался звон, напоминающий нежную музыку, и хрусталь рассыпался на сверкающие осколки, которые упали на землю со столь же мелодичным звуком. Миллер отродясь не слышал подобной музыки – куда более прекрасной, чем дозволено слышать смертному, в замешательстве подумал он. Ощущения были столь острыми, что человеческие нервы с трудом могли их выдержать.

Более не защищенный хрусталем, он посмотрел вокруг, на деревья и туман, и понял, что присутствие купола ничего не меняло. Невероятные цвета не были результатом оптического искажения – они были настоящими. Неуверенно сделав шаг, он ступил на такую мягкую траву, что ее ласковое прикосновение ощущалось даже через подошву.

Сам воздух был удивительно прохладным и спокойным, как в погожее летнее утро, и настолько прозрачным, что казался жидким. Мерцающие листья так притягивали взгляд, что Миллер отвернулся, не в силах выдержать этого зрелища больше чем секунду-другую.

Наверняка это была галлюцинация. «Я по-прежнему где-то там, в снегах, – подумал он. – Бред, вот что это такое. Мне все только кажется».

Но если это сон, то и Ван Хорнунг знал о нем, а людям не снятся одинаковые сны. Бельгиец предупредил.

Миллер раздраженно передернул плечами. Даже сейчас он не мог заставить себя полностью поверить в историю Ван Хорнунга. Окружающий пейзаж может быть сновидением, а в реальности все не то, чем кажется. Как пить дать, вот эта невероятно мягкая трава – на самом деле слежавшийся снег, а виднеющиеся за деревьями холмы – голые утесы Пика Семь-

сот. Стало не по себе при мысли, что он сейчас спит где-то на леднике, и необходимо поскорее проснуться, чтобы не замерзнуть.

Неожиданно раздался знакомый смех. Сердце Миллера невольно забилось сильнее, и он резко повернулся к источнику звука, чувствуя, как в жилах стынет кровь. До чего же странно, что беззаботный голос может быть настолько пугающим.

К Миллеру между деревьями приближалась небольшая группа мужчин и женщин. Кто из них смеялся, он не смог определить. Их яркие одежды удивительно изысканного кроя напоминали тоги или сари. Цвета были воистину невероятными.

Миллер оторопело моргал, тщетно пытаясь найти названия для этих мерцающих оттенков. Казалось, в нарядах сочетались известные краски, но в совершенно неизвестных вариациях, а еще присутствовала невидимая обычному глазу часть спектра.

– Он проснулся, – сказала одна из женщин, а кто-то из мужчин рассмеялся:

– Вы только поглядите, как он удивлен!

Все заулыбались и посмотрели на Миллера.

Он что-то сказал – что именно, не запомнил – и застыл в неподдельном ужасе, ощутив, сколь кошунственно диссонирует его голос с голосами этих людей: словно грубый скрежет ворвался в сложнейшую переливчатую гармонию. Лица на мгновение стали отрешенными, словно незнакомцы сосредоточились на чем-то другом, чтобы не внимать Миллеру. Женщина, которую он заметил первой, подняла руку.

– Прекрати, – сказала она. – Всего незачем говорить вслух.

В ее голосе чувствовалось легкое отвращение. В голосе ли? Такого музыкального, нежного голоса просто не могло существовать.

У нее было лицо треугольной формы – миниатюрное, привлекательное и вместе с тем чуждое: бледное, с огромными фиолетовыми глазами и в обрамлении густых волос, которые, казалось, стекали на плечи переплетающимися прядями. Каждая прядь имела собственный оттенок – серо-зеленый, или светло-аметистовый, или желтый, как солнце туманным утром. Оттенки так идеально гармонировали друг с другом, что Миллер даже не удивился. Причудливая прическа идеально подходила к лицу женщины.

Он снова открыл рот, но женщина вдруг очутилась рядом с ним. Еще долю секунды назад их разделяло расстояние в десять футов. Миллер был шокирован – и удивлен тем, что шок оказался не слишком сильным.

– Тебе многому придется научиться, – сказала она. – Но прежде всего запомни, что нет никакой необходимости говорить. Просто формулируй мысли, это не так уж и трудно. Нет, не открывай рот. Думай! Думай, о чем хочешь спросить.

Губы ее слегка шевелились, но лишь подчеркивая смысл слов. И уж наверняка никакие голосовые связки не были способны произвести голос столь неземной красоты, полный удивительных вариаций и нюансов.

«Телепатия, – подумал Миллер. – Это наверняка телепатия».

Незнакомцы ждали, вопросительно глядя на него.

– Думай, как если бы обращался ко мне, – безмолвно произнесла женщина. – Четче формулируй мысль. Пользуйся простыми, конкретными понятиями. Позже ты сможешь употреблять абстракции, но сейчас у тебя в голове сплошной туман.

Миллер сосредоточенно подумал, слово за словом: «Это телепатия?»

– Все еще туман, – ответила она. – Но он уже проясняется. Тебе никогда не приходилось мыслить четко и ясно. Да, это телепатия.

– Но как я... Где я? Что это за место?

Она улыбнулась, и остальные негромко рассмеялись.

– Медленнее. Не забывай, ты только что родился.

– Только что... Что?!

И вдруг мимо пронеслись чьи-то мысли, словно маленькие яркие насекомые, слегка коснувшись границ его сознания. Насмешливая, дружелюбная мысль одного из мужчин, небрежное замечание другого.

«Бранн, – вспомнил Миллер. – Что насчет Бранна? Где он?»

Его окружала мертвая тишина. Подобной никогда прежде в его жизни не бывало. Она стояла у него в мозгу, а не в реальности. Но он чувствовал, как быстро и легко обмениваются мыслями другие. Внезапно женщина с радужными волосами взяла его за руку, в то время как ее спутники скрылись среди сверкающих золотых деревьев.

Она мягко увлекла Миллера под звенящую листву, сквозь облака разноцветного тумана.

– Без особой нужды Бранна лучше не поминать, – сказала она, касаясь свободной рукой фиолетового ствола. – Иногда стоит о нем заговорить, и он тут как тут. А сегодня Бранн пребывает в весьма опасном расположении духа.

Миллер посмотрел на нее, сосредоточенно наморщив лоб. Ему очень о многом хотелось спросить.

– Я пока ничего не понимаю, – проговорил он на странном мысленном языке, который уже начал даваться ему легче. – Но мне знаком твой голос. Вернее, твой... Не знаю, как вы это называете.

– Ты про мысленный голос? Да, ты учишься его воспринимать. Слышимый голос легко подделать, но мысленный имитировать невозможно. Это часть личности. Значит, ты помнишь, что уже слышал раньше мои мысли? Я думала, ты спал тогда.

– Ты Ци.

– Да, – ответила женщина, отодвигая звенящую завесу из листьев.

Впереди тянулся невысокий вал света – или воды? Высотой четыре фута, он тек, словно жидкость, но сиял, как свет. За ним виднелись голубое небо и головокружительно крутой обрыв, а сотнями футов ниже простиралась луга. Пейзаж был ослепительно живым и ярким, и каждая его деталь отчетливо выделялась на фоне неба.

– Не понимаю, – сказал Миллер. – Есть легенды о том, что здесь живут люди, но и только. Такая красота... Кто вы? Что это за место?

Ци сочувственно улыбнулась.

– Когда-то всем этим обладала ваша раса, но всего лишилась, – мягко сказала она. – Мы очень древний народ, но мы сохранили...

Она вдруг замолчала, и в глазах появился страх.

– Тихо! – бросила Ци.

И словно по мысленной команде на него нахлынула волна тьмы и тишины. Отчего-то сильнее забило сердце. Мгновение мужчина и женщина стояли неподвижно в безмолвии, которое было чем-то большим, чем отсутствием звука, – оно было отсутствием мысли. Но в этой тишине Миллер уловил отголосок знакомого смеха, полного холодного, безжалостного равнодушия.

Листья вокруг издавали мелодичный звон. Из залитой солнцем бездны доносилось птичье пение, столь прекрасное, что даже больно было слышать. Ци слегка расслабилась, освободив разум Миллера, и тихо вздохнула.

– Все в порядке. Мне на миг показалось, будто Бранн... Но нет, он снова ушел.

– Кто такой Бранн? – спросил Миллер.

– Хозяин этого замка. Очень странное создание, – когда что-то мешает его прихотям, он бывает ужасен. Бранн... Его мало что по-настоящему волнует. Он живет лишь ради наслаждения, а поскольку он прожил очень долгий век и испытал все возможные удовольствия, то, чем он занимается сейчас... скажем так, не слишком приятно для кого бы то ни было, кроме Бранна. Что-то повредилось в нем еще до его рождения. Он не совсем... не совсем наш.

– Он из внешнего мира? Человек?

Миллер уже нисколько не сомневался, что женщина перед ним – не человек, по крайней мере не в том смысле, как он это понимал.

Однако Ци покачала головой:

– Нет, он родился здесь. Он из нашего рода, но не такой, как все. Во многих отношениях он чуть превосходит других, во многих – напротив, ниже. Ваша раса... – В последней мысли чувствовалось легкое отвращение и жалость, но Ци не стала ее развивать. – Ты пока многого не понимаешь, – продолжала она. – И это нормально. Видишь ли, придя сюда, ты изменился. Ты когда-нибудь умел общаться телепатически?

– Конечно нет. Но я не чувствую никакой разницы. Я...

– Слепой, которому дали зрение, не поймет этого, пока не откроет глаза. Наверное, он будет ошеломлен. Посмотри вон туда, за долину.

Она показала. Вдалеке, за ослепительными лугами, возвышались залитые лучами солнца зеленые холмы, чьи контуры слегка мерцали в теплом, прозрачном воздухе. На вершине самого высокого из них что-то сверкало, как алмаз.

– Там дворец моей сестры, – сказала Ци. – Думаю, Орелла тебя примет, хотя бы ради того, чтобы помешать Бранну. Здесь тебе опасно находиться. Мне очень жаль, что портал, через который ты сюда прибыл, находится в замке Бранна.

– Значит, здесь побывали и другие люди до меня? – спросил Миллер. – В том числе Ван Хорнунг?

Она покачала головой, и солнце блеснуло в радужных волосах.

– Здесь – нет. В нашем краю много замков, и большинство из них мирно сосуществуют с остальными. Но не замок Бранна.

– Тогда почему ты здесь? – тупо спросил Миллер.

Она невесело улыбнулась:

– Мой народ пришел сюда потому, что большинство из нас, как и Бранна, почти ничто уже не интересовало. За многие тысячелетия мы настолько устали от прочих дел, что хотелось только получать удовольствие. Все, кроме меня.

– Тысячелетия? Что ты имеешь в виду? Тогда почему ты здесь?

Уголки ее рта печально опустились.

– Наверное, во мне тоже что-то повредилось еще до рождения. Сейчас я не могу бросить Бранна. Я ему необходима. Впрочем, для тебя это не важно. Бранн опасен. Его цель – эксперимент, для завершения которого нужен ты. Но не будем об этом.

– Я пришел сюда не просто так, – сказал Миллер.

– Знаю. Я прочитала часть твоей памяти, пока ты спал. Ты ищешь сокровище. Оно есть у нас. Вернее, оно есть у Ореллы. – Фиолетовые глаза потемнели – Ци колебалась. – Пожалуй, я не просто так посылаю тебя к Орелле, – сказала она. – Ты можешь оказать мне немалую услугу, и себе тоже. Сокровище, которое ты ищешь, должно отчасти принадлежать мне. Ты считаешь его источником энергии, для меня же это путь в иной мир, лучший, чем все прочие, которые знал кто-либо из нас... То, о чем мы говорим, много лет назад создал мой отец. Теперь оно у Ореллы, хотя по праву должно принадлежать нам обоим. Если найдешь способ добыть его, друг мой, ты принесешь его мне?

Следуя давно укоренившейся привычке, Миллер машинально спросил:

– И если я это сделаю, что тогда?

– Если ты этого не сделаешь, – улыбнулась Ци, – Бранн рано или поздно до тебя доберется. Если же оно окажется в моих руках, думаю, я смогу подчинить себе Бранна. Иначе... что ж, ты будешь первой жертвой. Надеюсь, ты это понимаешь. Постарайся убедить Ореллу. Я заключила с Бранном сделку – не спрашивай какую. Возможно, узнаешь потом. Иди к Орелле, но будь осторожен, не рискуй зря. Если попросишь у нее сокровище, тебя нипочем к нему не подпустят. Лучше вообще о нем не говори, просто жди и наблюдай. Ты немного научился

телепатии, и уже никто не сможет читать твои мысли, пока ты сам этого не пожелаешь, но следи за тем, чтобы случайно себя не выдать.

– Хочешь, чтобы я воспользовался гостеприимством Ореллы, а потом ее ограбил?

Лицо Ци приобрело страдальческое выражение.

– О нет! Я прошу дать то, что принадлежит мне, и лишь на время, достаточное для того, чтобы подчинить Бранна. Потом ты сможешь вернуть сокровище Орелле или договориться с ней насчет него. Мне нужно пять минут подержать его в руках! Смотри, у меня кое-что есть для тебя. Протяни руку.

Миллер повиновался, удивленно глядя на женщину. Она раскрыла ладонь, и он увидел свои наручные часы. Улыбнувшись, Ци застегнула ремешок на его запястье.

– Они не совсем такие, как раньше. Если я тебе понадобится, сосредоточься на них и мысленно обратись ко мне. Я услышу.

У Миллера оставалось еще множество незадаанных вопросов. Глубоко вздохнув, он начал мысленно их формулировать. И вдруг Ци исчезла!

Земля ушла у него из-под ног, и он полетел в золотую бездну. Под ним висела водяная стена. Он плавал в воздухе, в сотне футов над окруженным утесами потоком.

Его охватила паника. Но тут от Ци пришла успокаивающая мысль:

– Тебе ничто не угрожает. Это телепортация.

Он едва разобрал ее слова, холодея от древнего инстинктивного ужаса. Миллионы лет люди боялись падения, и он не в силах был преодолеть этот страх.

Миллер начал медленно опускаться. Ци и золотые деревья исчезли, а потом исчезла и водяная стена.

Поток внизу расширился.

Миллер под углом вошел в воду – и ощутил под ногами твердую почву.

Вокруг было тихо, если не считать глухого рокота реки.

Глава 3. Мир, которого не может быть

Миллер сидел на камне, опустив голову на руки. Мысли путались. Ощувив на щеках прохладное дуновение, он поднял лицо навстречу свежему ветру. В голове прояснилось, и он понял, что, беседуя с Ци, пребывал будто в полусне, притупившем чувства. Иначе вряд ли бы согласился на столь невероятное предложение.

Или все же есть иная причина?

Ему отчаянно захотелось снова увидеть Ци. Она могла бы ответить на его вопросы. И она первая, кто дружественно отнесся к нему в этом до жути чуждом мире.

Миллер посмотрел вверх и пожелал подняться в воздух.

Естественно, ничего не вышло. «Все равно что тащить себя за волосы», – с горьким весельем подумал он.

Или в самом деле ноги уже не так сильно давят на камень?

А потом откуда-то сверху прилетел все тот же неслышимый на самом деле смех.

Бранн!

Еще до того, как Миллер уловил мысленный голос, нечто зловещее, столь же узнаваемое, как звук или цвет, спустилось с обрыва и холодной змеей вползло в мозг Миллера.

– Лучше не приближайся, – сказал голос.

Миллер замер, инстинктивно приняв боевую стойку. Но сколь же бесполезны обычные меры предосторожности против этого сверхсущества!

Он попытался закрыть разум.

– Что ж, отправляйся к Орелле, – сказал голос. – Я заключил сделку с Ци, и я не нарушу ее. Но Ци глупа, она вечно пытается закрыть свой разум от того, что ей неприятно. Так до сих пор и не признала, что между нами и ее сестрой идет война. Хочет верить, что это не война, а нечто иное.

И снова раздался смех.

– Отправляйся к Орелле, – повторил Бранн. – Я слишком легко побеждаю. Возможно, тебя сочтут достойным воином, и тогда, возможно, и мне интереснее будет сражаться. Ведь я, если захочу, сокрушу тебя одной лишь силой мысли, превратив воздух в тяжесть, которая расплющит тебя вмиг. Но Орелла может предположить, что ты способен принести ей пользу. Мне же от тебя никакой пользы – разве что развлечься, наблюдая твою реакцию на разные эксперименты. – Неслышимый голос стал беззаботно-небрежным: – Слишком легкая победа – вообще не победа. Ступай!

Столь высокомерное напутствие не на шутку разозлило Миллера. Бранн, конечно, в своем праве, но мало кому понравится, когда его полностью сбрасывают со счетов. Миллер изо всех сил пожелал подняться в воздух, взлететь с той же легкостью, с какой он только что спускался, – и на этот раз определенно почувствовал, как ноги оторвались от земли.

И тут на него обрушилась тяжесть, подобная гигантскому камню. Невыносимое давление длилось лишь долю секунды. На лбу у Миллера вздулись жилы, он слышал собственное тяжелое, хриплое дыхание, пытаясь сопротивляться неминуемой гибели.

Он опустился на колени, а потом опрокинулся на спину, беспомощный против яростной атаки самого воздуха. В уши ударил рев ветра, и под порывами могучего урагана со стен ущелья поползла почва вместе с чахлой растительностью.

Бранн снова лениво рассмеялся, а затем явно утратил к Миллеру интерес. Давление исчезло. Тяжело дыша, весь в поту, Миллер кое-как поднялся на ноги. Телепортироваться он больше не пытался. Глянув вверх, на кромку обрыва, он повернулся и зашагал по ущелью в направлении дворца Ореллы. Его губы были плотно сжаты, в глазах горел яростный огонь.

Значит, Бранн слишком легко побеждает? Что ж, возможно, и Миллеру удастся что-нибудь сделать!

Вдали, за тускло мерцающей долиной, к небу поднимался зеленый склон холма. Сияющий как бриллиант замок, к которому шел Миллер, все увеличивался, причем необычайно быстро. Посмотрев под ноги, Миллер изумился тому, с какой скоростью проносятся под ними камешки и цветы. Он шагал, точно сказочный великан!

«Семимильные сапоги», – восхищенно подумал Миллер.

Земля скользила под ним плавно, как во сне. Сверкающий самоцвет – дворец Ореллы – распался на сотни драгоценных камней поменьше. Миллер уже видел стены из бледно окрашенного стекла над зеленым травянистым склоном. Дворец из стекла? Или изо льда?

«Лед, – подумал вдруг Миллер. – Лед, снег и скалы. И больше ничего. Это сон. Такого мира нет – просто не может быть».

Но ему тотчас возразил голос рассудка: «Ну отчего же? Откуда нам знать границы возможного? Все, что уже изучено, состоит из простых кирпичиков вселенной – нейтронов, протонов, электронов. Сколько еще элементарных частиц может существовать, мы даже не в состоянии себе представить – если только не случится трансмутация и не изменится атомная структура самого человека... В конце концов, ты не первый. До тебя был Ван Хорнунг, и кто знает, сколько еще до него... Тангейзер в гроте Венеры, Томас Рифмач на холмах страны фей. Даже библейский рай имеет черты сходства со здешними местами. Легенды всё помнят. Ты вовсе не в каком-то новом мире. Ты всего лишь исследуешь очень древний мир...»

Внезапно земля ушла из-под ног и цепочка рассуждений оборвалась. Небо опрокинулось, и весь сверкающий мир стремительно завертелся вокруг. Но головокружения Миллер не испытывал, поскольку его надежно удерживала некая сила, даром что земля больше не служила ему опорой. Его окутало зеленое сияние, он почувствовал, что куда-то быстро перемещается, а потом...

...Мимо промелькнули стеклянные стены, плавно развернулись и выпрямились. Под ногами оказалось твердое покрытие, которое мигом выровнялось горизонтально.

Он стоял посреди небольшого помещения с высоким потолком, с рядами круглых линз в стенах, и эти линзы... смотрели на него, словно глаза. Черные механические зрачки следили за каждым его движением, пока он шел к ближайшей стене. Миллер чувствовал себя совершенно голым под множеством изучающих взглядов.

– Ты пришел от Бранна, – послышался телепатический голос.

Миллер быстро огляделся. Никого.

– Нет! – почти машинально ответил он вслух, и воздух содрогнулся от резкого звука.

Миллер даже толком не понял, почему так сказал. Бранн что-то говорил о войне...

– Не лги, – холодно потребовал голос. – Я вижу на тебе пыль с горы Бранна. Думаешь, мы не в состоянии распознавать столь простые вещи? Она осыпается с тебя, будто крупички пурпурного света. Ты пришел от Бранна. Ты шпион?

– Меня послала Ци, – сказал Миллер. – Отведи меня к Орелле.

– С тобой говорит Орелла, – бесстрастно произнес телепатический голос. – Сестра меня любит, но Ци не из тех женщин, которым можно доверять. Никому с горы Бранна нельзя доверять, иначе он не был бы с Бранном. Ци отказывает в праве на существование всему, что ей не по нраву. Что тебе нужно?

Миллер колебался, глядя на стену, с которой на него смотрели ничего не выражающие глаза... машин? «Сила, – хотел он сказать. – Дай мне источник этой Силы, и я уйду». Но он молчал, помня предостережение Ци.

Он все еще не знал, кому и до какой степени можно верить, но стремление разобраться во всем самому, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, было его второй натурой. Орелла не прочтет его мысли – Ци сказала, что это стало невозможным, как только он начал осваивать

телепатическое общение. Значит, необходимо отвечать правильно. Пока ему это удастся, он в относительной безопасности.

– Я пришел извне, – неуверенно сказал Миллер, решив, что осторожность будет для него лучшей защитой, пока он не выяснит, что здесь происходит. Возможно, даже есть смысл переигрывать, изображая чрезмерное удивление и растерянность. – Ци сказала, что ты поможешь мне освоиться в этом мире.

Бестелесный голос задумчиво ответил:

– Мне кажется, это ложь. Впрочем... ты же не станешь возражать против обыска? Лишь убедившись, что ты не вооружен, мы сможем тебя впустить.

Что он мог, кроме как согласиться? Миллер вспомнил, как Ци надевала часы ему на запястье. Но, по ее словам, часы служат лишь для связи, и она наверняка знала о возможном обыске. Ци не могла снабдить Миллера ничем таким, что выдало бы его при первой же проверке. Или все же могла? То, что он сейчас услышал о Ци, отнюдь не добавляет к ней доверия.

– Ищите, раз нужно, – сказал он.

В комнате стало темно. Миллер заморгал – головокружение, которого он не испытывал в полете, безжалостно взялось за него сейчас, когда он стоял на твердом полу. Казалось, его затягивает некий водоворот, увлекает в разверзшуюся под ногами бездну, во всепоглощающую тьму...

Вдруг вспыхнул свет – холодное, пронизывающее голубое сияние. От него Миллеру стало не по себе, будто его окатили ледяной водой. Опустив глаза, он с ужасом увидел собственную кровь, текущую по прозрачным жилам, и кости, отчетливо белеющие среди мышц, которые зашевелились, когда он наклонился, чтобы присмотреться.

Свет снова погас. Исчез водоворот тьмы. И Миллер ощутил, как во всем теле происходит не поддающаяся описанию перемена, многочисленные непостижимые процессы, которые продлились лишь один миг.

Потом все вернулось в норму, атомы расположились в прежнем порядке, и он снова стал таким, как прежде, – обычным человеком.

Это было жуткое ощущение. Миллер все еще не понимал, насколько он уже изменился, какие новые, безмянные способности открываются в нем, раздвигая все мыслимые горизонты. Сейчас же казалось, будто он ослеп и оглох. Хуже того – как будто сама смерть наложила на него проклятие. Миллер закрыл глаза и перестал дышать.

Он снова почувствовал происходящую внутри его перемену, словно сдвинулись со своих мест мириады составлявших его атомов. Затем опять стал единым целым.

И снова в темноте закружился ревуший водоворот. Но вот темнота рассеялась, и он обнаружил, что стоит возле насыпи, густо усаженной желтыми цветами и накрытой стеклянным сводом. Пол был выложен разноцветными блестящими плитами, пружинившими под ногами. Насыпь, похоже, была настоящей, земляной, а вот цветочный покров мог быть искусной имитацией, поскольку одновременно являлся чем-то вроде восточного ковра.

На этом «ковре» лежала женщина. Миллер не сомневался, что это Орелла. Он чувствовал, хотя и не мог объяснить как, ее телепатическое излучение, столь же индивидуальное, как и личность. Она была прекрасна – как и все в этом мире.

В ее чертах наблюдалось определенное сходство с Ци, но одета она была не столь экстравагантно. Изящная фигура была облачена в похожую на светлый атлас ткань, закрывавшую тело до запястий и лодыжек и сбегавшую мягкими длинными волнами на цветы, на которых Орелла лежала. Она лениво срывала их и мяла лепестки в пальцах.

– Что ж, добро пожаловать, – чуть ли не с неохотой сказала она, глядя на Миллера с кривоватой улыбкой. – Оружия мы не нашли, хоть и обыскали тебя аж до протонной структуры. Честно говоря, у нас нет никаких причин тебе доверять. Но Ци наверняка прислала тебя сюда неспроста, и сдается мне, что будет безопаснее не мешать пока ее планам, не подталкивать ее

к более тонким действиям. Будь уверен, за тобой наблюдают, друг мой. Подумай хорошенько, прежде чем что-либо предпринять.

– Вряд ли я смогу что-либо предпринять, – усмехнулся Миллер. – Судя по тому, что я здесь видел, я совершенно беспомощен. Вы обладаете такими же способностями, как и Ци? Сколько вас здесь? И чем занимаетесь?

Орелла пожала плечами:

– Мы не привыкли спешить. Естественно, нам хватает времени на все, что мы считаем нужным сделать. Вашей же расе его недостает – даже здесь. Я понимаю твое любопытство, и я его удовлетворю. Да, тут все обладают сверхспособностями, хотя, естественно, у некоторых они сильнее, чем у других. Немалую роль в этом играет телепатия и... другие факторы.

– У вашей расы сверхспособности врожденные? Но как насчет меня? Я ведь не из вашего народа.

– Миллион лет назад, – медленно проговорила Орелла, – твои предки тоже обладали такими способностями. С тех пор твой народ деградировал. Требуется вечность, чтобы достичь уровня таких великих цивилизаций, как Атлантида и Му, и еще больший срок для того, чтобы раса вновь обрела то, что потеряла. Лишь здесь, в потаенных горах, мы сохранили силу древних культур.

– Но что случилось с ними? – спросил Миллер.

– О, обычная история. Люди получили оружие, которое не готовы были использовать. В те времена – попытайся это понять – сама атомная структура мира была иной. Ты знаешь об этом? О том, что атом может меняться?

– Да, знаю, – мрачно ответил Миллер. – Если меняются электроны или ядро, меняется и сам элемент.

– Верно, – подтвердила Орелла. – Именно это и случилось. Вся земля теперь уныла и мертва. Только здесь по сей день сохранилась древняя разновидность материи. Она испускает особое излучение, благодаря которому мы рождаемся и живем такими, какие мы есть. В Атлантиде однажды провели эксперимент над структурой атомного ядра и ее трансмутацией.

– У нас теперь есть атомная энергия, – сказал Миллер.

– Вы в самом начале пути. Пройдет долгое, очень долгое время, прежде чем ваша культура достигнет высоты, на которую некогда поднялась Атлантида. Прежде всего вы должны изменить структуру своего мира! И лишь когда изменитесь сами, вызванная излучением мутация даст вам способности, которые были потеряны тысячи лет назад, когда мир был ввергнут в войну. Пожар, охвативший саму материю, пронесся по всей планете, превращая блистающие города в унылую пустыню. Именно тогда люди утратили с таким трудом обретенные способности. Но их семена остались в телах людей в виде рецессивных генов. Здесь, в горах, рецессивное на какое-то время может стать доминантным. Конечно, оно нестабильно...

– Значит... я такой же, как и вы? Ци говорила, но я не мог поверить. Я... в каком-то смысле сверхчеловек?

– Каждый дар имеет свою цену, – загадочно сказала Орелла. – Здесь хватает красоты, но и кошмара в достатке. Ты наверняка заметил, что смотришь на мир более ясными глазами – глазами разума.

– Да, – кивнул Миллер, – я заметил. Все вокруг... словно светится.

– Было бы неплохо, если бы ты помнил о своем собственном мире, – помолчав, произнесла Орелла с беспокойством в голосе. – Твоя атомная структура изменилась, но такое может случиться лишь однажды.

Вдруг перед ними появился мужчина, который прошел сквозь стеклянную стену, растаившую при его приближении и снова затвердевшую за спиной. Он выглядел не старше, чем Орелла, – загорелый, улыбающийся, с гладко зачесанными волосами. Но его серые глаза были глазами старика, в которых клубился туман бесчисленных столетий.

Глава 4. Бомба

– Орелла... – начал незнакомец, но увидел Миллера и ошеломленно замолчал. – Этот человек... – неуверенно проговорил он. – Я знаю его, Орелла? Он бывал здесь раньше? Или...

Внезапно туманная пелена спала с его глаз, и он уже больше не походил на старика. В нем чувствовалась решительность и уверенность в себе.

– Я его знаю! – хрипло сказал вновь прибывший. – Видел его лицо в Бассейне времени. И это означало опасность. Но сходство было столь отдаленным, что... Короче, я выбросил это из головы. Просто не мог поверить.

– В чем состоит опасность? – Орелла тревожно подалась вперед, и ее атласная юбка мягко зашуршала по цветам.

Мужчина покачал головой:

– Ты видела Бассейн времени, девочка. Существует так много вариантов будущего – поди угадай, какой пузырь, прежде чем лопнуть, вынес на поверхность лицо этого человека. Но угроза есть, я знаю.

Одновременно повернувшись, они посмотрели на Миллера. Взгляд у обоих был настороженный и задумчивый; бросались в глаза и другие черты сходства. Он предположил, что это близкие родственники, причем оба в родстве с Ци, которой ни один из них не доверяет.

– Если вы умеете читать будущее, – быстро заговорил он, – то должны знать, что я не из тех, кто нарушает свои обещания. И клянусь, я не намерен причинить вред.

Мужчина раздраженно махнул рукой:

– Будущее никогда не бывает столь ясным. Время не знает слова «неизбежно» – только «возможно».

– Его прислала Ци, – сказала Орелла. – У нее наверняка есть на то причины.

– Она послала меня из-за Бранна, – заявил Миллер.

Оба его собеседника кивнули.

– Что ж, – сказала Орелла, – возможно, иногда ей хочется спасти кого-нибудь из жертв Бранна. А порой мне кажется, что она помогает в... скажем так, экспериментах над теми, кто попадает ему в руки. Ей хочется, чтобы мы считали, будто ею движут исключительно капризы. Но мы знаем, что на самом деле стоит за всеми ее поступками. Мы – Льези и я – знаем.

Она мрачно улыбнулась стоявшему рядом мужчине.

– Ей нужна Сила, – сказал человек по имени Льези.

«Мне тоже», – подумал Миллер, но вслух с невинным видом спросил:

– Сила?

Льези кивнул, изучая Миллера так, словно глядел сквозь туман столетий.

– Это игрушка, которую сделали когда-то мы с братом и которая стала чем-то намного большим, нежели игрушкой, еще до того, как мы ее закончили. Теперь Ци заявляет права на долю сокровища ее отца. Они обе – дети моего брата, но порой мне кажется, что в жилах Ци нет моей крови.

– Нет, Льези, – сказала Орелла, – она просто слаба. Если бы Бранн полностью не подчинил ее себе...

– ...Она бы беспрепятственно получила свое наследство. Но мы знаем, что дать ей то, что она просит, означает отдать его прямо в руки Бранна. И тогда придет конец этому замку и всем, кто здесь живет.

– Кто такой Бранн? – раздраженно спросил Миллер. – Я столько уже о нем слышал, и даже слышал его голос. Но я никогда его не видел. Как он выглядит?

Орелла покачала головой. Маленькие колокольчики в ее ушах зазвенели в такт движению, и даже этот звук показался невероятно прекрасным Миллеру, новые чувства которого становились все более острыми.

– Никто, кроме Ци, не видел его, – сказала она. – Никто, кроме Ци, не может рассказать тебе, какой он. Он принимает своих друзей либо в темноте, либо говорит с ними из-за портьеры. С тех пор как он построил этот замок много веков назад, он хранит свою тайну, чем бы та ни являлась. Мне бы хотелось увидеть его мертвым.

Бранн – настоящее зло, – бесстрастно продолжала она, – возможно, зло в его самом безупречном виде. Он очень умен и могущественен. Не возьмусь точно сказать, почему он избрал нас своими врагами, но знаю наверняка: мы должны сражаться или погибнуть.

Внезапно Миллер принял решение.

– Когда я покидал замок, – сказал он, – Бранн говорил со мной через стену. Он сказал, что ему было бы слишком легко победить. Он сказал, чтобы я пришел к вам как очередной воин, – это сделает битву интересной.

Орелла быстро подалась вперед; мелодично зазвенели серьги.

– Он так сказал? Вообще-то, я предполагала обратное. Думала, Ци послала тебя сюда, зная, что ты нужен Бранну для его экспериментов, а потому он удвоит усилия, чтобы одолеть нас, – и проложит для нее дорогу. Ведь она на все пойдет, чтобы заполучить в свои руки Силу.

– Она могла послать сюда шпиона, – задумчиво прервал ее Льези, – с каким-нибудь секретным оружием. Бранн вполне способен придумать нечто такое, чего мы не обнаружим даже при самом тщательном обыске. Помни, Орелла, я уже видел этого человека в Бассейне времени – и чуял исходившую от него опасность!

– Я дал вам слово, что пришел не как враг, – проговорил Миллер, сознавая, что его слова могут оказаться не вполне правдивы. – И мне бы хотелось побольше узнать про этого Бранна. Если только вы не...

Договорить он не успел. Раздался оглушительный грохот, и по его руке пробежал раскаленный добела огонь, взорвавшись с ослепительной вспышкой на запястье.

Когда к Миллеру вернулось зрение, увиденное ошеломило. У Льези подломились колени, он медленно падал назад, и лицо казалось опустошенным, словно он умер еще до того, как коснуться пола. Человека окутывало мерцающее свечение, просачиваясь в его тело, словно разъедающая кислота.

Орелла была на ногах, она неуверенно шагнула вперед. А со всех сторон приближались силуэты сквозь таявшее при их продвижении стекло.

Ослепленный и оглушенный звуком, который, как Миллер знал, не был по-настоящему слышимым, он попытался отступить.

Но не смог пошевелиться. Белое пламя все еще лилось из него на падающего Льези. Безмолвный звук набирал силу, заполняя помещение. Миллер ощутил странную энергию, исходящую от Ореллы и других, – ментальную энергию, чей поток обрушился на белое пламя и погасил его, словно свечу.

Но Льези лежал неподвижно.

В комнате толпилось с десятков мужчин и женщин в ярких радужных одеждах. Двое опустились на колени рядом с Льези.

Орелла резко повернулась к Миллеру. Казалось, от нее исходит осязаемый гнев – именно осязаемый: разум Миллера содрогнулся под напором телепатической ярости. Сквозь красную пелену извивалась мысленная нить, мертвенно-черная на алом фоне, – намерение убить.

– Орелла! – в отчаянии выкрикнул он. – Я не... Это все обман!

А потом не смог произнести ни слова, даже телепатически. Он ничего больше не видел, кроме темных глаз Ореллы, которые расширились, превращаясь в огромные холодные озера; их взгляд парализовал мышцы, нервы и разум.

Неожиданно в его оцепеневшем мозгу возникла мысль, которая не была его собственной, – мысль, адресованная Орелле: «Погоди, девочка, погоди! Это я, Льези».

Вероятно, ее услышал каждый, прибежавший на помощь, – все головы резко повернулись. Ослепительные озера – глаза Ореллы – начали уменьшаться, и Миллер снова обрел зрение. Чужой голос в его мозгу произнес:

– Браслет на его запястье! Снимите!

Рядом с Миллером никого не было, но он почувствовал сильный рывок и увидел, что браслет порвался. Часы полетели в сторону Ореллы, словно брошенные невидимой рукой, и женщина подхватила их.

– Льези? – неуверенно спросила она, продолжая смотреть Миллеру в глаза. – Льези, ты меня слышишь?

– Да. Подожди. Я должен поговорить с этим человеком... с Миллером... Подожди.

Орелла махнула рукой. Тело Льези поднялось в воздух, поплыло к цветочному ковру и мягко опустилось на него. Один из мужчин подошел и быстро осмотрел лежащего.

– Льези не мертв, это своего рода стазис. Но я не могу с ним контактировать. Попробуй ты, Орелла.

– Льези? – стрелой вырвалась мысль Ореллы. – Льези?

Миллер наконец вышел из охватившего его оцепенения. Фантастический голос в его мозгу спокойно обращался к нему:

– Не борись со мной. Они убьют тебя, если не подчинишься мне. Освободи свой разум, Миллер. Позволь мне говорить с твоей помощью. Ну же!

Миллер слышал мысли, которые не были его собственными, но плыли на волнах его телепатического разума, обращаясь к Орелле и остальным. Казалось, мысли эти обращаются и к нему.

– Похоже, это дело рук Бранна, – сказал Льези. – Что касается браслета – когда я высказал предположение, что этот человек, Миллер, мог пронести сюда оружие, Ци, вероятно, каким-то образом услышала. Даже если проверка не обнаружила ничего другого, то этот браслет – наверняка оружие. Что ж, Бранн потерпел неудачу, но лишь потому, что огонь удалось быстро погасить. Я не погиб, и все же пройдет немало времени, прежде чем полностью приду в чувства.

– Но ты можешь слышать нас, Льези? – тихо спросила Орелла.

– С помощью этого человека – да. Я нахожусь с ним в телепатической связи. Вероятно, в критический момент возник электронный контакт. Без Миллера я пребывал бы в полной изоляции от мира вплоть до окончательного выздоровления, что, надеюсь, со временем произойдет. Мне знакомо оружие, которое применил Бранн. Мое тело должно насытиться жизненной энергией, чтобы преодолеть атомный стазис.

Теперь слушайте, поскольку я быстро слабею. Ментальные усилия требуют физической энергии, и мое тело сейчас подобно тлеющему углю. Мне нужен покой и сон. Бранн узнает о случившемся здесь; он может нанести удар, воспользовавшись моей беспомощностью. Поэтому мне необходимо как можно скорее восстановиться.

– Мы справимся с Бранном, – сказала Орелла.

– Справитесь, если я возглавлю вас. Иначе... Не рискуйте. Помните, я способен разговаривать с вами только через Миллера. Бранн уничтожит его, если сумеет. Но этот меч – обоюдоострый. С помощью Миллера я смогу и сражаться, если потребуется. А теперь дайте мне отдохнуть. Мне нужно набраться сил и вернуть ясность рассудка.

Мысль задрожала и исчезла. Разум посредника получил свободу.

Орелла смотрела на Миллера, все еще с трудом сдерживая гнев.

– И что из услышанного ты уже передал Бранну? – властно спросила она.

– Клянусь, я не знал, что на мне бомба с часовым механизмом, – ответил Миллер. – Ци сказала, это всего лишь средство связи, которое она встроила в мои часы. Скажу лишь одно: я готов помочь вам в борьбе с Бранном. Сделаю все, что смогу.

Орелла быстро подошла, шурша атласными юбками, и крепко сжала плечи Миллера. Взгляды встретились, и он ощутил теплую волну, проникающую в мозг.

– Скажи мне только одно – правду, – попросила она. – Ты Бранн?

Глава 5. Сигнал

Звезды выглядели как разноцветные сверкающие круги, от которых во все стороны расходились лучи. Миллер смотрел на них уже довольно долго, рассеянно гадая, что же его разбудило. Стена перед его кроватью была прозрачной, и через нее бесчисленными серебристыми глазами смотрело на него ночное небо. Он точно знал, что ему никогда прежде не доводилось видеть подобных звезд.

Раньше они были лишь светящимися точками, разбросанными в небе без какой-либо системы. Теперь же Миллер видел, что в их расположении есть порядок, чересчур сложный даже для его изменившегося разума. Все же в этом порядке кое-что было доступно ему, пусть и лежало за пределами человеческого понимания.

Он видел, как меняют свой цвет мерцающие диски, которые его прежнее зрение воспринимало как лишённые размерности крапинки. Он смог даже различить туманные очертания континентов на одной или двух планетах. И еще слышал далекую музыку, таинственный переливчатый звон, доносившийся из черной космической бездны.

Теперь он понимал, что музыка сфер вовсе не метафора. Световые и звуковые волны сливались в мелодию, которая была не светом и не звуком, но прекрасной смесью того и другого.

«В очень далекие времена люди наверняка ее слышали, – полусонно подумал он. – Возможно, тогда они еще были достаточно близки к... к тому состоянию, когда можно уловить эхо древней музыки...»

Где-то в глубине дремлющего мозга шевельнулась мысль, которая ему не принадлежала:

– Миллер! Миллер, ты проснулся?

– Да, Льези, – ответил Миллер со странным ощущением раздвоения личности. – Что случилось?

– Я хочу с тобой поговорить. Теперь у меня достаточно сил, чтобы какое-то время продержаться. Что происходит? Тебе ничто не угрожает?

Миллер позволил себе мысленно усмехнуться:

– Благодаря тебе. Ты можешь понять по моим мыслям, что я не знал об оружии, которое пронес в твой замок? Я вовсе не собирался на тебя нападать.

– Верю, хотя и с оговорками. А Орелла верит?

– Она решила, будто я – Бранн. Возможно, все еще так считает, хотя я постарался ее убедить.

– Я не могу читать твои мысли. Но вынужден верить – что еще остается? Встань, Миллер, и посмотри в сторону замка Бранна. Я чувствую опасность, – похоже, именно это меня и разбудило. К нам движется нечто зловещее.

Льези, несомненно, говорил всерьез, и Миллера пробрала легкая дрожь. Он встал, ощутив босыми ногами удивительную мягкость пола, и подошел к прозрачной стене. Отсюда открывался вид на всю долину, которую Миллер пересек днем. Вдали на вершине крутого утеса мерцали огоньки. Это был замок Бранна.

– Да я же могу видеть в темноте! – удивленно воскликнул он, глядя на пейзаж, залитый звездным светом, позволявшим различить даже самые мельчайшие детали.

– Да-да, – раздраженно произнес мысленный голос Льези. – Посмотри налево, я хочу увидеть ту сторону долины. Так, теперь направо...

Телепатические команды, занимавшие лишь малую долю времени, которое потребовалось бы для голосовых, воспринимались мозгом Миллера почти инстинктивно.

– Думаю, тебе стоит одеться и спуститься к Бассейну времени, – наконец сказал Льези.

Миллер отчетливо ощущал тревогу, которую испытывал бестелесный разум, поселившийся в его мозгу.

– Поторопись. Нет смысла гадать, каким сверхъестественным способом Бранн намерен нас атаковать. Ему нужен ты, Миллер. С твоим появлением война подошла к своей кульминации, и теперь я знаю, что Бранн не остановится ни перед чем, пока не заполучит тебя – или не умрет. И только от тебя и от меня зависит, каким будет итог.

У двери стоял охранник – вернее, у стеклянной стены, которая растаяла, образовав проем, когда к ней приблизился Миллер. Мысленный голос Льези что-то сказал, и охранник, кивнув, направился вниз по длинному наклонному коридору, через просторные, сумрачные, гулкие залы, мимо стен, за которыми спали обитатели стеклянного замка Ореллы.

Наконец они вышли в сад, расположенный в самом сердце замка, окруженный стеклянными стенами, темный, благоухающий. Посреди него находился большой неглубокий бассейн. В слегка дрожащей на ветру воде отражались мерцающие звезды.

Миллер обнаружил, что смотрит вверх, на край стены, не вполне осознавая, по собственному желанию это делает или по воле Льези. Мгновение спустя послышался легкий шорох, и, словно повинувшись мысленной команде, на сад опустился стеклянный купол, полностью его накрыв.

Теперь звездные лучи проходили сквозь купол, отражаясь от поверхности бассейна, и вода, казалось, реагировала на их невообразимо слабое давление.

Там, где лучи касались воды, возникали круги, они разбегались и сталкивались, поднимая мелкие волны, взбивая пену. Бассейн кипел в холодном свете звезд.

Среди кипящих колец появились отражения. Картины беспорядочно накладывались одна на другую с такой ошеломляющей быстротой, что у Миллера закружилась голова. В какой-то миг показалось, что будто перед ним возникло лицо Ци с развевающимися на ветру радужными волосами.

В другой раз он увидел себя со спины сражающимся с кем-то гигантским. Но изображение расплылось, прежде чем он успел сфокусировать взгляд, и снова стали всплывать чужие лица.

– Это все правда? – беззвучно спросил он у Льези. – Это будущее?

В мозгу что-то раздраженно шевельнулось. Льези, в полной тишине взиравший на образы, сказал:

– И да и нет. Это самые вероятные варианты будущего. Никто полностью не понимает природу этого явления, но есть теория, что где-то в гиперпространстве в любой момент времени существуют все возможные варианты будущего. А лучи света, рисуящие происходящее, непрерывно проникают в наше пространство. Когда стеклянный купол закрыт, звездный свет, падая сквозь движущиеся лучи, отбрасывает образы в бассейн, где их смысл может прочесть каждый, кто знает, как это делается. Люди с древнейших времен пытались угадать будущее по звездам, но ты сам видишь, насколько это сложно и насколько ненадежен даже тренированный разум, когда у него нет никаких других средств. Одно-единственное решение способно повлиять на все варианты будущего. Они нестабильны и постоянно меняются, поэтому никто не может узнать со всей определенностью, что его ждет. Но иногда удается предвидеть опасность и подготовиться к ней, хотя это может означать возникновение еще большей опасности в дальнейшем. Подожди...

Очередная волна ряби в бассейне обрела форму, словно клубящееся облако отражалось в воде, – но, как показалось Миллеру, это облако клубилось вполне осмысленно. Фон прояснился, и Миллер увидел себя и Ореллу в миниатюре; на них с неба рушилось нечто бесформенное.

С первой волной столкнулась вторая, и картина исчезла, рассыпавшись на множество пузырей. Но в следующее мгновение она появилась снова, несколько изменившись, а потом

опять – еще менее точная копия. И вдруг Миллер увидел замок, в котором он сейчас находился, и замок этот, похоже, рушился.

Картина снова сменилась. Миллер увидел себя лицом к лицу с Ци... А затем в бассейне разбежалась волна, в которой он различил свое лицо и лицо Слейда – с застывшим на обоих выражением неопишемого ужаса.

Потрясенный до глубины души, он задал мысленный вопрос. Льези коротко ответил:

– Если часть того, что ты только увидел, произойдет, остальное произойти уже не сможет. Ты заметил облачную колонну? Она появлялась слишком часто, на самом разном фоне; и вряд ли она слишком далеко от нас в пространстве или во времени. Бранн посылает против нас война – не человека. Думаю, мы очень скоро увидим это облако в одном из вариантов будущего, которые сейчас наблюдали.

– Но что это?

– Не знаю. Нечто опасное, в этом можешь не сомневаться. Полагаю, мы сумеем его победить, если выясним, что оно собой представляет. До сих пор нам всегда удавалось побеждать воинов Бранна, какую бы форму они ни имели.

– До сих пор? – спросил Миллер. – А потом удастся ли?

Льези мысленно пожал плечами:

– Кто знает? Умея читать будущее, я лучше многих понимаю, что не могу угадать события, которые ждут впереди. Здесь, в бассейне, я вижу наихудшие опасности, что дает возможность подготовиться к встрече с ними, – но не более того. Нет, я не знаю, каков будет исход боя между Бранном и мной.

– Ты чересчур долго смотрел в Бассейн времени, – с внезапной решимостью заявил Миллер. – Поэтому твои решения слишком сильно зависят от увиденного в нем. Почему бы не взять будущее в свои руки?

В его мозгу наступила необычная тишина, словно Льези встревожился. Наконец мысленный голос осторожно произнес:

– Что ты предлагаешь?

– Если я тебя правильно понял, рано или поздно Бранну удастся создать нечто такое, с чем вы не сможете справиться. Бассейн показал, как рушится этот замок, и я знаю, что такое действительно возможно: однажды Бранн пошлет против вас то, что вас уничтожит. Ты согласен?

В мысленном голосе все еще чувствовалось недоверие, но теперь к нему добавился некоторый интерес.

– Что ты имеешь в виду?

– Бранну нужно одно – Сила. Верно?

– Сила, а теперь и ты, – ответил Льези.

– Значит, он будет нападать снова и снова, пока не получит либо одно, либо другое, либо все. Почему бы вам самим не нанести ему удар?

– Думаешь, мы не пробовали? Замок Бранна неуязвим. Мы много раз пытались туда проникнуть, испытали все доступные средства. Но и Бранну все еще не удалось нас победить. Тупик.

– Совсе не обязательно. У меня есть идея. – Миллер поколебался. – Пока не буду ничего говорить, ты бы все равно не согласился. Возможно, позже, если что-то пойдет не так, ты захочешь выслушать меня. Возможно...

Из-за Бассейна времени, из темноты сада, прилетел отчетливый мысленный голос Ореллы:

– Не продолжай, Миллер. Или ты все-таки Бранн?

У Миллера возникло странное ощущение, будто он и Льези делят один череп на двоих. Он быстро повернулся к темному дереву, где стояла Орелла, глядя на него.

– Как давно ты здесь, девочка? – спросил Льези.

– Достаточно давно. Видела, как в Бассейне появилось облако. Знаю, что нам предстоит, но не хочу, чтобы из-за чьего-то предательства стало еще хуже. Льези, может, позволишь его убить?

– Не сейчас, Орелла, – с ледяной практичностью ответил Льези. – Не сейчас, поскольку ты нужна мне в бою, а я беспомощен без этого человека. К тому же я не вполне уверен, что ему нельзя доверять.

– Я слышала, что он пытался предложить. Это измена, он наверняка хочет помочь Бранну наконец победить. Он опасен! Льези, я боюсь! Я...

Беззвучная вспышка белого света внезапно озарила сад и весь замок, ярко очертив человеческие силуэты. Столь же внезапно свет погас, оставив после себя кратковременную слепоту.

Орелла с трудом пришла в себя:

– Это сигнал! Льези, скорее! Что бы это ни было, оно уже почти здесь!

Глава 6. Вторжение

Сперва они увидели, как нечто приближается к ним сквозь тьму с другой стороны равнины. Сначала оно казалось плывущим по ветру облаком тумана, но когда направление ветра изменилось, серый туман продолжил двигаться в их сторону. Его сердцевина была гуще, и внутри различались замысловатые блестящие узоры – нечто вроде алмазной паутины.

Миллер и Орелла, ощущавшие бестелесное присутствие Льези, стояли у стеклянной стены и глядели в сторону замка Бранна.

– Мне знаком этот узор, – беззвучно прошептал Льези. – И ничего хорошего в нем нет. В яркой решетке, которую ты видишь, мозг и источник энергии этого существа. Смотри.

Решетка изменила форму, и облако выбросило мягкие серые щупальца, утолщавшиеся на глазах.

– Оно станет крепче железа, когда обретет форму, – говорил Льези. – И сражаться с ним будет нелегко.

Они стояли, молча наблюдая за серым облаком, которое продолжало плыть в их сторону со все возрастающей скоростью, пока не приблизилось к замку почти вплотную. С другой стороны равнины на них, словно глаза, смотрели огни замка Бранна.

– Ты собираешься что-нибудь предпринять? – нетерпеливо спросил Миллер. – Можешь остановить эту штуку?

– Могу. Но хочу посмотреть, какими новыми идеями воспользовался Бранн. Лучше точно знать, чем догадываться. Если я уничтожу эту тварь, он просто пошлет другую. Пусть попробует проникнуть через ворота.

Облако подплыло к внешней стене... и остановилось, словно изучая возникший перед ним стеклянный барьер. Потом мерцающая решетка снова перестроилась. Из облака вытянулся серый палец, коснулся щели между воротами и стеной.

В ночной тишине застонал металл. Маленькое щупальце быстро набирало толщину, и сила его была чудовищной. Ворота дрогнули и поддались.

Со стен на облачного врага упал поток яркого света – вступили в бой батареи Льези. Миллер ощутил в собственном мозгу напряжение и тревогу, с которыми Льези ожидал реакции сверхъестественного существа.

Решетчатая сердцевина изменила конфигурацию, словно в калейдоскопе. Облако сгустилось и потемнело. Оно сжалось, затем снова расширилось и устремилось внутрь замка. Клубящаяся бархатная тьма поглощала атакующий ее свет, не получая никакого видимого урона.

Миллер больше не мог видеть облако, но продолжал слышать – трещала стена, в страхе кричали находившиеся за ней люди. Прозрачный барьер не устоял и рассыпался на осколки с мелодичным звоном, который эхом разнесся по всему замку, словно жуткая музыка. Беззвучный крик оказавшегося в чудовищных объятиях человека вонзился иглой в каждый мозг, до которого долетел, и столь же внезапно оборвался.

Орелла схватила Миллера за руку.

– Идем, – сказала она. – Быстрее!

Она побежала, увлекая его в темный замок, где тем не менее все было вполне отчетливо видно. Попадавшиеся по пути залы были ему незнакомы, но вскоре он обогнал Ореллу, ведомый мысленными командами Льези; казалось, коридоры, двери и стеклянные пандусы пронеслись мимо без какого-либо участия с его стороны.

Внизу царил суматоха. Миллер ощущал эмоции, обуревавшие Льези и Ореллу, пока те бежали к проломленной стене их крепости. В мыслях Льези сквозила неуверенность.

– Возможно, это тот самый воин Бранна, – проговорил он, пока мимо мелькали прозрачные стены. – Возможно, с ним не так-то легко будет справиться.

Когда они добрались до места, где разворачивалась схватка, проломлена была уже не одна стена. Повсюду слышались мелодичный звон рассыпающегося стекла и крики защитников замка – некоторые теперь кричали вслух. Сама же вражеская машина не издавала ни звука.

Миллер видел ее сквозь проломы над головами обитателей замка – большое плотное облако, мягкое, как бархат, и одновременно твердое, как сталь. По нему тщетно били разноцветные лучи из диковинного оружия обороняющихся. Некоторых из этих цветов Миллер видел впервые в жизни.

– Фотонные потоки, – коротко объяснил Льези. – Световые волны сверхвысокой частоты; их энергия достаточно велика, чтобы можно было использовать массу света. Она бы уничтожила решетки внутри облака, если бы смогла до них добраться. Когда имеешь дело с чем-то столь высокотехнологичным, требуется оружие того же уровня.

– Фотоны должны справиться, – с тревогой сказала Орелла. – Раньше всегда удавалось...

– На этот раз у Бранна появилось нечто новое.

Облако надвигалось. Сквозь разрушенные стены Миллер видел, как оно губит людей на своем пути, подобно всепоглощающей колеснице Джаггернаута. Вот оно навалилось всей своей тяжестью на очередную стену, и глубоко внутри его на несколько мгновений вспыхнуло множество смутных огоньков.

И снова раздался мелодичный звон осколков.

– Оно движется прямо туда, где находится Сила, – сказала Орелла на этот раз спокойно. – Льези, ты должен его остановить.

Миллер читал у себя в мозгу быстрые, но спокойные мысли Льези, сопоставлявшего факты и имевшиеся в его распоряжении возможности. Наконец Льези решительно сказал:

– Прежде всего мы должны добраться до источника Силы. Я могу остановить чудовище, но нам следует поторопиться.

Миллеру показалось, что замок снова закружился вокруг него, когда он, подчиняясь мысленным приказам, побежал вперед, а Орелла за ним. Перед ними открывались коридоры, нехоженые пути казались теперь странно знакомыми для его взгляда, который был одновременно и взглядом Льези. Позади со звоном раздробилась очередная стена.

С новообретенным ночным зрением Миллер мог видеть далеко сквозь прозрачные стены. По всему замку вспыхивали огни, зеркально отражаясь от поверхностей и заливая пространства призрачным сиянием.

Перед Миллером и Ореллой, все увеличиваясь по мере их приближения, находилась деталь архитектуры, в которую не мог проникнуть даже этот новый взор – большой куб с непрозрачными стенами.

Когда они оказались возле куба, Орелла выбежала вперед и приложила ладони к темной поверхности. Та растаяла перед ней, как таяли прежде другие стены, и женщина вошла в потайную комнату. Миллер последовал; голова кружилась от его собственного любопытства и от замысловатых планов Льези, с которым он делил свой разум.

Потом Миллер никак не мог отчетливо вспомнить, что он видел в этом большом темном помещении. Осталось лишь воспоминание о великом множестве диковинных блестящих предметов – возможно, приборах; о рядах сосудов, на чьей поверхности играли разноцветные блики, как огоньки свечей в нефе собора; о том, что не имело ни названия, ни узнаваемой формы...

В центре помещения, посреди филигранной сети, как будто не касаясь ее, висел прозрачный куб размером три фута. Внутри его медленно вращался наклонный ореол, состоящий из... звезд? Миллер вроде бы слышал тихую музыку, ту самую, что доносилась с ночного неба, едва уловимую, но все же доступную для его новых чувств.

– Сила, – сказала Орелла, кивнув на куб.

Миллер медленно подходил, пока не оказался возле сетчатой клетки, внутри которой парил куб. Он чувствовал слабое давление света вращающихся звезд и одновременно столь же слабое притяжение – две эти силы не уравновешивали друг друга, но постоянно заставляли человека слегка напрягать мышцы, чтобы сбалансировать влечение в разные стороны, пока он стоял в радиусе их действия.

Миллер с трудом сдерживал возбуждение, охватившее его возле этого таинственного артефакта, который был целью его поисков. Слейд отдал бы все, что имел, за него – за непостижимую Силу, не доступную ни одному человеку в мире, находившемуся ниже Пика Семьсот.

В мозгу раздался нетерпеливый голос Льези:

– Потом посмотришь, а сейчас ты нужен мне, если мы хотим остановить чудовище. Повернись кругом... Так, а теперь иди прямо к стене, возьми голубой светящийся сосуд и...

Сопrotивляться не имело смысла, поэтому Миллер ослабил собственную волю и позволил Льези полностью собой управлять, так что в течение нескольких минут почти не отдавал себе отчета в том, что делает его тело. Руки были заняты, в мозгу шел напряженный мыслительный процесс.

Постепенно активность ослабевала. Между его пальцами вспыхивали и гасли огоньки. Предплечьями, ладонями, склонившимся над ними сосредоточенным лицом он ощущал попеременно тепло, холод и другие физические состояния – новые, незнакомые. Но в его мозгу постепенно росло разочарование.

С некоторым усилием вернув контроль над собственным разумом, он задал Льези короткий вопрос.

– Не знаю, – ответил Льези. – Это нелегко. Думаю, я мог бы остановить эту тварь, но цена была бы слишком велика. И Бранн об этом знает. Ему достаточно будет послать еще одно такое же чудовище, и...

Мысль угасла, словно Льези подсознательно не хотел высказывать ее до конца.

Миллеру снова пришлось напрячься, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, которое было необходимо, пока Льези работал. Чувства вновь стали так же остры, как и прежде. Он знал, что делать.

– Ты будешь меня слушать? – спросил Миллер. – Кажется, я нашел выход, но вопрос в том, готов ли ты мне довериться.

– Чего ты от нас хочешь? – настороженно, но в то же время с надеждой осведомился Льези.

– Сначала ответь, ты можешь сделать копию этого источника Силы?

Миллер и Льези повернулись, глядя на парящий куб, внутри которого лениво вращался мерцающий ореол.

– Да, могу, – ответил Льези. – А зачем?

– Как скоро сделаешь?

– Чтобы остановить чудовище, времени не хватит. Нужно несколько часов.

– В таком случае, – сказал Миллер, готовясь к буре, которая неминуемо должна была разразиться, – позвольте этой твари забрать вашу Силу и отнести ее Бранну.

Ответом ему был мысленный взрыв ярости и негодования.

Но вот гнев ослаб, хотя Орелла все еще смотрела на Миллера с недоверием, а сердитые мысли Льези продолжали тлеть в мозгу Миллера. И тот продолжил:

– Знаю, знаю. На вашем месте я бы точно так же возмутился. Но если рассуждать беспристрастно, вы придете к выводу, что Бранн может справиться с вами в любой момент. Если одолеете эту машину, ему достаточно будет послать еще одну, чтобы завладеть источником Силы. Послушайте меня, и, возможно, вам удастся победить. Надо атаковать самим! Позвольте Бранну отобрать у вас Силу, но идите за ней следом.

Наступила пауза – собеседники переваривали услышанное. Наконец Орелла сказала:

– Мы сможем дойти только до стен замка Бранна. Попасть внутрь нам никогда не удалось...

– Разве не понимаете, что это единственный способ? Бранну придется создать проход, чтобы куб попал в замок. Мы последуем за кубом и, возможно, проникнем в замок – если его владелец не будет знать о наших действиях. Да-да, я помню: вы думаете, будто я и есть Бранн. Как же доказать?.. Пойдите! Вы можете читать в моем разуме? Если я его полностью раскрою? Тогда поверите мне?

– Думаю, это возможно, – медленно проговорила Орелла. – Хочешь, чтобы я попробовала?

Миллер заколебался. Человеческий разум всегда боится отбросить последний темный барьер, отделяющий личность от мира, в котором она существует. Психика – настолько ревностно охраняемая тайна, что даже при желании человек не способен обнажить ее перед другими. Но если Миллер не допустит Ореллу к самым потаенным закоулкам своего разума, не останется ни малейшей надежды на победу.

«А если Бранн одержит верх, – подумал он, – я потеряю гораздо больше, чем кто-либо из живущих здесь».

– Да, – мысленно обратился он к Орелле. – Попробуй, – может, и получится...

Она чуть улыбнулась:

– Освободи свой разум. Не сопротивляйся... Нет, вообще не сопротивляйся. Позволь мне выяснить правду. Бранн... Бранн... ты Бранн? Мне нужно знать...

Их взгляды встретились, и, как уже было однажды, ее глаза все увеличивались, пока не превратились в темный омут, где утонуло его сознание...

– Спасибо, – тихо сказала Орелла. – Прости. Ты всегда говорил правду – если только ты не хитрее, чем я думаю, и не умеешь прятать тайны еще глубже, чем на дно подсознания. Я вижу, что ты не желаешь нам зла. Я вижу и другое: то, ради чего ты пришел сюда.

– Да. Тебе все равно пришлось бы об этом узнать. Вот почему я спрашивал, можно ли сделать копию куба Силы.

– Он хочет забрать куб с собой, Льези, – сказала Орелла.

И Миллер впервые понял, что эта женщина находится даже в более тесном контакте с его разумом, чем Льези, в этом разуме обитающий. Льези не может заглянуть в его глубины; он не знал того, что сейчас узнала она.

– Забрать? – недоверчиво спросил Льези. – Но...

– Да, – перебила его Орелла. – Мы можем это устроить, Льези. Если план сработает, мы будем в огромном долгу перед Миллером.

– Но, Орелла, – настаивал Льези, – разве он не понимает, что...

Мысль внезапно оборвалась, и у Миллера возникло неприятное чувство, что эти двое перешли на другой уровень общения, недоступный ему. И от этого стало не по себе. Орелла и Льези что-то знают о нем – то, чего он сам пока не ведает и от чего может зависеть его будущее.

– В чем дело? – спросил он. – Если я собираюсь вам помочь, то имею право знать.

Орелла повернулась к нему. Взгляд темных глаз был теперь спокоен, ненависть и недоверие исчезли.

– Не сейчас, – сказала она. – Слышишь?

Издали, но вполне отчетливо сквозь непрозрачные стены донесся звон бьющегося стекла.

– Это машина, – сказал Льези. – Нельзя терять времени. Если действовать по твоему плану, Миллер, надо позаботиться о том, чтобы ее победа не оказалась слишком легкой, иначе у Бранна возникнут подозрения. У тебя есть идеи насчет того, что нужно сделать, когда мы проникнем в его замок?

– Пока нет, – рассеянно ответил Миллер.

Его мысли были заняты тем, что произошло несколько минут назад. Прежде он не предлагал открыть перед этими людьми свой разум, так как Орелла неизбежно поняла бы, что ему нужна Сила, однако он не может ничего предложить взамен. Но теперь ситуация другая.

Что ж, в каком-то смысле он добился успеха, но в каком-то... потерпел неудачу? Можно только гадать. Баланс странным образом изменился, и теперь уже Миллер не доверяет Орелле и Льези, а они, напротив, поверили, что на него можно положиться. Наверняка они скрывают от Миллера нечто крайне важное.

– Пока нет, – повторил он, заставляя себя сосредоточиться на текущих проблемах.

За стеной раздался звон очередного разрушенного барьера.

– Я знаю одно: когда ты наступаешь, вдохновение приходит легче – и в замке Бранна оно нам понадобится. Нам известно, что Бранн – личность неуравновешенная. Стоит еще больше вывести его из равновесия – и, возможно, мы получим преимущество. Наверняка ему есть что скрывать, иначе бы он не вел себя так, как ведет. Если сумеем встретиться с ним лицом к лицу – кто знает, что будет?

– Когда ты говоришь «мы», – спросила Орелла, – кого имеешь в виду?

– Себя и Льези.

– И Ореллу, – спокойно сказала девушка.

– Конечно нет! Это опасно...

– Не опасней, чем ждать мести Бранна, а она обязательно последует, если у вас ничего не выйдет. Незаметно проникнуть в замок можно в одиночку, максимум вдвоем – от целой армии не будет никакого толку. Ци – моя сестра. Думаю, я смогу ею управлять и она станет оружием, которое может нам пригодиться.

– Льези, – обратился Миллер к собственному мозгу, – что думаешь?

Последовала пауза.

– Пусть идет, – сказал Льези. – Насчет сестры она права – Ци способна нам помочь.

Очередной музыкальный звон бьющегося стекла прозвучал явственнее прежнего.

– Оно приближается, – сказал Льези. – Пора браться за дело. Миллер, иди вон к той линзе, установленной на тессеракте, и делай, что я скажу. Эта машина не победит нас без борьбы.

Глава 7. Битва титанов

В свете ранней зари они видели, как облако движется в их сторону с другой стороны долины. Скорчившись под стеной замка Бранна, Миллер и Орелла молча ждали. Они сочли самым разумным воспользоваться телепортацией и найти укрытие, в то время как Бранн явно сосредоточил все усилия на управлении своим механическим воином.

А тот вломился в зал, где находилась Сила, и наконец-то завладел тем, ради чего был послан в бой.

Теперь двое – вернее, трое, поскольку в мозгу Миллера сидел Льези, – видели праздно вращающийся ореол огоньков, который сиял сквозь облачную субстанцию несшей его машины. Движения трофея сопровождалась едва уловимой музыкой.

– Времени в обрез, – предупредил Льези. – Сила нужна Бранну для вполне определенной цели. Как только он научится ее применять, у нас не останется ни малейшей надежды. Надо действовать, и немедленно.

– И что, он в самом деле быстро научится пользоваться Силой? – спросил Миллер.

– А ты все о своей выгоде, – усмехнулся Льези. – Да, управление Силой можно освоить без особого труда. Но не думай об этом, Миллер. Ты получил наше обещание, вот им пока и довольствуйся.

Миллер беспокойно зашевелился:

– Вы что-то утаиваете от меня. Орелла, я открыл перед тобой мой разум. Если я заслуживаю какой-нибудь награды за то, что помогаю вам, то заслуживаю и правды.

Орелла покачала головой:

– Не спрашивай об этом, не время. Я все тебе расскажу, если останемся в живых. А сейчас это только отвлекло бы тебя. Нам необходимо победить Бранна, и, чтобы этого добиться, ты должен быть полностью сосредоточен. Чудовище уже близко, слышишь? Интересно, в каком месте Бранн откроет для него проход?

Музыка вращающихся звезд теперь звучала отчетливее. У Миллера вновь возникло неестественное чувство притяжения-отталкивания, которое вызывала Сила, – столь малое расстояние отделяло теперь ее источник от людей, скорчившихся в своем укрытии.

Облако проплыло мимо них, едва не коснувшись лиц, и двинулось вверх по каменной насыпи, окружавшей замок Бранна.

Вот оно плотно прижалось к стене. Свет, лившийся с нее словно вода, и сиявший, словно огонь, рождал цветные тени в густом тумане, растекшемся по прозрачной поверхности.

Затаив дыхание, Миллер смотрел на встревоженное лицо Ореллы, на котором играли эти удивительные отсветы.

Внутри облака переконфигурировалась алмазная паутина. Поверхность стены затуманилась, как будто кто-то на нее подышал. Затем это место потемнело – и вдруг в стене возник проем.

– Ну же! – воскликнул Льези. – Идите следом!

Орелла устремилась вперед.

У Миллера перехватило дыхание и екнуло сердце, когда из-под ног Ореллы выкатились камни и она едва не упала. Но вот и проем – темное отверстие уже затянуто быстро уплотняющимся туманом.

– Опасно! – Мысль Льези промелькнула в мозгу Миллера намного быстрее, чем ее можно было бы выразить словами. – Если пропустим момент превращения, то окажемся в ловушке, как мухи в янтаре. Вперед! Не обращайтесь внимания на шум! Вперед!

Миллеру казалось, будто он проталкивается сквозь темное желе. Оно довольно легко раздвигалось под напором, но ощутимо густело с каждым мгновением.

– Не дышите! – предупредил Льези. – Надо терпеть – думаю, недолго.

К тому времени, когда они наконец выбрались на свежий воздух, субстанция, из которой состояла стена, успела обрести чуть ли не свойства резины. Отдышавшись, Орелла обернулась и с удивлением дотронулась до поверхности, которая теперь и упругости лишилась, вновь сделавшись непроницаемо-твердой.

Они стояли в круто уходявшем кверху коридоре, где гуляло эхо беззвучной музыки Силы. Впереди звездный ореол просвечивал сквозь серый туман, быстро удалявшийся по пандусу.

Люди молча последовали за облаком.

Они находились глубоко под главным ярусом замка. Слева, пока они поднимались по крутому пандусу, непрерывно двигалась светящаяся внешняя стена, отбрасывая их тени на внутреннюю стену коридора.

– Где-то должна быть охрана, – сказала Орелла.

– Было бы лучше, если бы мы встретили ее уже сейчас, – с тревогой заметил Льези. – Такое ощущение, что Бранн знает куда больше, чем мы полагаем.

Пандус сделал полный разворот, но не закончился. Люди с трудом плелись следом за облаком-роботом, которое несло в себе Силу. Охранники не встречались.

Пандус повернул еще дважды, и наконец Миллер и Орелла оказались на большой открытой площадке, с которой поднималась вертикально широкая труба. Восхождение завершилось. С легкостью, свойственной настоящему облаку, робот взмыл и мгновенно исчез, унесенный прочь телепортацией. Сверху доносились отдаленные голоса, смех, музыка.

Не говоря ни слова, Орелла крепко сжала руку Миллера. Мгновение спустя земля ушла у них из-под ног. Светящаяся стена пронеслась мимо, словно разноцветный Ниагарский водопад.

Тронный зал Бранна представлял собой просторное круглое помещение с купольным потолком. Посередине находился помост, его закрывала темная портьера, свисавшая с потолка прямыми складками, похожими на колонны. На ступенях перед помостом сидела женщина со струнным инструментом на коленях, наклонив голову так, что радужные волосы падали на плечи, лицо и перебирающую струны руку. Зал заполняли звуки диковинной неистовой музыки.

– Бранн! Где Бранн? – позвал кто-то, и женщина, улыбнувшись, подняла взгляд.

Это была Ци.

– Бранн уже идет. Он ждет гостей, – сказала она и посмотрела на дальнюю стену зала, где в нише неподвижно стоял робот, окутанный плотным туманом Силу.

Скорчившийся позади робота Миллер почувствовал, как сжались на его руке пальцы Ореллы. Пока робот стоял неподвижно, людей полностью скрывал его туманный силуэт. Но если он сдвинется с места...

– Она имеет в виду нас, – прошептала Орелла. – Я знаю Ци. Что будем делать?

– Ждать, – сказал Льези. – И слушать.

В большом зале перед ними, где на подушках, сделанных как будто из уже знакомого тумана, сидели придворные, мужчины и женщины в сверкающих одеждах, возник ропот. Множество мысленных голосов слилось в недовольный гам.

– Бранн! Позови его, Ци, позови скорей! Скажи ему, что робот уже здесь. Мы хотим видеть Бранна!

Под прикосновением Ци мелодично зазвенели струны.

– Он еще спит внизу, – сказала она. – Не уверена, что стоит его сейчас будить. Мне попробовать?

– Спустись и позови его, – раздраженно потребовал кто-то. – Мы и так уже слишком долго ждем. Позови его, Ци!

– Его гости, должно быть, уже здесь, – зловеще улыбнулась она. – Хорошо, я спущусь и разбужу Бранна.

Она положила арфу на ступени и встала.

В тот же миг Миллер ощутил, как в самой середине его мозга что-то взорвалось. На мгновение его оглушил поток силы, изливавшейся из черепа...

Робот, заслонявший пришельцев от чужих взглядов, оторвался от пола, легким облаком проплыл над головами придворных и загорелся прямо над ступенями, где стояла Ци.

Миллер понял, что это проделал Льези, еще до того, как тихий голос в его мозгу произнес:

– Так лучше всего – атаковать. Ты прав, Миллер. Теперь смотри.

Облако было уже полностью охвачено ярким огнем. У Миллера возникла догадка: после того как миссия робота завершилась, он был отключен, и теперь любой разум может делать с ним все, что угодно. Льези решил уничтожить его самым зрелищным способом из всех, какие только мог придумать.

Из ослепительного облака выпал куб Силы, внутри которого медленно вращался поющий ореол. Прозрачный куб ударился о лестницу в ярде от того места, где стояла Ци. Ударился – и расколот белый мрамор сверху донизу. Ци едва удержалась на ногах.

Грохот отразился от высокого свода; эхо еще долго слышалось после того, как перестал вибрировать помост.

Ци восстановила равновесие и, повернувшись на разбитой ступени, устремила взгляд в нишу, где прятались Миллер и Орелла.

Несмотря на пережитое потрясение, самообладания она не потеряла.

– Сестра! – воскликнула Ци. – Добро пожаловать в замок Бранна. Мне позвать его, чтобы он приветствовал тебя?

Орелла послала в ответ спокойную, уверенную мысль:

– Ци, сестра моя, поступай, как считаешь нужным. Для нас будет лучше всего, если ты позовешь Бранна.

Женщина на возвышении колебалась. Миллер видел, что твердость мысленного голоса Ореллы сбила ее с толку. Теперь он понимал, что имела в виду Орелла, когда говорила, что способна управлять сестрой.

Все просто: она обращалась к Ци с высоты своего авторитета, взывая к ее совести и полученному в детстве воспитанию. Ци, подумал он, вовсе не является таким же злом, как Бранн. Она, безусловно, слабее сестры, и, возможно, эта слабость теперь сыграет свою роль.

– Орелла, – неуверенно сказала Ци, – мне кажется, что...

Но то, что она хотела сказать, потонуло в шуме, который вдруг подняли придворные. Миллеру вспомнились римские зрители, нетерпеливо дожидавшиеся, когда на арене прольется кровь.

– Бранн, Бранн! – выли голоса. – Разбуди Бранна! Позови его, чтобы он принял гостей! Бранн, проснись! Бранн, Бранн, ты нас слышишь?!

Ци медлила. Миллер ощущал поток отчаянных мыслей стоявшей рядом Ореллы, но шум в зале был чересчур сильным, и она не могла пробиться к своей сестре. Вдруг Ци повернулась, закрыла лицо руками и, спотыкаясь, поднялась по разбитым ступеням на помост.

Она раздвинула портьеры, свисавшие с высоты в добрую сотню футов, и скрылась за ними.

Тотчас наступила мертвая тишина.

– Пойдем, – тихо сказал Миллер и, взяв Ореллу за руку, двинулся вперед.

Он понятия не имел, что теперь делать. Но если решено атаковать, то он будет атаковать, а не ждать, когда Бранн взойдет на свой трон.

Все головы повернулись к двум незнакомцам; все взоры следили за тем, как они пересекают зал. Никто не пытался им помешать, однако каждый настороженно изучал выражение их лиц. Эти самые люди, мрачно подумал Миллер, наблюдали бы за жуткими «экспериментами» Бранна над ним самим, если бы он не сбежал из замка – с помощью Ци.

Льези в его мозгу молча ждал.

Они были уже почти у ступеней, когда портьера шевельнулась, словно по залу пронесся ветерок. Услышав уже знакомый мысленный голос – слащавый, насмешливый, – Миллер ощутил пробежавший по спине холодок, и все его мышцы невольно напряглись. Омерзительный, жуткий голос вызывал в мыслях образ столь же омерзительного и жуткого человека.

– Выходи, Бранн! – смело сказал Миллер. – Если ты нас не боишься, выходи!

В зале за его спиной, словно эхо, заговорили два или три смельчака:

– Выходи, Бранн! Дай себя увидеть. Если не боишься, Бранн, выходи!

Вот, значит, сколь далеко может зайти любопытство даже в цитадели Бранна! И даже здесь Бранн никому не показывал своего лица.

Эти мысли придали уверенности Миллеру. Если Бранну приходится скрывать столь важное, то за завесой тайны может прятаться слабость.

– Бранн, ты так хочешь заполучить Силу, – сказал Миллер. – Она здесь, ждет – и уже успела расколоть твою лестницу. Ты рискнешь выйти и взглянуть на нее?

Бранн не ответил. Но по залу пронесся его сардонический смех, скрежетнувший, как показалось Миллеру, прямо по нервам.

– Ладно, – грубо бросил он, – я сейчас сам приду и вытасу тебя!

И поставил ногу на нижнюю ступень.

По залу волной пробежал восхищенный вздох. Льези все так же молчал. Пальцы Ореллы ободряюще сжали руку Миллера. Он поднялся еще на ступень и протянул свободную руку к портьере...

Послышался громкий, пугающий скрежет камня о камень, и ступени пошатнулись под ногами Миллера. А в следующий миг он обнаружил, что падает.

Вокруг закружились стены; пол наклонился, словно хотел нанести ему мощный удар, – но удар не достиг цели. Какая-то сила мягко приподняла Миллера и переместила на десять футов, снова опустив на твердую поверхность, ошеломленного, но невредимого.

Мраморные ступени лежали перевернутые на полу. Снова телепортация, понял Миллер. Бранн опрокинул ступени, чтобы не дать недругу дотянуться до портьеры. И кто-то – Льези или Орелла – послал мысленный луч, перенесший Миллера в безопасное место.

По залу снова разнесся беззвучный, холодный смех. Бранн до сих пор не произнес ни слова, но его издевка жгла Миллеру уши и мозг. Бранн ждал... Миллер почти явственно ощущал, с каким жадным нетерпением тот взирает на стеклянный куб, внутри которого вращается ореол Силы.

Льези тоже это понял, и Миллер осознал, что в его мозгу начинает формироваться некий план...

Но слишком поздно. В воздухе появилась странная тяжесть, которая была уже знакома Миллеру. Однажды Бранн применил против него это оружие, превратив сам воздух в свинцовый груз, едва не переломавший ребра.

У Миллера подламывались колени под этим чудовищным давлением. Воздух вокруг него взревел, и висевшая над помостом портьера заколыхалась широкими волнами под напором урагана, прилетевшего неведь откуда. От невыносимой тяжести сперло дыхание, в ушах зазвенело, перед глазами поплыли красные пятна. Откуда-то издалека донесся язвительный смех Бранна.

Чья-то чужая мощь собралась в мозгу Миллера – и разлилась волной жидкого пламени. Он почувствовал, как она выплескивается наружу, как устремляется к портьере, за которой

прятался Бранн. Но сам он был слеп и глух из-за сокрушительного веса, который внезапно приобрел воздух.

Даже сквозь собственную глухоту и рев ветра он услышал треск расколотого мрамора, и давившая на него тяжесть несколько ослабла. Зрение вернулось. Он увидел большой черный камень с зазубренными краями, выломанный из пола у помоста Бранна.

Казалось, камень по собственной воле освободился и поднялся в воздух, устремившись к портъере Бранна. В своем мозгу Миллер ощущал напряженную деятельность Лъези – телепортация выравнивала висящее мраморное оружие и направляла его в сторону портъеры. Словно замок вдруг ополчился против своего хозяина, оскалив большие каменные клыки.

Тяжесть совсем исчезла – столь неожиданно, что от мозга отхлынула кровь и все поплыло перед глазами. Кусок мрамора нерешительно завис в воздухе. Лъези и Миллеру пришлось вместе бороться с дурнотой, окутавшей перенапряженный мозг.

Бранн сумел воспользоваться этим коротким замешательством. Он не мог предотвратить подготовку оружия к бою, но мог помешать удару. Отломленный кусок мраморной ступени взмыл наперехват летящей глыбе.

Два камня столкнулись у края помоста, рухнули на него и с грохотом запрыгали по ступеням. От потолка отразилось гулкое эхо. Камни прокатились по полу и врезались в подушки, на которых сидели придворные Бранна, зачарованные неожиданным зрелищем.

К грохоту камней добавились вопли зрителей, угодивших под огромные куски мрамора. Зал заполнился суматошным гамом.

Миллер почувствовал, как из его мозга снова хлынула накопленная Лъези мощь. Одна из гигантских мраморных колонн зашаталась, переломилась, величественно наклонилась и упала. Но пола она не коснулась, а устремилась неровным торцом к помосту.

Потолок над головой выгнулся. Послышался жуткий скрежет металла о камень, и куполообразная крыша затрещала. Но падающие обломки тоже не коснулись пола, а ринулись навстречу летящей колонне. Все это рухнуло, образовав бесформенную гору около помоста.

В зале вопили от ужаса разбегающиеся люди, выли от боли те, кто оказался под обломками крыши. Тронный зал Бранна разваливался с чудовищным грохотом.

Прежде чем грохот прекратился, все, кто мог сбежать, исчезли. Половина крыши лежала на полу в виде бесчисленных обломков, а Миллер стоял и оцепенело глядел на помост, над которым все еще покачивалась на ветру длинная портъера. Бранн молчал, будто собирая силы для очередной контратаки. В мозгу у Миллера зашептал Лъези:

– Мои силы кончаются, Миллер. Я попытаюсь в последний раз... Надо узнать, что скрывает Бранн. Помоги мне, если сможешь... и смотри!

Несколько мгновений было тихо. Потом по всей длине портъеры с самого верха пробежала волна. Глухо застонали камни потолка.

С помоста донесся беззвучный вопль Бранна:

– Нет!

Каменный блок, к которому крепилась портъера, вывалился из свода и обрушился на растрескавшиеся плиты пола.

Сама портъера падала гораздо медленнее. Словно дым, она покачивалась в воздухе, медленно сморщиваясь и расправляясь...

Бранн пытался остановить падение, цепляясь за портъеру невидимой мысленной силой. Но с его разумом теперь что-то было не так, и даже Миллер это чувствовал.

Происходил некий распад; разум ощущал его и пытался остановить. Это было нечто похуже, чем истерика, нечто опаснее, чем паника. Лъези вдруг сосредоточился, а Орелла затаила дыхание.

Портъера разваливалась на куски. Вот и куски распались, превратились в дым, который длинными тенями лег на изувеченный пол.

На помосте стоял Бранн...

Тот, кто так долго внушал своим врагам ужас, шатался, хватаясь за свою черную мантию – как будто пытался скрыть формы облаченного в нее тела. Лицо было искажено жуткой гримасой ярости и ненависти.

И это лицо было хорошо знакомо всем троим.

Это было лицо Ци.

Глаза ее были закрыты. Она не смотрела на Миллера и Ореллу, не говорила, не двигалась. Миллер вдруг предположил, что в ипостаси Бранна она никогда не открывала глаз. Возможно, в ипостаси Бранна гримаса ледяной ненависти постоянно уродовала ее черты.

Теперь стало ясно, что Ци безумна.

«Шизофрения, – машинально подумал Миллер. – Раздвоение личности».

Но он не получил мысленного ответа ни от Льези, ни от Ореллы. Оба были ошеломлены.

Ци перевела невидящий взгляд на Ореллу. Холодным мужским голосом она сказала:

– Теперь ты знаешь. Теперь ты видела Бранна. Но прежде чем я убью вас обоих, скажи мне, Орелла, где Ци?

У Миллера зашевелились волосы на затылке.

Глава 8. Всепожирющее пламя

В то же мгновение он понял, что ни Орелла, ни Лъези ничем ему не помогут. В их мыслях сквозило неверие и замешательство, лишавшее их возможности действовать. И Миллер, кажется, понимал почему.

Орелла, Лъези и весь их народ обладали идеальным душевным здоровьем. Судя по всему, в их истории никогда прежде не случалось такого, чтобы кто-то повредился умом. Для этого они были слишком совершенны. И теперь, столкнувшись с явным случаем шизофрении, они были не в состоянии постичь природу этого недуга, абсолютно чуждого для них.

Миллер послал Лъези отчаянные мысли, свои скудные, фрагментарные знания о психотерапии. Но Лъези не понял. Вместо этого он полностью закрыл свой разум. И стоявшая рядом с Миллером Орелла тоже отгородила сознание от понятий, которые для ее народа, обожествлявшего духовное совершенство, находились за гранью постижимого.

Невидящая женщина на помосте наклонилась вперед.

– Орелла... – проговорила она.

Бранн не знал, что вторая половина его разума принадлежит Ци. Естественно, Бранн не мог подозревать, что является частью раздвоившейся личности. Не могла и Ци догадаться, что Бранн – ее вторая половина. Не ведал и Миллер, что за генетический сбой способен привести к подобным последствиям.

Но сейчас он об этом не думал.

Он шагнул вперед и позвал:

– Бранн!

– Значит, ты вернулся, – возникла у него в мозгу холодная мысль. – Что ж, устройство, которое я дал тебе, не убило Лъези, но это я скоро исправлю. Что касается тебя... – Последовал знакомый беззвучный смех.

У Миллера на лбу выступил пот.

– Подожди, – быстро подумал он. – Я могу сказать тебе, где Ци.

Он ощутил нерешительность соперника, но миг спустя последовал торопливый вопрос:

– Где? Где она?

– Ты...

Миллер почувствовал, как разум стоящей на помосте женщины поспешно закрывается от его мыслей. Бранн не мог позволить себе узнать правду. Просто не мог.

– Ну? – поторопил Бранн. – Отвечай!

Встревоженные, ничего не понимающие Орелла и Лъези молча ждали. И тут Миллер нашел ответ. Он расстегнул браслет часов, которые Орелла вернула ему, изъяв из них смертоносное устройство. Как часы эта вещь была бесполезна, но Миллер по привычке оставил их на руке.

– Возьми, – сказал он.

Бранн – он же Ци – не пошевелился.

Миллер протянул часы:

– Они больше не опасны. Разве не видишь?

– Это обман. Ты не знаешь того, что желаю узнать я. Почему я должен тратить на вас время?

– Если хочешь найти Ци, – подумал Миллер, – тебе придется взять эту вещь. Конечно, если не боишься.

Часы вырвались из его пальцев и, сверкающей молнией пролетев через зал, оказались в руке Бранна.

Миллер глубоко вздохнул:

– Переверни их. Вот так. Поднеси к лицу. Да, правильно. Теперь... открой глаза.

– Мои глаза не открываются.

– Открой их!

– Они никогда не открывались!

Неподвижный воздух, казалось, звенел от напряжения. Вдруг Миллер почувствовал, что Орелла присоединилась к нему:

– Если откроешь глаза, то найдешь Ци.

И это было единственное, что могло пробиться через глухую броню в безумный полуразум Бранна. Белые веки дрогнули... Длинные ресницы медленно поднялись...

Глаза Бранна посмотрели на отполированную металлическую крышку часов. Глаза Бранна взглянули в маленькое зеркало... в глаза Ци!

Глаза Ци, широко раскрывшись от ужаса, смотрели в глаза Бранна!

Не было никакой защиты от мысленной лавины, обрушившейся на потрясенный, кричащий в панике разум – нет, на два разума, находящихся в одном теле. Впервые Бранн увидел ту, кого искал с момента своего загадочного рождения. И впервые Ци увидела свое собственное лицо, искаженное холодной ненавистью, ставшей неотделимой чертой Бранна.

Миллер же испытывал только жалость. Главный принцип психотерапии – добиться, чтобы пациент посмотрел в лицо собственной болезни. Но ни одному обычному шизофренику не приходилось столь жестоко срывать темную завесу со своего сознания. Обычный человеческий мозг обладает защитным механизмом против подобного вторжения, и этот механизм срабатывает автоматически.

Ци принадлежала к народу, чье духовное развитие достигло высочайшего уровня. Еще до рождения ее поразило безумие, долго остававшееся скрытым. Но все же ее разум оказался достаточно могуч, чтобы посмотреть в глаза шокирующей, невероятной правде.

Ци никогда не была злобной, как Бранн. Да, она была слабее, но холодная жестокость, которую так обожало ее второе «я», была ей чужда.

Одно лишь долгое, как вечность, мгновение лицом к лицу стояли двое – добро и зло, которые, сами того не зная, делили одно тело и один разум.

У Миллера в ушах звенела тишина.

Потом рука, державшая зеркало, повисла. Ци повернула голову, и ее безумный, дикий, полный ужаса взгляд встретился со взглядом Миллера.

И тот прочел в ее глазах предчувствие гибели. Этими глазами на него смотрели две совершенно разные личности, и на миг показалось, будто к нему обращаются одновременно Ци и Бранн – так же, как было, когда он впервые услышал их, очнувшись в этом невероятном мире.

Но тогда они еще не знали правду. Тогда расщепленное сознание разговаривало само с собой, добро и зло спорили друг с другом, не подозревая, что обитают в одном мозгу. Теперь они знали. Можно было лишь догадываться, когда присущее Ци зло проиграло сражение с добром и высвободилось из-под контроля ее сознания. Оно назвалось новым именем, наделило себя мужскими чертами, чтобы еще глубже скрыть свое происхождение, и обрело такую силу, что даже Ци уже не могла им управлять.

Ци ненавидела Бранна. А Бранн не в силах был вынести даже мысли о том, что Ци – это он сам.

Расщепленный разум, теряющий опору, с безумной жестокостью обрушился на разум Миллера.

– Ты обрек меня на гибель! – воскликнули два голоса. – Ты разрушил мой замок и мою жизнь! Умри же, и пусть весь твой род умрет вместе с тобой!

Миллер не в силах был отвести взгляд от смотревших на него глаз, которые все увеличивались, затягивая его во тьму, где клубился водоворот из двух разумов, унося его рассудок в чудовищную бездну...

Миллер больше не видел Ореллу, но слышал ее слабый шепот, в котором соединились беспомощность и ужас.

– Я не могу... помочь тебе... – доносился откуда-то издалика ее мысленный голос. – Я не могу победить обоих. Лъези... Лъези... где ты?

Ответа не было. Безумный двойной разум налетел на разум Миллера сразу с двух сторон, пытаясь разорвать его на две половины. Никто не мог бы противостоять этой силе, увлекавшей его в пропасть безумия...

И вдруг он понял, что больше не один. Откуда-то из темноты появился разум Лъези, словно подставляя Миллеру невидимое плечо и помогая выбраться из чудовищного водоворота.

Возможно, ни один разум во вселенной не мог бы устоять в борьбе с расщепленным разумом Бранна – Ци. Но в мозгу Миллера тоже обитал двойной разум – его собственный и Лъези. Они научились действовать совместно. И теперь они могли вступить в бой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.